

Zpracování a vydání této publikace bylo umožněno díky finanční podpoře udělené roku 2010 Ministerstvem školství, mládeže a tělovýchovy ČR v rámci Rozvojového projektu č. 15/17, programu 7c, Filozofické fakulty Univerzity Palackého v Olomouci: Podpora excelence odborných a pedagogických publikačních výstupů pracovníků Filozofické fakulty Univerzity Palackého.

Adresa, na níž je možno časopis objednat:

Prodejna VUP
Biskupské náměstí 1
771 11 Olomouc
e-mail: prodejna.vup@upol.cz
e-shop: <http://www.e-vup.upol.cz/>

ROSSICA OLOMUCENSIA – Vol. XLIX
Časopis pro ruskou a slovanskou filologii. Num. 2
Olomouc 2010

STUDIE – ARTICLES – СТАТЬИ

Олег Анатольевич Арапов: Силы небесные в русских духовных стихах XIX в. (на примере библейских устойчивых словесных комплексов)	5
Алла Мстиславовна Архангельская: Прагматичний потенціал гендерно маркованих паремійних одиниць	15
Михаил Митрофанович Калиниченко: Чехов и Достоевский: перспектива выхода из историко-литературного тупика»	21
Михаил Михайлович Калиниченко: Антон Чехов и Герман Мелвилл в «Большом времени»	27
Йоланта Митурска-Бояновска, Йоланта Игнатович-Сковроньска: <i>Opera mydlana / мыльная опера</i> в современных польском и русском языках	33
Ангелина Юрьевна Пономаренко: Перспективы развития украинской фразеологии	39
Наталья Семеновна Семеновна: Современный паремический дискурс и новые прагматические смыслы русских пословиц	45
Галина Мирославовна Сютя: Языкотворчество Нью-Йоркской группы как фрагмент украинского национального поэтического дискурса	51
Войцех Хлебда: Метаоператоры в функции поисковой системы в обработке ресурсов Рунета для лексикографических целей	57
Сергей Григорьевич Чемеркин: Стилистика гипертекста как новое направление лингвостилистики	67
TEREZA JAVORNICKÁ: Židovství jako inspirační zdroj ruských židovských autorů 20. století (Osip Mandeštam, Josif Brodskij)	73

RECENZE – REVIEWS – РЕЦЕНЗИИ

MONIKA VOKURKOVÁ: Božena Bednaříková: Slovo a jeho konverze. Olomouc 2009	79
PETRA FOJTŮ: Ján Gallo: Vyjadrovanie kategórie neurčitosti v ruštine a slovenčine. Nitra 2008	80
KRISTÝNA BĚLECKÁ: Bezekvivalentní lexikum jako prostředek komparativního pohledu na slovenské překlady klasiků ruské literatury a významné slovenské překladatele	82

ZPRÁVY – NOTES/NOTICES – ОТЧЕТЫ/ОБЪЯВЛЕНИЯ

OLDŘICH RICHTER: Mezinárodní vědecká konference k 15. výročí narození A. P. Čechova	85
JOSEF ANDERŠ: Jubilejní sympozium ukrajinistů střední a východní Evropy	88

PETRA FOLTŮ: Mezinárodní vědecká konference «Фразеология, познание и культура»	91
ZDENKA VYCHODILOVÁ: Dynamické tendencie v slovanskej frazeológii. Filozofická fakulta Katolíckej univerzity v Ružomberoku, 27.–29. 8. 2010	92

KRONIKA – CHRONICLE – ХРОНИКА

JOSEF ANDERŠ: Desetiletí ukrajinistiky na Univerzitě Palackého v Olomouci	95
XXI Оломоуцкие дни русистов 7–9 сентября 2011 г.	98
Pokyny pro autory	99

ОЛЕГ АНАТОЛЬЕВИЧ АРАПОВ

Россия, Магнитогорск

СИЛЫ НЕБЕСНЫЕ В РУССКИХ ДУХОВНЫХ СТИХАХ XIX В. (НА ПРИМЕРЕ БИБЛЕЙСКИХ УСТОЙЧИВЫХ СЛОВЕСНЫХ КОМПЛЕКСОВ)

АБСТРАКТ:

The article describes representation of heavenly Powers objectified in the XIX century holy verses by means of phraseological units. The author makes up a conclusion that the idea of heavenly Powers represented in Russian holy verses accords with Christian Science.

KEY WORDS:

Holy verses – biblical expression – fixed collocation – heavenly Powers.

Духовные стихи – пласт русской культуры, по идеологическим причинам «забытый» советской наукой. Негласный запрет на изучение духовных стихов отразился не только на исследовательской деятельности: «до 1991 г. духовные стихи в СССР вообще не издавались; их язык не изучался; ни в один из словарей, включая словари народных говоров, не вводились примеры даже из самых популярных духовных стихов; при подготовке к печати справочников по библейским крылатым выражениям и библейским символам семантика библеизмов никак не соотносилась с их значениями, закреплёнными в духовном фольклоре» [Шулежкова 2005: 3].

Соответственно, до сих пор не предпринималось и серьезных попыток воссоздания языковой картины мира, вербализованной в русских народных духовных стихах дореволюционной России.

Настоящая статья посвящена реконструкции представлений о силах небесных, объективированных в духовных стихах XIX столетия посредством библейских устойчивых словесных комплексов (УСК).

В текстах духовных стихов нами обнаружено 11 УСК, называющих какой-либо ангельский чин или небесное воинство в целом. Данные единицы объединены семьей 'ангел'.

Слово *ангел* (греч. ἀγγελος – «вестник», первоначально евр. *mal'āk* – «вестник, посланник») в Священном Писании употребляется в различных значениях: и по отношению к людям, и по отношению к неодушевленным предметам и явлениям природы, когда они предстают вестниками гнева Божия. Но в собственном и узком смысле это слово в Библии обозначает «личное, духовное существо, сотворенное Богом» [ХЭС, т. 1, 1993: 73], а также «последний (девятый) чин небесной иерархии “Ареопагитик”» [ПЭ, т. 2, 2001: 289].

Церковная традиция различает девять ангельских чинов: серафимы, херувимы, престолы, господства, силы, власти, начала, архангелы и ангелы [СД, Т. 1, 1995: 108; ХЭС, т. 1, 1993: 73]. Ангелы как духовные существа «были созданы Богом еще до сотворения видимого мира и человека. Как и человеческие души, ангелы бессмертны <...> Как и Бог, ангелы пребывают на небесах» [МатФСССЯ 2009: 10].

В древнерусских текстах слово *ангел* отмечается начиная с XI в. [Черных, т. 1, 1999: 43]. Словари фиксируют следующие значения у данной лексики: «бесплотное, сверхъестественное существо, вестник» [СДРЯ XI–XIV, т. 1, 1988: 86], «дух, вестник и исполнитель воли бога» [СРЯ XVIII, вып. 1, 1977: 67], «существо духовное, умное, первое в достоинстве между тварей» [САР, т. 1, 2001: 34], «дух бесплотный, одаренный умом, волею и могуществом» [ПЦСС 1993: 4], «существо духовное, разумом и волею одаренное» [СЦРЯ, т. 1, 2001: 9].

Таким образом, в семантической структуре слова *ангел* можно выделить два комплекса сем: ‘сверхъестественное бесплотное существо, наделенное волей и разумом’ и ‘божий вестник’.

В русских народных духовных стихах родовыми наименованиями ангелов являются две сверхсловные единицы: *небесная сила* и *ангельский чин*. Видовыми названиями ангелов являются 9 ед. Две из них обозначают представителей восьмого ангельского чина: *архангел Гавриил*, *архангел Михаил*. Девятый ангельский чин называют и характеризуют семь УСК: *ангел Божий*, *ангел Господень*, *ангел Христов*, *грозный ангел*, *святой ангел*, *тихий ангел*, *ангел хранитель*.

УСК *сила небесная* представляет собой обобщенное название всех ангелов. В качестве устойчивой данная единица отмечена в форме множественного числа (*силы небесные*) в нескольких словарях со значением ‘небесное воинство’ [СРЯ XVIII, вып. 14, 2004: 120; САР, т. 5, 2005: 442; СЦРЯ, т. 4, 2001: 124], ‘ангелы всех чинов’ [СРЯ XI–XVII, вып. 24, 2000: 136]. Оборот *силы небесные* восходит к Библии: «Буду прославлять Тебя во все дни жизни моей, потому что Тебя славят все *силы небесные*, и Твоя слава во веки веков» (Пар 2 Молитва Манассии).

В народных духовных стихах настоящий УСК функционирует как в форме множественного, так и в форме единственного числа:

*А Ердань река всем рекам мати:
Окрестился в ней сам Исус Христос,
Сам Исус Христос, сам небесный царь
Со силами со небесными,*

Со святым с Иваном со крестителем
[Бессонов 1861: 271];

*Идут души верные...
Встречает Небесный Царь
Со святыми ангелы,
Со силою небесною*
[Бессонов 1863б: 186].

Обнаруживаемая в семантической структуре УСК *сила небесная* комплексная сема 'ангелы всех чинов' реализуется в духовном стихе «Страшный суд»:

*Протечет река Сион огненная,
Протечет она, яко гром прогремит.
Тогда ангелы, архангелы преустрашатся,
Херувимы, серафимы преужаснутся,
И вся **сила небесная**
Вострепещется, восколеблется*
[Бессонов 1863б: 133].

УСК *ангельский чин* отмечен как устойчивый со значением 'ангелы' в [СРЯ XVIII, вып. 1, 1977: 69]. Если церковный канон традиционно насчитывал девять ангельских чинов, то народное представление было иным, на что указывает функционирование единицы *ангельский чин* в духовном стихе «Иерусалимский свиток»:

*Вы люди оные,
Рабы поученные,
Над школами выбраны!
Поведайте, что есть Семь?
Семь **чинов ангельских***
[Бессонов 1863б: 382–383].

А. А. Глаголев, автор обширного и авторитетного труда по ангелологии, в своей работе «Ветхозаветное библейское учение об ангелах» отмечает несколько особенностей христианского учения об ангелах:

1) ангелы являются посредниками не столько владычества Бога в природе, сколько его действия и управления в истории спасения и истории царства Божия [Глаголев 1900: 3], «библейское учение об ангелах есть необходимая часть библейского учения о царстве Божиим» [Там же: 8];

2) ангелы предстают в Библии «как своего рода божественные существа, какими они являются для человеческого сознания вследствие их особенной близости к Богу» [Глаголев 1900: 4];

3) ангелы понимаются как совет божий, как «свита Бога, сопутствующая ему в проявлениях в мире» [Глаголев 1900: 4];

4) учение об ангелах Библия излагает «прежде всего и главным образом со стороны отношений мира ангельского к человечеству» [Глаголев 1900: 177–178].

Данные положения оказываются актуальными и при анализе отмеченных в духовном фольклоре XIX столетия сверхсловных единиц, объективирующих представления об ангелах.

Так, три УСК (*ангел Божий*, *ангел Господень*, *ангел Христов*) в духовных стихах XIX в. актуализируют взгляд на ангелов как на божественные существа, обладающие «особенной близостью к Богу». Имея общий главный компонент *ангел*, данные УСК формально различаются зависимыми компонентами. При этом семантическая структура зависимых компонентов одинакова: «относящийся к Богу, исходящий от Бога» [СПЦК 2008: 74].

Выражения *ангел Божий* и *ангел Господень* восходят к Библии (Мф 22: 30, Мф 28: 2–7). В семантической структуре данных единиц и УСК *ангел Христов* в зависимости от контекста на первый план выходит один из трех семантических признаков: 1) «слуга божий» [МатФСССЯ 2009: 10], 2) «вестник божьей воли» [МатФСССЯ 2009: 10], 3) «существо, охраняющее человека» [МатФСССЯ 2009: 10].

В народных духовных стихах УСК *ангел Господень* может актуализировать значение «слуга божий»:

*Посылает Господи по душу ее
Ангелов Господних.
Из девицы душу вынимали,
На пелену душеньку клали,
Понесли же душеньку
Ко Господу Богу
[Киреевский 1848: 67].*

УСК *ангел Божий* в духовном фольклоре может выступать в значении «божий вестник»:

*А где не взялись два **ангела Божьих**,
Рекли человеческим да голосом:
А млад человек, Федор да Тиринин!
Ты пьешь и ешь, прохлаждаешься,
Над собой беды ты не знаешь:
Твою родимую матушку
Полонил змей огненный,
Прожрал тваво коня доброго
[Бессонов 1861: 530].*

УСК *ангел Христов* в соответствующем словесном окружении реализует одновременно оба значения – «слуга божий» и «вестник божьей воли»:

*Сосылал Господь со небес двух ангелов Господних.
Два **ангела Христова** лик ликовали
Святому Димитрию, Салымскому чудотворцу.
Рекут два **ангела Христова**
Димитрию, Салымскому чудотворцу:*

О святой Димитрий
[Киреевский 1848: 14].

В ином же контексте единица *ангел Христов*, называя существо, обладающее «особенной близостью к Богу», актуализирует комплексную сему ‘существо, охраняющее человека’:

*Ангеле Христов, сохранитель мой,
Ты, святой, помилуй ты меня,
Помолись за меня Господу Богу*
[Бессонов 1864: 207].

Комплексная сема ‘существо, охраняющее кого-либо’ выходит на первый план в семантической структуре УСК *ангел хранитель*. В качестве устойчивого оборот *ангел хранитель* отмечен во многих словарях со значением «ангел, приставленный от Бога к каждому человеку для охранения его» [СДРЯ XI–XIV, т. 1, 1988: 87], [СРЯ XVIII, вып. 1, 1977: 68], [САР, т. 1, 2001: 34], [СЦРЯ, т. 1, 2001: 9], [СПЦК 2008: 27], «ангел для помощи в добрых делах» [ХЭС, т. 1, 1993: 74].

Для произведений духовного фольклора семантический признак ‘существо, охраняющее человека’, входящий в структуру значения УСК *ангел хранитель*, не является актуальным. УСК *ангелы хранители* употребляется в духовных стихах в значении ‘ангельская свита, охраняющая Христа’:

*Эту пятницу окрестился Сам Исус Христос
На Ердань-реке,
Со ангелами сы хранителями,
Сы двенадцатьми со учителями*
[Бессонов 1864: 143];
*Почему Ердань река рекам матери?
Окрестился на ней сам Исус Христос
Со силою со небесною,
Со ангелами со хранителями*
[Бессонов 1861: 308].

УСК *ангел святой* (*святой ангел*) называет и характеризует ‘сверхъестественное бесплотное существо’. Входящее в состав УСК прилагательное *святой* способно передавать несколько признаков: ‘святой (как имманентный признак небесных сил)’ [СРЯ XI–XVII, вып. 23, 2000: 210], ‘исходящий от Бога; связанный с Богом; близкий к Богу’ [СПЦК 2008: 344], ‘всесовершенно чистый, праведный, пренепорочный’ [САР, т. 5, 2005: 388], [СЦРЯ, т. 4, 2001: 109].

Выражение *ангел святой* восходит к Новому Завету (Мф 25: 31–32), (Мк 8: 38). В духовных стихах употребление данного оборота рядом с лексемой *господь* позволяет УСК *ангел святой* (*святой ангел*) реализовывать значение ‘пренепорочное бесплотное существо, близкое к Богу’:

*Трудно бы я Господу молился,
С желанием, с сердцем бы трудился,*

*Уготовил бы я место вековечно,
Где сам Господь пребывает
Со ангелами со святыми
[Киреевский 1848: 67].*

Если УСК *ангел Божий*, *ангел Господень* и *ангел святой* восходят к текстам Священного Писания лексически и семантически, то единицы *ангел тихий* и *ангел грозный*, называя и характеризуя 'сверхестественное бесплотное существо', сформировались на русской лингвокультурной почве. Построенные по той же частной фразеологической модели *ангел* + П., УСК *ангел тихий* и *ангел грозный* образуют антонимическую пару, противопоставленную семами 'ангел милостивый' и 'ангел немилостивый'.

Противопоставление связано со взглядами на ангелов как на проводников душ в загробный мир. Данное представление восходит к новозаветной притче Иисуса Христа о богатом и Лазаре, где ангелы отводят в рай праведную душу нищего: «Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово. Умер и богач, и похоронили его» (Лк 16: 22).

В народном духовном стихе, основанном на указанной евангельской притче, представление об ангелах как проводниках душ получает развитие. После смерти бедного Лазаря и богача ангелы относят в загробный мир душу не только праведного, но и грешного. При этом для каждой души предназначен свой ангел: для «душеньки Лазаревой» – *ангел тихий*, для «души богачевой» – *ангел грозный*:

*Выслушал Господь молитву его,
Принял его душу на хвалы к себе:
Ссылает Господь Бог святых ангелов,
Тихих ангелов, все милостивых,
По его по душеньку по Лазареву.
Вынимали душеньку честно и хвально,
Честно и хвально в сахарны уста
[Бессонов 1861: 57];
Не слушал же Господь молитву его,
Молитву его неправедную,
Сослал ему Господи скорую смерть:
Сослал к нему Господь **грозных ангелов**,
Страшных, грозных, немилостивых,
По его душу по богачеву
[Бессонов 1861: 58].*

УСК *архангел Гавриил* и *архангел Михаил* называют представителей восьмого ангельского чина. Данные единицы не раз встречаются в Священном Писании. Они, входящие в состав УСК, на др.-евр. означали: Michael – «кто как Бог» и Gabriel – «муж Божий, сила Божия». Имя Михаил «выражает идею несравнимости Бога ни с чем тварным» [Глаголев 1900: 369], а имя Гавриил

«не характеризует ангельской природы со стороны ее величия и достоинства, а дает мысль о служебном отношении к Богу и людям» [Глаголев 1900: 368].

Лексема *архангел* отмечена в словарях со значением ‘первенствующий среди ангелов’ [СРЯ XI–XVII, вып. 1, 1975: 50], ‘небесный служитель бога’ [СДРЯ XI–XIV, т. 1, 1988: 94], ‘ангелоначальник’ [САР, т. 1, 2001: 34], [СЦРЯ, т. 1, 2001: 15], ‘верховный ангел’ [СПЦК 2008: 38].

Из Библии известно, что архангел Гавриил возвещает Деве Марии о зачатии и рождении Иисуса Христа (Лк 1: 26–38). Этот же мотив нашел отражение в духовном фольклоре XIX в.:

*Видит Бог, видит Творец,
За што мир погибает,
Архангела Гавриила
В Назарети посылает*
[Бессонов 1863а: 109].

По классификации, представленной в книге Еноха, Михаил – глава архангелов, архистратиг, предводитель небесного воинства в его борьбе с сатаной, с темными силами зла [СПЦК 2008: 223], а архангел Иерахмиил – наблюдает за воскресением мертвых при Страшном суде [ХЭС, т. 1, 1993: 131]. Функция, приписываемая Библией архангелу Иерахмиилу, в русских духовных стихах закреплена за архангелом Михаилом:

***Михаил архангел** с небес сойдет,
Во трубы небесные вострубит,
Мертвых от гробов всех разбудит:
Мертвые от гробов все восстанут*
[Бессонов 1863б: 83].

Библейское представление об архангеле Михаиле как «вожде воинства Господня» (Нав 5: 14–15) отражено в духовных стихах о Страшном суде:

*Спустится на землю судья праведный,
Михаил архангел свет,
Со полками он с херувимскими,
С херувимскими и с серафимскими
Со всею он силой небесною*
[Бессонов 1863б: 240].

В духовных стихах обнаруживаются также представления об архангелах Гаврииле и Михаиле как смотрителях/перевозчиках через огненную реку:

*Уж как текла-текла река огненная,
Уж мимо ее шли души грешныя:
«Ох, как нам через реку иттить,
Через тое реку огненную?»
Тут стояли двое судьев праведных,
Гаврила архангел со ангелами,
А **Михайло архангел** со апостолами*
[Бессонов 1863б: 172].

В русских народных духовных стихах функционирует устойчивое сверхсловное образование с *ангелами, с архангелами, и со всей силой небесной*, лексические компоненты которого всегда употребляются в творительном падеже:

Вознесется Господь на небеса
С ангелами
И со архангелами
И со всею силой со небесною
[Барсов 1873: 85].

Компонентный состав УСК подвергается варьированию. Слова *ангел* и *архангел* способны заменяться другими лексемами со значением ‘один из ангельских чинов’:

Я во третий день, Мати, воскресуся
И на небеса, Мати, вознесуся
Со ангелами и с херувимами
И со Своей со небесною силой
[Бессонов 1863а: 204];
С серафимами, с херувимами
И со всею силою небесною
[Бессонов 1863а: 249].

Как правило, данный УСК употребляется в духовных стихах при описании сил небесных как «свиты Бога» [Глаголев 1900: 4]:

Вознесся Христос со ангельми и архангельми,
Со всеми силами небесными [Бессонов 1864: 132].

Однако, в отличие от собственно библейских представлений, связывающих ангелов и Бога [Глаголев 1900: 4], в народных духовных стихах «свита Бога» может сопровождать не только Господа, но и архангела Михаила и Богородицу:

Спустится на землю судья праведный,
Михайло Архангел, свет,
Со полками он с херувимами,
С херувимами и с серафимами,
Со всею он силою небесною
[Якушкин 1860: 59–60];
Вов ту Пятницу переставилась
Сама Мать Пресвятая Богородица,
Взята гробница на небеси,
Со ангелами, со архангелами,
Со силою со небесною
[Бессонов 1864: 130].

Соответственно семантика настоящего УСК шире: он обозначает не только ‘свиту Бога’, а ‘ангельскую свиту’, ‘божественную свиту’.

Таким образом, представления о силах небесных, объективированы

в духовных стихах XIX столетия:

- 1) единицами, являющимися обобщенными наименованиями ангелов (*силы небесные, ангельский чин*);
- 2) единицами, называющими конкретных архангелов (*архангел Гавриил, архангел Михаил*);
- 3) УСК, называющими и характеризующими ангелов как существа близкие к Богу (*ангел Божий, ангел Господень, ангел Христов*);
- 4) УСК, называющими и характеризующими ангелов как всесовершеннейшие, непорочные существа (*святой ангел*);
- 5) УСК, связывающими народные представления об ангелах с оппозицией греховности/праведности и разделяющих служителей Бога на 'ангелов милостивых' и 'ангелов немилостивых' (*ангел тихий, ангел грозный*);
- 6) УСК, представляющие силы небесные как ангельскую свиту, сопровождающую Бога, Богородицу, архангела Михаила (*с ангелами, с архангелами, и со всей силой небесной*).

Использованная литература:

- БЕССОНОВ, П.А. (1861–1864): *Калеки переходные*: 6 вып. М.
- ВАРЕНЦОВ, В.Г. (1860): *Сборник русских духовных стихов*. СПб.
- ГЛАГОЛЕВ А. (1900): *Ветхозаветное библейское учение об ангелах (опыт библейско-богословского исследования)*. Киев.
- ДУБРОВИНА, К.Н. (2010): *Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов*. М.
- КИРЕЕВСКИЙ, П.В. (1848): *Русские народные песни*. Ч. 1: *Русские народные стихи*. М.
- МатФСССЯ 2009: *Материалы к фразеологическому словарю старославянского языка*. Магнитогорск.
- ПЭ 2000–2009: *Православная энциклопедия*. Т. 1–21 (изд. продолжается). М.
- СД 1995–2009: *Славянские древности: Этнолингвистический словарь*: 5 т. М.
- СДРЯ 1988–2008: *Словарь др.- рус. языка (XI–XIV вв.)*: в 10 т. М.
- СРЯ XI–XVII 1975–2008: *Словарь русского языка XI–XVII вв.* М.
- СРЯ XVIII 1977–2006: *Словарь русского языка XVIII в.* Л.
- ХЭС 1993–1995: *Христианство: Энцикл. словарь*: в 3 т. М.
- ШУЛЕЖКОВА, С. Г. (2005): *Духовный фольклор на Южном Урале*. Магнитогорск.

АЛЛА МСТИСЛАВІВНА АРХАНГЕЛЬСЬКА

Чеська республіка, Оломоуць

ПРАГМАТИЧНИЙ ПОТЕНЦІАЛ ГЕНДЕРНО МАРКОВАНИХ ПАРЕМІЙНИХ ОДИНИЦЬ

Abstract:

This article deals with the study of verbalization of gender stereotypes in the Czech proverbs and sayings with the “*baba/žena, muž*” component fixed in collection of V. Flayshgans. Its purpose is not the search of discriminative structures in language, but the study of pragmatic (regulative) function of proverbs. The author considers it appropriate to speak not about positive or negative image of men / women in any language as a reflection of ethnic gender stereotypes, but to focus on the illocutive orientation of paremias and their projected perlocutive effect.

KEY WORDS:

Gender – gender stereotype – gender standard (anti- standard) – pragmatic function of paremia – regulative capacity of proverbs and sayings.

Мова кожного народу є віддзеркаленням його національної свідомості. Паремії як різновид фразеологічних одиниць і один із жанрів фольклору є відображенням ціннісно-символічного середовища буття особистості в контексті традиційної культури. Вони антропоцентричні по суті, адже в прислів'ях та приказках у специфічній формі відображено ставлення людини до світу, інших людей, до самої себе. Це діахронічні, узагальнені, колективно створювані висловлення та судження, що формують мовну картину світу, наділену специфічними національними рисами.

Виявляючи своєрідність буття людини у соціумі та культурі, паремії формують ментальність носія мови – певний набір етнічних стереотипів, що закріплюються на підсвідомому рівні як імперативи, які не підлягають сумніву [Шевелева 2003: 72]. Етнічні стереотипи фіксуються і транслуються за допомогою лінгвоментальних моделей, до яких вчені зараховують і прислів'я та приказки, адже останні репрезентують відповідні моделі поведінки, систему цінностей та знань, позитивний та негативний суспільний досвід. Різновидом етнічного стереотипу можна вважати й гендерний стереотип – історично зумовлене, мінімізоване, типізоване і структуроване у вигляді фрейму уявлення,

що склалося у колективній свідомості певного лінгвокультурного соціуму про атрибути, що є властивими/невластивими індивіду, якого соціум кваліфікує як чоловіка або жінку, а еталон – як уявлення про атрибути, що є бажаними/небажаними для цього індивіда [Мартинюк 2004: 47].

Паремії як система настанов є дієвим засобом регуляції соціальної, зокрема й гендерно специфічної поведінки людини. Виходячи із розуміння гендеру як соціокультурної статі, вчені вводять поняття *гендерно обумовлених моделей поведінки* у певній культурі та соціумі й твердять, що такі моделі задаються не природою, а суспільством. Важлива, проте не головна роль у конструюванні гендеру належить і мові. Мова, за нашим глибоким переконанням, не *нав'язує*, як уважають представники й представниці феміністської лінгвістики, посиляючись на окремі тези гіпотези Сепіра-Уорфа, певні гендерно обумовлені моделі поведінки, – гендерні відношення в ній лише фіксуються у вигляді культурно зумовлених стереотипів, накладаючи відбиток на поведінку чоловіка або жінки і процеси їхньої соціологізації.

Людина безумовно зазнає впливу аксіологічно не-нейтральних структур, що відображають колективне бачення гендеру, однак твердження феміністськи налаштованих мовознавців про те, що мова «нав'язує», «вбиває у свідомість» її носієві виразно негативний образ однієї статі (жіночої) на користь іншої (чоловічої), що мова містить виразно дискримінативні структури щодо жінки, які жінку принижують і zdeградовують не лише у її власних очах, але й в очах чоловіка, нам видаються надто категоричними й слабо аргументованими. Принаймні здійснене нами неупереджене комплексне системне порівняння мовних образів чоловіка та жінки очевидних статевих «дискримінацій» не виявило [Архангельська 2006: 163–143; 2007а: 23–38; 2007б].

Прислів'я та приказки нерозривно пов'язані із оцінкою як їхньою типологічною рисою і завжди містять аксіологічний маркер *добре – погано*. Вони є засобом „прагматичного впливу, формування світогляду й поглядів носіїв мови, представників певної соціальної групи” [Бацевич 1997: 348].

Якщо розуміти під *функцією* роль, яку виконує мовна одиниця у діяльності тієї структури, частиною якої вона є (Т. Федуленкова), то маємо підстави говорити й про *функцію паремії* як фразеологічної одиниці [Антонова, Коваленко 2010: 120–127]. Так, О. В. Кунін включає прагматичні функції фразеологічної одиниці у число варіативних її функцій, а *регулятивну* функцію визначає як *директивну* – керівну, спрямовальну, впливову і виховну [Кунін 1996: 115]. Проте термін *регулятивний* нам видається більш вдалим, оскільки містить у своєму обсязі не лише вказівку на функцію, але й на цільове призначення мовної одиниці. Зауважимо ще одну важливу деталь. Ю. В. Абрамова регулятивний потенціал прислів'їв пов'язує з формуванням гендерно **диференційованих** моделей поведінки у представників певної культури [Абрамова 2007]. Ми ж уважаємо за доцільне говорити про гендерно **адекватні** моделі такої поведінки. У кожній культурі є суспільно схвалена система ознак і характеристик, позитивних та негативних, властивих чоловікам і жінкам. Повчальний зміст паремій зорієнтований на еталон – уявлення про атрибути, що є бажаними/не-

бажаними для чоловіка та жінки, і покликаний вивести усі девіації чоловічої та жіночої гендерної поведінки за межі відхилення від суспільно схваленої й привести у межі світоглядної норми.

Метою статті є спостереження над мовною маніфестацією гендерних стереотипів та еталонів чоловічості і жіночості у контексті прагматичного потенціалу чеських паремій. Матеріал дослідження – збірка старочеських прислів'їв та приказок В. Флайшганса „Česká přísloví. Sbíрка přísloví, průřovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezku” – обраний не випадково. У ній опрацьовано матеріал усіх рукописних і друківаних джерел, починаючи з XIV ст. і кінчаючи початком XX ст. Розмірковуючи над генезою чеських прислів'їв, автор говорить про очевидні впливи германських та романських прислів'їв на формування чеської пармеіології, мотивовані латино-німецькою традицією. Вивчення стереотипів і еталонів чоловічості та жіночості у найстарших чеських прислів'ях може прислужитися порівняльному вивченню їх гендерного складника в усіх слов'янських мовах.

Перше, що дивує читача у матеріалі збірки прислів'їв В.Флайшганса, – це наявність на перший погляд непаремійних номінативних одиниць, котрі представляють анти-еталони чоловічості *baba*, *babinec*, *pan baba* ‘zbabělec’ та жіночості *mužatka*, *čisté mužátko*, *může*, *mužena*, *mužice*, *mužka* та *prázdná žena* ‘cizoložnice’ як факти транспозиції жіночих атрибутів на чоловіка та чоловічих – на жінку. Паремії застерігають, що чоловікові не личить бути боягузом, жінці – бути зовнішньо подібною на чоловіка. До них термін *prísloví* вочевидь застосовано у первісному значенні – пор. рос. *присловье* ‘прізвисько’. У старочеській мові *príslovie* ‘pověst, fáma’, тобто ‘репутація, слава, чутки’; сучасне значення за ним закріпилося у другій половині XIV ст. [Даниленко 2009: 50].

Мовну маніфестацію гендерних еталонів та анти-еталонів вивчено на пареміях з компонентами *baba/žena* та *muž* (слід зауважити, що жіночі анти-еталонні характеристики у старочеських пареміях вербалізовані значно частіше, ніж чоловічі).

У матеріалі збірки В. Флайшганса виявляємо погляд на жінку як на знаряддя злого духа, закріплений у традиційній народній культурі: *Baba horší než čert(ice)*, *Ve dvou babách vězí tři čerti*. Прислів'я про зв'язок баби і чорта вчені пов'язують з легендою про спілку чорта з бабою (І. Франко), припускаючи, що любов старих жінок до ворожіння свідчила про їх зв'язок з нечистою силою (чортом) (З. Коцюба). Вирази *Kam d'ábel (čert) nemůže, tam babu pošle, Kam d'ábel nemůže, tam strčí (pošle) babu* належать до репрезентативної варіативної та універсальної групи прислів'їв для більшості європейських народів.

Характеристика зовнішності жінки у пареміях кількісно поступається характеристикам поведінки та рис характеру. Анти-еталон жіночої краси виявлено лише у двох одиницях з компонентом *baba* у значенні ‘stará žena’, тобто ‘негарна’: *Baba horší než zába*, *Baba horší než čert(ice)*. Натомість гарна жінка – чоловікові радість: *Pěkná žena mužů předrahá*. На зовнішності чоловіка у старочеських пареміях не акцентується.

У нечисленних прислів'ях та приказках натрапляємо на анти-еталонні характеристики жінки як істоти удавано сміливої (*I baba za zdi smělejší*), незлагідної (найчастіше з іншою жінкою в родині): *Snáze dvacet pacholkův v jednom domě snese nežli dvě ženě*, нехазяйновитої (*Pověděla žena Pechová: ten nic nemá, kdo svého nechová*) та такої, що перебирає на себе чоловічі гендерні (*Žena chce v škorňích muže chodit*) або стереотипні ролі: *Žena opilá (ožrala) rufka (kurva) hotova*.

Прикметною анти-еталонною рисою характеру жінки у чеських пареміях є її балакучість. Зауважимо, що атрибут *говірка* практично не засвідчений – на томість маємо негативні оцінні еквіваленти з експлікованою або імплікованою семою 'говорити': *Kde husy, tu štěbety, kde ženy, tu klevety, Ženy mají místo meče jazyk, Ženského jazyka zkrotit nemůže, Neřeže tolik ostrý meč jakožto lstivé ženy řeč*. З надмірною балакучістю жінки пов'язуються у культурній свідомості чеського народу й поведінкові риси – нескінченні докори чоловікові: *Která slepice nesnese a kdáče a která žena na svého muže kvače, Která slepice nesnese a kdáče a která žena na svého muže kvače, která slepice kokrhá a žena na svého muže potrhá – tu slepici sluší upéci a ženě dítě kujem po plec*. Як еталон чоловічих чеснот у чеських пареміях знаходимо вміння менше говорити, а більше діла робити, що асоціюється із мудрістю: *Kdo chce múdrým mužem slúti – dej mnohé řeči mimo se plúti*.

Інтеркультурною є характеристика жінки як істоти, позбавленої здорового глузду: *Ženy mají dlouhé vlasy, krátký rozum (úmysl), Ženy mají dlouhé vlasy i šaty, ale však krátký rozum*. У чеських пареміях увиразнено здатність жінки створювати проблеми й загострювати їх: *Trn v noze, myš v stoze, čert mezi babami, Málo różnic a válek, by skrzě kněžě a ženy počátka neměly, Baba z vozu, kolům lehčeji*. З жінками пов'язуються і проблеми, що ідуть одна за одною: *Táž baba na témž voze, Jako chudá žena po vřeteně 'jedno k druhému'*. Паремії також критизують жінку за нездатність вирішувати проблеми та давати слушні поради: *Kdež kněžie a ženy šaftují, obecně přemistrují* 'коли жінки і священики починають радити, виходить з того стара правда', *Žena lépe umije jehlú štíti než v súdě muže súditi*.

Як анти-еталонні характеристики жінки у пареміях виокремлено злість, підступність та нещирість: *Dým, střecha dřavá, zlá žena k tomu, Když zlá žena jen na zem pohledí, hned nějakou lest vymyslí, Kdo má zlou ženu, veď ji na pouť do Kyjova, Rovné k rovnému, zlá žena chudému, komu se dostane, vždy jemu běda bude, Žena hněvivá, oheň stranní a pánvice dřavá škodu domu chudého vyznamenává, Není chytrosti nad chytrost ženskú*. І навпаки, народна мідрусть наголошує, що доброта жінки має найвищу цінність – *Dobrá žena muži předrahá*. Якщо для чоловіка засобом самозахисту традиційно була фізична сила, то жіночим засобом самозахисту ставав плач, який визначається як нещирий: *Když žena pláče, srdcem (očíma) se směje, U blázna kord, u ženy pláč, Psíček, když chce píčkati, zdvihna nohu, tak žena pláče, když má žalovati komu, Panství slibové a ženství pláčové – nevěř! Ženskú pláč, babí hněv, psí kulhání nemá dlouhého panování*.

У старочеських прислів'ях та приказках як стереотипна головно жіноча риса представлена невірність: *Malá viera v ženách, Ženská viera hubená, jako v plotě diera, Muž chodí s rohami, a žena v beránku*. Цікаво, що, з одного боку, жіноча вірність у чеських пареміях представлена як явище виняткове – *Žena věrná, milá jest divná co vrána bílá*, з іншого, – визнається, що невірними можуть однаковою мірою бути як чоловіки, так і жінки: *Ženská milost (láska) mine, jako host, panská přízeň též jako sen*. Водночас народна мудрість радить саме чоловікові добре слідкувати за дружиною: *Kdo ženě své nevěří, stávají s oštiepem u dveří*.

Натрапляємо у аналізованому матеріалі й на виразні сліди патріархального суспільного ладу та статусу чоловіка у ньому. Ними є, зокрема, правові приписи, які «беруть сторону» як жінки, так і чоловіка. Відображенням майнового права є вираз *Žena se po muži šlechtí, ale muž po ženě nic*, відображенням судового права – вислів *Žena nemá proti muži svědčiti*, сімейного укладу, де жінка є власністю свого чоловіка: *Žena jest vězen muže svého*, де жінці належить чоловіка боятися й шанувати – *Kdež se žena muže nebojí, tuť hospodářství zlé stojí*, де місце жінки – біля плити *Ženě sluší kaši vařiti*. Те, що у патріархальній родині дозволено чоловікові, не дозволено жінці: *Kde muž stepe ženu, tuť byl anděl, a kde žena stepe muže, tuť byl čert*. Зауважимо, що аналіз сучасних збірок чеських прислів'їв та приказок засвідчує відсутність більшості з наведених виразів як застарілих і не функціональних – для сучасного суспільства неактуальних. Водночас словник фіксує й запозичене з російської прислів'я, що констатує однакову важливість чоловічого та жіночого у родині за відсутності будь-якого чоловічого домінування: *Muž v domě hlavou a žena duší*.

У паремійному фонді знаходимо не лише еталони й анти-еталони чоловічості й жіночості, але й вислови-співчуття чоловікові, якому з дружиною не пощастило *Chlébť se snie a pivo se vypie, ale běda, komužť se žena neudá*, застереження від нерівного за віком шлюбу, мотивовані досвідом народної психології та конфліктології, адресовані як чоловікові, так і жінці. Якщо попередження про проблемність нерівного за віком шлюбного союзу стосується обох актантів шлюбу: *Starému muži mladá žena smrt hotová, Dva kokoty v jednom domu, myš a kočka také k tomu, muž starý a žena mladá: na však den hotova sváda*, то пересторога щодо шлюбу, невідповідного за станом (в останньому випадку йдеться про протиставлення міського менталітету та виховання сільському): *Kuřete od mlynáře neber ku plemeni a ženy z města nepojímej do vsi*, зокрема й фінансовим: *Nepojímej baby pro peníze* – лише чоловіка.

«Суто» чоловічим атрибутом є у чеських прислів'ях та приказках досвідченість *Nezkúšený muž, jako nesolený hrach* та чоловіча солідарність *Kóň do koně, rek do reka, muž do muže*.

Здійснений аналіз спонукає до думки: а чи є взагалі підстави говорити про позитивний vs. негативний образ чоловіка та жінки у мові і чи не доцільно говорити у такому контексті про *регулятивну функцію мовних одиниць*, адже те, що суспільною свідомістю оцінюється як позитивне і як негативне, фіксується у паремійній одиниці, що несе на собі прагматичну інтенцію. Прислів'я

– настанови й перестороги, мотивовані прагматичним компонентом, що надбудовується над буквальним, метафоричним, метонімічним чи іронічно переосмисленим пропозиційним змістом форми. Цей компонент виводиться інтерпретатором на основі експліцитної чи імпліцитної інформації щодо оцінки гендерних актантів стосовно до соціально санкціонованих норм та еталонів, відбитих у прислів'ях. Це іллокутивно спрямовані директивні одиниці з прогнозованим перлокутивним ефектом, метою яких є корекція гендерно зумовленої поведінки представників певної культури відповідно до соціально санкціонованих норм та еталонів: *не будь таким, як не слід*, – це погано, або *будь таким, як слід*, – це добре.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- FLAJŠHANS, V. (1911, 1913): *Česká přísloví. Sbírká přísloví, průpovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezku* /Sebral V.Flajšhans. D.1 A–N, D.2. O–Ž.
- АБРАМОВА, Ю. В. (2007): *Регулятивний потенціал британських прислів'їв як засобів мовного втілення концептів ЧОЛОВІК та ЖІНКА*. АҚД. К.
- АНТОНОВА, И., КОВАЛЕНКО, В. (2010): Виды функций фразеологических единиц. In: *Slowo. Tekst. Czas X*, s. 120–127.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2006): Номінанти-маскулінізми у системі оцінних координат: іллокутивне самовбивство як шлях до катарсису. In: *Ucrainica II. 1.část.* – Olomouc, s. 163–143.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2007а): Маскулінізоване вираження поміна *feminina* та фемінізоване вираження поміна *masculina* у слов'янських мовах: взаємодія свого і чужого In: *Мовознавство*, №1, с. 23–38.
- АРХАНГЕЛЬСЬКА, А. (2007б): Чоловік' у слов'янських мовах. Рівне.
- БАЦЕВИЧ, Ф. С. (1997): Очерки по функциональной лексикологии. Львов.
- ДАНИЛЕНКО, Л. І. (2009): Паремії в чеських джерелах XX – поч. XXI ст.: міжмовний контекст. In: *Українська мова*, №3, с. 47–58.
- МАРТИНЮК, А. П. (2004): Конструювання гендеру в англomовному дискурсі, Харків.
- КИРИЛИНА, А. В. (1997): Женский голос в русской паремииологии. In: *Женщина в российском обществе*, Вып. 3, с. 23–26.
- КУНИН, А. В. (1996): Курс фразеологии современного английского языка. М.
- ШЕВЕЛЕВА, И. П. (2003): Этнический стереотип как феномен культуры. In: *Культура народов Причерноморья*, №37, с. 42–76.

МИХАИЛ МИТРОФАНОВИЧ КАЛИНИЧЕНКО

Украина, Ровно

ЧЕХОВ И ДОСТОЕВСКИЙ: ПЕРСПЕКТИВА ВЫХОДА ИЗ ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНОГО ТУПИКА

ABSTRACT:

The article substantiates the necessity of overcoming the traditional historical-literary views on Chekhov as a recipient and a continuator of Dostoevsky's themes and ideas. The perspective of typological analysis of the problem of undecidability of the meaning of life in the works of both writers is also defined.

KEY WORDS:

Literary history – literary row – contradictions – undecidability – artistic ontology.

Усилиями многих исследователей тема «Чехов и Достоевский» заведена в глухой историко-литературный тупик. Выход из него – дело необходимое. Но сначала нужно осмотреться и понять, как сформировалось сегодняшнее, в научном смысле абсолютно бесперспективное представление о связях между Чеховым и Достоевским.

Начинать приходится с самого Чехова. С его слов о том, что роман «Преступление и наказание» он не читал: «*Берегу это удовольствие к сорока годам*». Немирович-Данченко, выслушавший это удивительное признание, дождался сорокалетия и спросил, прочитан ли знаменитый роман? И получил всем теперь хорошо известный ответ: «*Да, прочел, но большого впечатления не получил*». А в 1889 году, т.е. еще до сорокалетия, в письме Суворину, Чехов высказался о своем отношении к Достоевскому более подробно: «*Купил я в Вашем магазине Достоевского и теперь читаю. Хорошо, но очень уж длинно и нескромно. Много претензий*».

В советские времена литературоведы по-разному комментировали эти суждения. Довольно долго к ним относились одобрительно, усматривая в них неприятие «*архискверного*» Достоевского. Но в семидесятых, после канонизации Достоевского как художника, не чуждого миру социализма, стало как-то не очень удобно соглашаться с чеховскими филиппиками в адрес реабилитированного и допущенного в школьную программу автора «Преступления и на-

казания». Возникла необходимость истолковывать их так, чтобы не навредить репутации ни Достоевского, ни самого Чехова. Показательны в этом смысле выступления М. П. Громова, нашедшего в чеховских текстах многочисленные «скрытые цитаты» [Громов 1997: 39–52] из Достоевского. Эти заимствования исследователь рассматривал как доказательства очевидной творческой близости писателей. Стараниями Г. П. Бердникова, В. Б. Катаева, Э. А. Полоцкой и других упрочилась убежденность в том, что насмешливо-непочтительное отношение к Достоевскому было обусловлено стремлением Чехова дистанцироваться от этого литературного «генерала». Но при этом подчеркивалось, что Чехов всегда, и смолоду, и в зрелые годы, не переставал учиться у него, создавая свою собственную поэтику, отличавшуюся от поэтики Достоевского.

Такое решение вполне характерно для методологии литературоведения прежних лет. Обходить противоречия, или, как говорилось на тогдашнем гегельянско-марксистском сленге, представлять их в «снятом» виде, было обычным занятием традиционной истории литературы. В одной из статей Р. Г. Назирова уже в 1994 «снятие» противоречий осуществлено так: «Чехов скромно, но твердо оспаривал Достоевского ... Чехов возражал Достоевскому и спорил с ним, одновременно продолжая его темы и развивая некоторые важнейшие идеи» [Назиров 2005: 168].

Чехов и Достоевский оказались помещены в пространство историко-литературной идиллии. Младший писатель выглядит добропорядочным преемником предшественника: его противостояние Достоевскому волшебным образом превращено в наследование «тем» и развитие «важнейших идей». Для традиционной истории литературы такое «снятие» противоречий вполне органично: не умея осмыслить, она их попросту игнорирует. И это самый настоящий научный тупик. Противоречия не исчезают. Их нельзя ни отменить, ни «снять». Можно только закрыть возможность понимания.

Стоит заметить, что непосредственные участники литературного процесса, писатели (те, разумеется, которые не подчинялись идеологической и методологической диктатуре), и подумать не могли, что Чехова со временем сделают прямым наследником Достоевского. Например, И. Анненский, писавший о Чехове: «...неужто же, точно, русской литературе надо было вязнуть в болотах Достоевского и рубить с Толстым вековые деревья, чтобы стать обладательницей этого палисадника... Это сухой ум, и он хотел убить в нас Достоевского...» [Анненский 1979: 459–460].

Не только Анненский противопоставлял Чехова Достоевскому. Их абсолютная разность была очевидна и для Ахматовой, не раз говорившей, что не любит Чехова. «Снимать» противоречия между Чеховым и Достоевским ни Анненский, ни Ахматова никогда бы не стали. Оба были для них (Чехов, конечно, в значительно большей мере) почти со-участниками подлинной литературной жизни. А в ней, в отличие от литературной истории, противоречия не «снимаются», поскольку выступают движущей силой литературного развития.

Все, до сих пор сказанное, оставляет открытым вопрос о выходе из научного, методологического тупика. Выход есть. Существует вполне реальная возмож-

ность увидеть их в одном литературном ряду. Моя роль скромна: привлекая внимание к этой возможности, опираюсь на мнения тех, для кого Чехов и Достоевский, как и для Анненского, для Ахматовой, были *со-участниками* живого и общего литературного дела.

Принято считать, что современники не слишком хорошо понимают великих писателей, и подлинное понимание приходит только на временном удалении. Так бывает не всегда. Именно современники, Николай Михайловский и Лев Шестов, заметили в Достоевском и Чехове то, что их по-настоящему, без какого-либо «снятия» противоречий, объединяет. Михайловский сделал это первым. Хорошо известен его приговор Достоевскому: «*жестокый талант*». К Чехову стареющий идеолог народничества был значительно добрее и, можно сказать, даже проявлял к нему почти снисходительность. Но однажды – в личном письме 1888 года – Михайловский все-таки высказался очень резко: «*Не индифферентны Ваши рассказы в «Новом времени», – они прямо служат злу*» [Михайловский 1984: 1, 380]. В этих словах, конечно, слишком сильна партийная, редакционная неприязнь к реакционной суворинской газете. Но гораздо важнее другое: в этом своем приговоре Михайловский поместил Чехова в одно поле сравнения – рядом с жестоким (т.е. злым) талантом Достоевского. Важно понять еще одно: Достоевского Михайловский судил на миру, рассчитывая на общественный резонанс. Тут же, в личном письме Чехову, все иначе. Приговор Чехову – предпоследняя фраза, а завершает письмо другая: «*Простите, пожалуйста*». Она превращает приговор в нечто совсем другое: в слова духовного увещевания. Михайловский с болью и состраданием почувствовал в чеховском творчестве наличие какой-то темной, ущербной и пугающей составляющей. Ее сущность и природа были ему не совсем ясны, Михайловский никогда больше не писал о ней, видимо, вполне сознавая, что не сможет объяснить темную сторону чеховского творчества.

Все объяснил Лев Шестов в философском эссе 1908 года «Творчество из ничего». Чехов в восприятии Шестова – это художник, которого «*сначала инстинктивно, а потом и сознательно влекло к неразрешимым, по существу, проблемам*» [Шестов 2006: 189].

Для него Чехов – единомышленник, подтверждающий экзистенциалистское *stredo* философии самого Шестова: человеческое существование невозможно без осознания принципиальной неразрешимости вечной, «проклятой» проблемы смысла и цели бытия, проблемы, которая не имеет и не может иметь никакого логического разрешения. Вот именно с этой точки зрения Шестов интерпретировал одно из самых значительных и сложных прозаических творений Чехова – повесть «Скучная история». И это прочтение выводит к пониманию типологического родства прозы Чехова и Достоевского.

Шестов доказывал, что главный герой повести «*Николай Степанович такой-то*», 62-летний профессор, имя которого прославлено не только в России, но и в Европе, на закате жизни осознает принципиальную неразрешимость проблемы смысла жизни. Он думает, что вся беда в том, что у него нет главной, стержневой идеи – «*общей*», как он выражается, идеи. Но Шестов по-

могает понять, как глубоко заблуждается уважаемый профессор. Личная, всю жизнь выстраданная «общая идея» профессора никогда не покидала. Она всегда с ним: «Как 20-30 лет назад, так и теперь, перед смертью, меня интересует одна только наука. Испуская последний вздох, я все-таки буду верить, что наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви и что только ею одною человек победит природу и себя. Вера эта, быть может, наивна и несправедлива в своем основании, но я не виноват, что верю так, а не иначе; победить же в себе этой веры я не могу» [Чехов 1974с: 7, 236]. Это ли не главная, стержневая, «общая идея» его жизни?

Так почему же нет покоя душе уважаемого профессора? Возраст, неумолимо надвигающееся небытие уже продемонстрировали ему вполне, что никакая идея, даже самая величественная и всеобъемлющая, не способна ни оспорить, ни объяснить неотвратимость небытия. И он готов кричать, вопить от отчаяния прямо на лекции, перед всей своей аудиторией: «Мне хочется прокричать громким голосом, что меня, знаменитого человека, судьба приговорила к смертной казни... новые мысли, которых не знал я раньше, отравили последние дни моей жизни...» [Чехов 1974с: 7, 264].

Вслед за Шестовым обратил внимание, что именно об этом же, о невозможности существовать посреди неразрешимостей бытия, во весь свой голос кричит и подпольный парадоксалист Достоевского. Неразрешимость проблемы бытия, он, как и Николай Степанович, ощущает с невыносимой болью: «Господи Боже, да какое мне дело до законов природы и арифметики... тут подмен, подтасовка, шулерство... тут просто бурда, – неизвестно что и неизвестно кто, но, несмотря на все эти неизвестности и подтасовки, у вас все-таки болит, и чем больше вам неизвестно, тем больше болит!» [Достоевский 1972с: 5, 105–106].

Но более всего впечатляет типологическое родство чеховского профессора с другим героем Достоевского – с Раскольниковым. У них имеются даже биографические совпадения. Оба, хоть и по-разному, но очень тесно связаны с университетской средой. Оба ведут напряженную духовную жизнь, никакая другая для них просто не существует. Словом, оба принадлежат к одному социально-психологическому типу. Вполне допустимо представить, что Николай Степанович – это доживший до шестидесяти с лишним лет Родион Романович Раскольников. Ведь советовал ему следователь Порфирий Петрович: «Станьте солнцем, вас все и увидят» [Достоевский 1972с: 6, 352]. Раскольников внял доброму совету, выстрадал каторгу, выучился и стал всем заметным светилом российской науки, о котором даже в немецких журналах пишут. И вот дошел до жизни такой...

Конечно, Николай Степанович наверняка никогда бы не взял в руки топор – в этом он на Раскольникова не похож. Но похож в самом главном: как и Раскольников, он жить не может без осознания осмысленности собственного существования. Вот эта жажда смысла – это и есть их *общая идея*. И оба сталкиваются с *неразрешимостью проблемы смысла бытия*. Принципиальная

типологическая схожесть героев особенно ощутима на последних страницах «Скучной истории» и «Преступления и наказания».

Николай Степанович в Харькове, куда приехал в бесплодной попытке разобраться в запутанных делах собственной семьи. Сидит на койке в скверном гостиничном номере и думает – как всегда, об одном – о неразрешимой проблеме собственного существования: *«Допустим, что я знаменит тысячу раз, что я герой, которым гордится моя родина... но все это не мешает мне умереть на чужой кровати, в тоске, в совершенном одиночестве... Я победен...»* [Чехов 1974с: 7, 306–307].

Кате, своей воспитаннице, единственному человеческому существу, которое ему до сих пор по-настоящему дорого, он не может объяснить, как превратить существование в осмысленное и небесцельное. В развязке и он, и Катя остаются пленниками неразрешимости. Неразрешимость своей неотступностью заслоняет им жизнь, даже самую смерть заслоняет. Прощаясь с Катей, Николай Степанович хочет спросить: *«Значит, на похоронах у меня не будешь?»* [Чехов 1974с: 7, 310]. И не может, не в состоянии пригласить на собственные похороны. Язык не поворачивается, хотя Николай Степанович уже знает: ничем более значительным, чем похороны, его жизнь уже не в состоянии разрешиться.

И тут скажем о том, что напрямую связано с главной проблемой нашей статьи – с вопросом о возможности увидеть Чехова и Достоевского в одном литературном ряду. Вот он, этот литературный ряд. Ведь и в «Преступлении и наказании» Достоевский, как и Чехов, рассказал о том же: о роковой роли неразрешимости в человеческой судьбе. Его Раскольников, как и чеховский Николай Степанович, тоже пленник «общей идеи», только названа она по-другому – *«теория»*. Ей он подчинил собственное существование, именно она привела его на каторгу. И вот на каторге, в эпилоге романа, неразрешимость доведена Достоевским до крайнего, конечного предела. Раскольников ни в чем не раскаивается, но и жить со своей *«теорией»*, со своей *«общей идеей»* не может. Он, как и Николай Степанович, уже готов принять небытие. Каторжники ненавидят его, считают безбожником, грозятся убить. Один из них бросился на него в *«решительном испуге»; Раскольников ожидал его спокойно и молча, ни одна черта его лица не дрогнула»* [Достоевский 1972с: 6, 419].

Но Достоевский продлил существование Раскольникова. В эпилоге он открыл ему возможность *«полного воскресения в новую жизнь»* [Достоевский 1972с: 6, 421]. Любовь к Соне воскрешает Раскольникова, об этом скороговоркой сказано на двух последних страницах эпилога. Достоевский приглашает своих героев жить – жить в каком-то новом, сияющем *«зарей обновления будущего»* [Достоевский 1972с: 6, 421]. Но это, приглашение в никуда, – по сути своей, это приглашение к небытию, как и приглашение на похороны в чеховской повести. Ни о каком *«обновленном будущем»* Достоевский так никогда и не написал. Да и мог ли написать об этом художник, который, как и Чехов, слишком хорошо знал, что такое неразрешимость? Неразрешимость вопросов, измучивших и Раскольникова, и Николая Степановича, сохраняет всю свою

грозную неотступность и в «Преступлении и наказании», и в «Скучной истории». И в этом очевидное типологическое родство этих произведений.

Чехов и Достоевский – разные писатели, несхожесть поэтики их произведений очевидна. Чехов – не наследник и не преемник Достоевского. Но сближает их понимание принципиальной неразрешимости главных, фундаментальных проблем бытия и сознания. В этом они оба принадлежат не девятнадцатому столетию с его надеждами на гуманизм и прогресс, но двадцатому веку, на исходе которого уже не одним только мудрецам, философам и художникам, но всему человечеству открылась глобальная, катастрофическая бездна неразрешимых социальных и экономических, национальных и культурных, технологических и экологических проблем его существования.

Изучение сходных проявлений художественной онтологии неразрешимости в произведениях Чехова и Достоевского способно, как представляется, открыть плодотворную перспективу типологического изучения творчества этих писателей. И еще одно важно: не следует зачислять Чехова и Достоевского в ряды предтеч тех мировоззренческих, эстетических концепций, которые сегодня объединяет префиксоид «пост-», значимый в попытках определять состояние современного общества как посткапиталистическое, постцивилизационное, постисторическое и постгуманистическое. Верификация представлений о «конце истории», разрушении сущностно-онтологических ценностей провоцирует мыслителей новейшей поры возводить неразрешимость в ранг универсальной причины сосредоточенности сознания на самодостаточной, бесцельной и разрушительной игре означающими, из которых выветрилась малейшая связь с гуманистическими смыслами. Такое состояние сегодняшней гуманитаристики создало историческую перспективу, в которой очевидны мировоззренческая, эстетическая значимость и ценность неразрешимости в художественном мышлении Чехова и Достоевского. Оба художника пришли к воплощению неразрешимости под влиянием кризисного состояния общества, в котором им довелось жить. Но в неразрешимости они различили не одни отголоски всех уже бывших, уже миновавших поражений духа и не только предвестие грядущих падений, ему уготованных. Способность духа быть открытым неразрешимости, трансформировать ее разрушительную силу в силу созидательную, обуславливающую максимально честное видение мира во всей неустрашимости его противоречий, – эта способность определяет непреходящую гуманистическую ценность творчества Чехова и Достоевского.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АННЕНСКИЙ, И. (1979): *Книги отражений*. М.
ГРОМОВ, М.П. (1977): Скрытые цитаты (Чехов и Достоевский). In: *Чехов и его время*. М., с. 39–52.
ДОСТОЕВСКИЙ, Ф. М. (1972–1984): *Полн. собр. соч. в тридцати томах*. Ред. кол.: В.Г. Базанов и др. Т. 1–30. Л.
НАЗИРОВ, Р. Г. (2005): *Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход. Исследования разных лет: Сборник статей*. Уфа.
МИХАЙЛОВСКИЙ, Н. К. (1984): Н. К. Михайловский – Чехову. Начало марта 1883 г. Петербург. In: *Переписка А.П. Чехова. В двух томах*. М.
ЧЕХОВ, А. П. (1974–1983): *Полн. собр. соч. и писем в 30 томах*. Ред. кол.: Н. Ф. Бельчиков и др. Т.1–30. М.
ШЕСТОВ, Л. (2006): *Начала и концы*. Томск.

МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ КАЛИНИЧЕНКО

Украина, Ровно

АНТОН ЧЕХОВ И ГЕРМАН МЕЛВИЛЛ В «БОЛЬШОМ ВРЕМЕНИ»

ABSTRACT:

The article analyzes typology of the literary hero in Anton Chekhov's literary works as well as in Herman Melville's novel *Moby-Dick*.

KEY WORDS:

Comparative literature – literary history – modernism – literary hero.

Немногочисленные попытки энтузиастов компаративистики отыскать параллели между Чеховым и Мелвиллом все еще выглядят чем-то искусственным, едва не экзотическим. Например, Говард П. Винцент написал несколько слов о том, что знаменитая фраза «*Зовите меня Измаил*» столь же многозначна и символична, как и тот загадочный, издали донесшийся звук, который раздаётся во втором действии пьесы «*Вишневый сад*» [Говард П. Винцент 1967: 61]. В 2002 г., российский журнал «Октябрь» инициировал сравнение романа «*Моби Дик*» с книгой «*Остров Сахалин*» в аспекте геоэтики. Результат оказался скорее негативным. Роман Мелвилла признали произведением, отразившим экспансионистскую устремленность Соединенных Штатов в бескрайние просторы Тихого Океана. А книгу Чехова сочли свидетельством неспособности Российской империи выйти за пределы ее сухопутных границ. Впечатление такое, что компаративистике не удастся увидеть Чехова и Мелвилла в общем для них историко-литературном контексте.

Но этот контекст существует. Оба писателя оказали значительное влияние на судьбы своих национальных литератур. Чехов – ведь помним слова его знаменитого современника? – «убивал» реализм и весьма преуспел в этом деле. Его усилиями российская словесность вплотную приблизилась к черте, за которой открылось пространство идейных, стилевых новаций модернизма. Мелвилл, при жизни забытый на родине, приобщился к радикальным переменам

в ее литературе только в двадцатом столетии. Но уж тогда, в 20–30 годы, спохватились сразу все – и писатели, и критики. Всем стало ясно, что они не сумели вовремя разглядеть грандиозное национальное достояние – собственного, американского пророка, учителя модернизма, «американского Джойса» [Делбанко 2005: 7].

Получается, что в литературном процессе Чехов и Мелвилл – фигуры одного масштаба, художники, делавшие одно, общее дело. И это обязывает компаративистов взяться за работу. Горизонты открываются широкие.

Главным условием встречи культур и литератур М. Бахтин, как известно, считал «*участное*» (т.е. в концептуальном поле его идей – *диалогическое*) восприятие «*другого*». И литературная теория должна быть именно «*участной*», берущей на себя ответственность за возможность выхода в непрерывность существования культурной традиции, в «*большое время*», в котором каждый смысл остается живым и действенным именно потому, что к его бытию приобщается «*другое*» сознание.

Мы попытаемся прояснить, насколько близки Чехов и Мелвилл в художественном открытии того типа человека, в котором воплотилась одна из главных духовных коллизий модернизма. Это человек, превратившийся в раба собственного «Я», утверждавший свое гордое одиночество в мире и – одновременно – трагическую обреченность, экзистенциальную бесперспективность такой самореализации. Этот духовный тип стал объектом теоретической рефлексии в книгах Ф. Ницше, А. Бергсона, З. Фрейда и вдохновил на переломе девятнадцатого и двадцатого столетий многих художников.

Человека, которому предстояло стать доминирующим типом в эстетике модернизма, Чехов воспринимал в соотношении со своими собственными этическими представлениями. В конце ноября 1888 года он убеждал А. С. Суворина: «*Вы и я любим обыкновенных людей, нас же любят за то, что видят в нас необыкновенных... Никто не хочет любить в нас обыкновенных людей. Отсюда следует, что если завтра мы в глазах добрых знакомых покажемся обыкновенными смертными, то нас перестанут любить, а будут только сожалеть. А это скверно*» [Чехов 1974п: 3, 78].

Чеховское понимание диалектики «*обыкновенного*» и «*необыкновенного*» проявилось в этом суждении вполне определенно. Те, с кем он не соглашался и кого с иронией называл «*добрыми знакомыми*», привыкли противопоставлять «*обыкновенность*» и «*необыкновенность*». Его собственные представления о человеке намного сложнее. Диалектика «*обыкновенного*» и «*необыкновенного*» обусловлена у него представлениями о том, что выдающиеся духовные качества личности обязывают к такому ее самоопределению, которое исключает малейшую возможность противопоставления людям «*обыкновенным*».

Он с тревогой наблюдал за тем, что происходило в душах многих современников. Чехова настораживало не только их стремление ощутить себя «*необыкновенными*» людьми, возвыситься над серой толпой, но и желание непременно преодолеть в себе то, что они были склонны считать собственной «*обыкновенностью*». Герои многих его произведений страдают именно от осознания своей по-

груженности в невыносимо скучную, пошлую обыденность. Никитин в рассказе «Учитель словесности» записывает в дневнике: *«Где я, Боже мой? Меня окружает пошлость и пошлость. Скучные, ничтожные люди, горшочки со сметаной, кувшины с молоком, тараканы, глупые женщины... Нет ничего страшнее, оскорбительнее пошлости. Бежать отсюда, бежать сегодня же, иначе я сойду с ума!»* [Чехов 1974с: 8, 332]. Андрей Прозоров в пьесе «Три сестры» говорит о том же: *«...Мне быть членом здешней земской управы, мне, которому снится каждую ночь, что я профессор московского университета, знаменитый ученый, которым гордится русская земля!»* [Чехов 1974с: 12, 141].

Такие настроения пробуждают мучительные думы чеховских героев о «необыкновенной» жизни, исполненной высокого смысла. Но непростую диалектику «обыкновенного» и «необыкновенного» они, в отличие от самого Чехова, не понимают. Не догадываются, что возможность духовного взлета личность способна обрести в самой себе, в собственной человеческой сущности. Они жаждут вырваться из скорлупы бытия, которое презирают. Именно так думает учитель Никитин: *«Ему захотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя»* [Чехов 1974с: 8, 330]. Вера Кардина (рассказ «В родном углу») тоже готова отдать собственную жизнь *«...чему-нибудь такому, чтобы быть интересным человеком, нравиться людям...»* [Чехов 1974с: 9, 319–320].

Важно подчеркнуть, что в стремлении своих героев к «необыкновенной» жизни Чехов видел опасную («это скверно»), на его взгляд, составляющую. Они начинают верить в собственное право возвыситься над массой «обыкновенных» людей. В «Чайке» Нина Заречная говорит об этом с полной откровенностью: *«...я отдала бы толпе всю свою жизнь, но сознавала бы, что счастье ее только в том, чтобы возвыситься до меня, и она возила бы меня на колеснице...»* [Чехов 1974с: 13, 31]. Молодой ученый Коврин (рассказ «Черный монах»), окрыленный галлюцинациями, вдохновляющими его творческий труд, с радостью слушает речи своего несуществующего собеседника о праве быть выше толпы.

Но самую большую опасность Чехов видел в том, что представления о собственной элитарности способны порождать фанатическую узость мыслей и деяний, нетерпимость и агрессивность. Несчастная в своей личной жизни Зинаида Федоровна («Рассказ неизвестного человека») не способна превратиться в революционера-террориста. Но очень хорошо понимает этот тип «необыкновенного» человека, тяготеет к нему: *«Смысл жизни только в одном – в борьбе. Наступить каблуком на подлую змеиную голову и чтобы она – крак! Вот в чем смысл. В этом одном, или же вовсе нет смысла»* [Чехов 1974с: 8, 200]. Если для нее физическое уничтожение врага – только мечта, то фон Корен («Дуэль») чувствует себя вполне готовым к расправе над инакомыслящими.

Лидия Волчанинова («Дом с мезонином») сосредоточена на «служении ближним». Преданность идее ослепляет ее. И она губит любовь своей младшей сестры, поскольку видит в ее избраннике своего идейного противника. Провинциальный доктор Львов («Иванов») тоже полагает, что убеждения дают ему право вмешиваться в чужую жизнь. Он – как говорят о нем другие герои пьесы – *«...ходячая честность... Бездарная, безжалостная, честность»* [Чехов 1974с: 12, 33].

Честность, которую лелеет в себе Павел Иванович (рассказ «Гусев»), тоже стигмулирует его ощущение собственной «необыкновенности». «Я воплощенный протест. Вижу произвол – протестую, вижу ханжу и лицемера – протестую, вижу торжествующую свинью – протестую...» [Чехов 1974с: 7, 333]. Даже перед смертью он пытается продолжать свое служение. Его последние слова – вопрос, обращенный к больному солдату: «Гусев, твой командир крал?» [Чехов 1974с: 7, 335]. Но униженных и оскорбленных, того же Гусева и всех других, кого он своим протестом, кажется, как раз и должен был бы защищать, – именно их «необыкновенный» человек Павел Иванович искренне презирает. Гусев для него – «...бессмысленный человек» [Чехов 1974с: 7, 327].

Человеку, сосредоточенному на собственной «необыкновенности», в чеховские времена еще только предстояло стать главным героем модернистской литературы. Чехов, заметивший появление этого человека, отнесся к нему, как видим, отрицательно. В нем он ощутил трагическое опустошение духа. И важно подчеркнуть, что такое же понимание этого человеческого типа было свойственно и Герману Мелвиллу.

Как и Чехов, он ощутил в своих современниках тяготение к исключительности, стремление к «необыкновенности», подводящие личность к опасной грани экзистенциального, духовного одиночества, к фанатичной узости мысли. Именно такими, вполне «необыкновенными», предстают главные герои романа «Моби Дик» – молодой моряк Измаил, исполняющий роль повествователя, и тот, к кому приковано его внимание, – искалеченный в схватке с Белым Китом капитан Ахаб.

Основной текст романа «Моби Дик» открывается признаниями Измаила, в которых многие чеховские герои легко узнали бы собственные мысли и чувства. «Зовите меня Измаил. Несколько лет назад – когда именно, неважно, – я обнаружил, что в кошельке у меня почти не осталось денег, а на земле не осталось ничего, что могло бы еще занимать меня, и тогда я решил сесть на корабль и поплавать немного, чтобы поглядеть на мир и с его водной стороны» [Мелвилл 1962: 39]. Оригинал этого отрывка таков: «Call me Ishmael. Some years ago – never mind how long precisely – having little or no money in my purse, and nothing particular to interest me on shore, I thought I would sail about a little and see the watery part of the world» [Melville 2002: 18]. Примечательно, что Ю. Лисняк, переведший роман на украинский язык, в отличие от И. Бернштейн, автора русской версии, острее почувствовал близость Измаила к тому типу «необыкновенного» человека, с которым связаны и чеховские герои. В его переводе молодой моряк сетует не только на недостаток денег в своем кошельке, но еще и на то, что на суше у него нет никакого «интересного дела» («цікавого діла» [Мелвілл 1984: 38]). Вот этому чеховские герои посочувствовали бы всей душой. Измаил – такой же, как они. Его духовные томления, мысли об «интересном деле», способном радикально изменить жизнь, – родовая примета человека поры модернистских этических и эстетических исканий.

Очень скоро Измаил находит того, на кого может равняться в своем тяготении к «необыкновенности». Это капитан Ахаб. Только обстоятельства морской, китобойной биографии отличают его от когорты чеховских героев, которые

в своем стремлении к «необыкновенности» избирают бескомпромиссное, фанатичное служение идее. Как и герои русского писателя, он презирает рутинное человеческое существование. В этом Ахаб напоминает Нину Заречную, которая убеждена, что «необыкновенного» человека обычные люди обязаны обожествлять и возить на колеснице. Ахаб подчиняет команду «Пекода» своей абсолютной, деспотической власти. Лишает всех малейшего права думать, чувствовать иначе, чем он, «необыкновенный» человек, посвятивший собственную жизнь и жизни всех своих подчиненных великому делу мести Белому Китаю.

Собственную «необыкновенность» Ахаб ценит очень высоко. Озирая бескрайний простор океана, он произносит: «Древний, древний вид, и в то же время такой молодой... Все тот же! все тот же! и для Ноя, и для меня» [Мелвилл 1962: 796]. Равняться с Ноем, библейским патриархом, божьим избранником, – это для Ахаба совершенно естественно. Стоит напомнить, что и у Чехова молодой ученый Коврин тоже ощущает себя божьим избранником.

В своей изначальной сущности сосредоточенность Ахаба на мести Белому Китаю связана с добрыми, гуманистическими устремлениями. Кит для Ахаба – воплощение Мирового Зла, с которым необходимо бороться. Но Мелвилл помогает своим читателям уяснить, что добрые в своих истоках побуждения способны превращаться в свою полную противоположность: утверждать гордыню и фанатическую, узколобую преданность идее, которая приводит ее носителя к безумию и преступлению.

Подчиняя команду «Пекода» силе своего гипнотического влияния, Ахаб добивается от матросов клятвы: «Смерть Моби Дику! Пусть достигнет нас кара божия, если мы не достигнем и не убьем Моби Дика!» [Мелвилл 1962: 263]. Повествователь тоже среди тех, кто клянется: «Я, Измаил, был в этой команде, в общем хоре летели к нему мои вопли... неуголимая вражда Ахаба стала моею» [Мелвилл 1962: 280]. «Необыкновенность», сила личности Ахаба заполняют пустоту души Измаила. Он приобщился к подлинно «интересному делу».

И заметим, что Мелвилл не простил своему повествователю этого добровольного подчинения власти Ахаба. И понятно почему: превратившись в единомышленника своего капитана, Измаил утратил непредвзятость взгляда и мысли. В завершающих главах, посвященных трем фатальным попыткам уничтожить Белого Кита, в нарративе исчезает субъектность голоса Измаила. Мелвилл сам ведет повествование о гибели всей команды «Пекода», принесенной в жертву неуголимой, безумной страсти Ахаба. Чудесное стечение обстоятельств помогает уцелеть одному Измаилу. В эпилоге ему возвращено право завершить нарратив.

Эпилог открывается эпиграфом из «Книги Иова»: «И спасся я один, чтобы возвестить тебе» [Мелвилл 1962: 809]. Что же возвещает он? Да лишь то, что он, Измаил, остался «сиротой». Этим признанием роман и завершается. Таков итог стремления к «интересному делу». Да и что другое может сказать тот, кто утратил все? Один из героев Чехова (рассказ «Скучная история»), выдающийся ученый, который когда-то имел, казалось бы, самое настоящее, подлинное право считать себя «необыкновенным», оказавшись в подобной ситуации, когда

все утрачено, загублено, тоже ничего не может сказать. Единственный близкий ему человек умоляет о помощи, просит объяснить, как жить в этом страшном и безжалостном мире, а он отвечает: «*Ничего я не могу сказать тебе, Катя... не знаю...*» [Чехов 1974с: 7, 309]. Не знает – как не знает и «сирота» Измаил.

Но художники, создавшие этих своих героев, знали намного больше. Верификация этого знания – дело непростое. Оба мастера никогда не высказывались с прямолинейной однозначностью. Предпочитали язык намеков, содержательные глубины подтекста. Поэтому попробуем прислушаться к подтексту.

Кажется, в нем доминирует безысходная печаль. Все напрасно, все усилия героев и Чехова, и Мелвилла, и «необыкновенных», и всех остальных – все беспредельно... Но из текстуальной глубины все-таки поднимается, прорастает и нечто другое, с печалью несхожее. Основной текст «Кита» завершается изображением океана, поглотившего останки «Пекода»: «*Птицы с криком закружили над зияющим жерлом водоворота; угрюмый белый бурун ударил в его крутые стены; потом воронка сгладилась; и вот уже бесконечный саван моря снова колыхался кругом, как и пять тысяч лет тому назад*» [Мелвилл 1962: 807]. Часть своих рассказов о «необыкновенных» людях Чехов тоже завершил морскими пейзажами («Дуэль», «Гусев»). Вот один из них. К нему стоит присмотреться внимательнее, тут, как и у Мелвилла, речь идет о том, как океан поглощает останки человеческой жизни. Тонет зашитое в парусину тело солдата Гусева: «*Пена покрывает его, и мгновение кажется он окутанным в кружева, но прошло это мгновение – и он быстро исчезает в волнах*» [Чехов 1974с: 7, 338]. И дальше – именно то, что ощущается как самое главное: «*Небо становится нежно-сиреневым. Глядя на это великолепное, очаровательное небо, океан сначала хмурится, но скоро сам приобретает цвета ласковые, радостные, страстные, какие на человеческом языке и назвать трудно*» [Чехов 1974с: 7, 339].

Человеческому языку, согласимся с Чеховым, не по силам вербально оформить то, к чему приблизилось, прикоснулась художественная мысль. О чем говорит, в чем заверяет нас, читателей, этот необыкновенный, исполненный радости и страсти цвет океана в окончании чеховского рассказа? И на что намекают, какие смыслы таят завершающие роман Мелвилла слова о бесконечном саване моря, которое тысячелетиями пребывает в своем величии? Все мы чувствуем: тут речь о чем-то большем, гораздо более значительном, нежели простое предупреждение об опасностях, подстерегающих одинокую в своей гордыне «необыкновенную» личность. Антон Чехов и Герман Мелвилл одними из первых заметили и оценили этот человеческий тип. И сказали о нем именно то, что хотели сказать. Насколько поняли их современники? И насколько понимаем мы, сегодняшние? Ответы на эти вопросы – дело будущего, которое, конечно же, непременно откроется в «*большом времени*».

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- DELBANCO, A. (2005): *Melville: His World and Work*. NY.
VINCENT, H. P. (1967): *The Trying-Out of Moby-Dick*. Carbondale.
MELVILLE, HERMAN (2002): *Moby Dick or White Whale*. NY: W. W. Norton & Company, Inc.
МЕЛВИЛЛ, Г. (1962): *Моби Дик или Белый Кит*. М.
МЕЛВИЛЛ, Г. (1984): *Моби Дік, або Білий Кит*. К.
ЧЕХОВ, А.П. (1974–1983): *Полн. собр. соч. и писем: в 30 т.* Ред. кол. Н. Ф. Бельчиков и др. Т.1–30. М.

ЙОЛАНТА МИТУРСКА-БОЯНОВСКА, ЙОЛАНТА ИГНАТОВИЧ-СКОВРОНЬСКА

Польша, Щецин

OPERA MYDLANA / МЫЛЬНАЯ ОПЕРА В СОВРЕМЕННЫХ ПОЛЬСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

АБСТРАКТ:

The subject of description in this paper is the functioning of the expressions *opera mydlana / мыльная опера* in contemporary Polish and Russian language. In both languages the expression is a late, 20th century loan translation of the English construction *soap opera*. In spite of functioning in the usage for only two decades, it is subject to numerous modifications, both formal and semantic.

KEY WORDS:

Polish and Russian idioms – soap opera – formal and semantic modifications.

Польские и русские словосочетания *opera mydlana / мыльная опера*, функционирующие в обоих языках в значении «один из жанров телесериалов, отличающийся огромным количеством серий, снимаемый и транслируемый годами, имеющий определенные жанровые особенности (неоконченность, медленный темп повествования, драматический и эмоциональный характер сюжета, любовь, интрига, супружеская неверность, смена актеров)», являются фразеологическими кальками английской конструкции *soap opera*, появившейся в языке-источнике в 30-е гг. минувшего столетия. Мыльные оперы родились в США и транслировались сначала по радио. Первой настоящей мыльной оперой считается *Betty and Bob* (10.10.1932). Аудиторией этих радиосериалов были американские домохозяйки, а спонсорами показа – производители мыла и других моющих средств. Отсюда название «мыльная опера». В 1947 появилась первая телевизионная мыльная опера „*Woman to Remember*”. С 60-х гг. их начинают снимать и в Европе. В Польше первыми мыльными операми считаются радиосериалы *Matysiakowie* (с 1956 г.) и *W Jezioranach* (с 1960 г.), телевизионной – *W labiryncie* (1988–1991). Сериалы российского производства вышли на экраны в к. 90-х гг. Массовую популярность приобре-

ли такие проекты как: *Улицы разбитых фонарей*, *Досье детектива Дубровского*, *Убойная сила*, *Агент национальной безопасности*.

Скоро, как замечает В. М. Мокиенко [Мокиенко 2003: 67], ссылаясь на слова обозревателя газеты *The Christian Century* (24.08.1938), словосочетание **soap opera** подверглось переосмыслению: «Эти пятнадцатиминутные трагедии ..., которые я называю «мыльной оперой»..., потому что без помощи мыла я бы ни пролил ни слезы над её персонажами».

В наших языках фразеологизм в активном употреблении появляется с 90-х гг. В работе *Nowe słownictwo polskie* под редакцией Т. Смулковой отмечаются варианты формы **mydlany serial** // **mydlana opera**, вслед за ними, соответственно, цитаты из прессы 1990 и 1992 гг.

Лексиконами польского языка преимущественно фиксируется вариант **opera mydlana** (ср.: SWJP-D, ISJP, USYP, WSJP, PSF-G, SF-AN, WS PWN, NSF-L). Согласно данным словаря *Новая русская фразеология*, выражение **мыльная опера** впервые появляется в российской прессе в 1992 г. [Мокиенко 2003: 67; Берков: 2008; Ожегов: 2002; Складаревская: 2001, 2006].

Фразеологизм имеет интернациональный характер, так как он распространен во многих языках: чеш. **týdlová opera**, болг. **сапунена опера**, хорв. **sapunica**, фр. **soap opera**, литов. **muilo operos**, латыш. **zierju operas**, нем. **Seifenoper**, норв. **såpe opera**, словац. **mydlová opera**, серб. **сапунице**, венг. **szappanopera**, укр. **мильні опери**.

Мыльная опера пользуется огромной популярностью среди телезрителей во всем мире («Это символ развития нашего (российского) телевидения, и символ его деградации. Сериалы называют вселенским злом и единственной отдушиной»). Обилие таких сериалов на «голубых экранах» привело к тому, что жанровые черты **мыльной оперы** настолько сильно вызывают определенные ассоциации в сознании телезрителей, что выражение это вышло за пределы телевидения и стало применяться в новых контекстах, постепенно приобретая новые значения. Хотя объектом нашего анализа являются польский и русский языки, но описываемые нами явления распространяются, как нам кажется, также и в других языках¹.

Надо подчеркнуть, во-первых, что анализируемое нами выражение функционирует в современном узусе в традиционном значении, однако с негативной окраской, что отмечается не всеми словарными работами. Иронический, насмешливый характер, неположительная оценка, которая сопутствует выражению с самого начала, связаны с низким качеством мыльных опер. Они ассоциируются с монотонностью, скукой, медленным темпом, длительностью, путаницей, обманом, неясной ситуацией, сентиментальностью, интригами, изменой. Черты эти стали основой метафорических переносов.

¹ Сравните соответствующие цитаты из болгарского, словацкого и украинского языков: Залавянето на Саддам се превърна в сапунена опера (www.malkiobyavi.com/pro/pic-news/news.php?newsid); «Mydlová opera sa skončila,» oznámil podpis zmluvy 27-ročný brazílsky reprezentant, ktorý sa s národným tímom pripravuje vo vlasti na pokračovanie juhoamerickej časti kvalifikácie MS 2010 s Paraguajom. (spravy.pozri.sk/clanok/Kaka-sa-upisal-Realu-na.../66504); Милярна опера телекомунікаційного лобізму (www.40ka.com/?p=25129).

Во-вторых, выражение *opera mydlana / мыльная опера* довольно часто становится элементом метафорического стиля языка публицистики. Описываемая журналистами действительность сравнивается с **мыльной оперой**. Применяется при этом свойственная ей лексика: *fabuła, akcja, bohater, scena, widz, odcinek, serial, oglądalność, melodramat, reżyser, w rolach, w epizodach, герой, seria, w kadrze pojawia się epizodyczny персонаж*: „Proszę Państwa. Oto najnudniejsza **opera mydlana** świata. **Akcja** rozgrywa się w Polsce, czyli nigdzie. I w samym centrum Warszawy, czyli nigdzie. Na papierze. Czyli w zasadzie też nigdzie. Pierwszy **odcinek. Bohaterowie**: dwóch panów architektów, bezradni rajcowie bez twarzy i wyrazu. Na pustej **scenie** – ogromny Pałac Kultury. (...) Sto, a może i tysiąc (kto by liczył dokładnie) późniejszych **odcinków opery mydlanej** pt. „Korona lepsza i kółko czy też może kratka” (...) („Gazeta Stołeczna” nr 40, dodatek do „Gazety Wyborczej” 16/02/2008 – 17/02/2008); „«Мыльная опера» в ЦентрАзии: в **главных ролях** – представители власти, в **эпизодах** – демократическая оппозиция” (<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1082003160>).

Во многих контекстах находим богатую характеристику актуальных проблем с применением метафорических конструкций: WYBORY W USA TO OPERA MYDLANA, PROJEKTY ZAGOSPODAROWANIA CENTRUM WOKÓŁ PAŁACU KULTURY I NAUKI W WARSZAWIE TO OPERA MYDLANA, ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ – МЫЛЬНАЯ ОПЕРА.

Синтетическую форму приобретают метафорические конструкции со структурой **coś to opera mydlana / coś jest operą mydlaną / coś jest (jakie) jak opera mydlana / coś wygląda jak opera mydlana / coś przypomina operę mydlaną / что-т. как мыльная опера**: „transferowe zawriowania wokół Cristiano Ronaldo to już prawdziwa opera mydlana, („Dziennik” 12/07/2008); „Budowa długa jak opera mydlana („Gazeta Wyborcza” Bydgoszcz 11/08/2004); „Proces jak opera mydlana” („Gazeta Wyborcza” Warszawa 08/03/1994); «Президент заметил, что не помнит в мировой практике случаев, когда заседания правительства, «как мыльную оперу», транслируют на телевидении» (<http://for-ua.com/ukraine/2008/05/29/080610.html>); «Президентская кампания в США — как мыльная опера, телесериал. Высокобюджетный сериал» (<http://tarasovblog.ru/?p=693>); «Всякое шоу хорошо один раз. Когда оно превращается в подобие мексиканской мыльной оперы, то и отношение к участникам становится соответствующим» (<http://www.isra.com/news/?item=26405>).

Такие актуализации являются промежуточным этапом в формировании новых значений и употреблений выражений *opera mydlana / мыльная опера* уже не в традиционных, телевизионных контекстах, но также касающихся спортивной, политической, личной жизни, проблем в строительстве, судебных дел. Некоторые из них стали типичными при неканонических актуализациях выражения *opera mydlana / мыльная опера* в современном узусе польского и русского языков. Примеры эти указывают на то, какие черты денотата стали основой при употреблении выражения *opera mydlana / мыльная опера* по отношению к нашим реалиям. К ним можно причислить: длитель-

ность (медленный темп), неясная ситуация, закрученность, стереотипное счастье, монотонность.

Очередные цитаты указывают на инновационный характер выражений с точки зрения семантики. Их создатели, отдавая себе отчет в нарушении фразеологической нормы, осознавая свежесть этих инноваций, сознательно пользуются кавычками. При этом с целью уточнения неканонических значений расширяют структуру фразеологизма за счет новых компонентов. Учитывая характер реализуемых значений, приводимые нами контексты мы разделили на две группы.

Первый круг составляют цитаты, в которых выражение *opera mydlana* / **мыльная опера** служит для определения описываемых в масс-медиа подлинных событий из личной жизни общеизвестных лиц: королевской семьи в Великобритании, княжеской семьи в Монако, президента Франции и его жены, экс-министр юстиции Франции, бывшего премьер-министра Польши, представителей итальянского правительства, известных спортсменов и других лиц, жизнь которых интересна обществу: „Choć od dawna wiadomo, że Nicolas Sarkozy i Carla Bruni zakochali się w sobie od pierwszego wejrzenia, człowiek, który ich sobie przedstawił, postanowił ujawnić nowe szczegóły tej ulubionej **opery mydlanej** Francuzów” („Dziennik” 12/02/2009); „Współcześni sportowcy stają się odtwórcami ról w **medialnej operze mydlanej**, której scenariusz czasem wymyka się spod kontroli” („Rzeczpospolita” 14/05/2003); «Мыльная опера четы Саркози» (заглавие) (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_6660000/6660209.stm); «Монако: бесконечная мыльная опера» (заглавие) (http://news.bbc.co.uk/hi/russian/life/newsid_2506000/2506653.stm).

Основой метафорических переносов выражений *opera mydlana* / **мыльная опера** в приводимых контекстах послужили любовные скандалы, измена, красочный, полный неожиданных элементов круг описываемых событий, специфика их героев; объектом интереса становятся общеизвестные лица, политики, предстатели «высших сословий»; способ подачи информации как в телесериалах – постепенно, длительное время.

Во второй группе появились цитаты с выражением *opera mydlana* / **мыльная опера**, относящиеся к жизни страны, указывающие полные неожиданных поворотов явления общественной жизни: разного типа скандалы, ссоры общеизвестных лиц, главным образом политиков, бесконечные и часто меняемые решения относительно функционирования ответственных постов, бесконечно длящихся строек, закрученные истории, аферы (длительность, бесконечность, путаница, обман, неясная ситуация) и т.п. Эта нерешительность, неловкость и споры по вопросу компетенции приводят к тому, что явления эти каждый раз оцениваются отрицательно и во многих случаях напоминают зрелище, цирк, комедию, что наглядно подтверждают следующие цитаты: „**Opera mydlana** z nominacją Anny Fotygi trwa już od kilku tygodni” („Dziennik” 22/04/2009); „**Opera mydlana** trwa już od kilku tygodni, ale wszystko wskazuje na to, że Lampard w Chelsea grać już nie chce” („Rzeczpospolita” 21/07/2008); „Cały proces wyglądał jak **opera mydlana w brazylijskim serialu**. Jesteśmy jednak coraz bliżej tego, aby w mieście powstał basen i hala z prawdziwego zdarzenia” („Gazeta Wyborcza”

Zielona Góra 06/08/2008); «**«Мыльная опера» с принятием закона о выкупе в собственность арендуемых помещений малым бизнесом закончилась»** (<http://www.kadis.ru/daily/dayjust.phtml?id=59588>); **«Мыльная опера** телекоммуникационного лоббизма» (заглавие) (<http://www.zp.ua/2000/2675/66422/>); **«Мыльная опера»** про переход Шевченко в «Челси» продолжается» (<http://www.yoki.ru/style/travel/30-03-2006/20169-0>); «Кондопога: суд или **мыльная опера?**» (заглавие) (<http://novchronic.ru/1465.htm>); **«Мыльная опера** с применением допинга» (заглавие) (http://www.trud.ru/article/2008/12/01/mylnaja_opera_s_primeneniem_dopinga.html).

Наш материал показывает, что выражение *opera mydlana / мыльная опера* активно применяется в современных польских и русских текстах, в которых реализуется не только каноническое значение, но также обнаруживаются инновационные смыслы. В итоге они становятся синонимами; во-первых, распространяемых определенное время в масс-медиа информации на тему громких событий из личной жизни политиков, известных лиц; во-вторых, общеизвестных, благодаря масс-медиа, бесконечных политических скандалов, длящихся строек, продолжающихся решений суда, комиссий и т.п., рассматриваемых часто как скандалы, цирк, зрелище.

Следует также отметить, что популярность выражений *opera mydlana / мыльная опера* в современных польском и русском языках связана с частотой их применения, что в итоге приводит к семантическим и формальным преобразованиям. Приведем некоторые примеры таких формальных инноваций: *samolotowa opera mydlana, polityczna opera mydlana, włoska opera mydlana, medialna opera mydlana, политическая мыльная опера, снежно-мыльная опера, бесконечная мыльная опера, режиссер украинской политической мыльной оперы, свежащая серия политической мыльной оперы, мексиканская мыльная опера, любимая мыльная опера России* (про ЮКОС), *настоящая мыльная опера*. Наряду с ними появляются и другие трансформы (в которых чередуются substantive компоненты); часть из них функционирует как неcodифицированные, окказиональные варианты и синонимы анализируемого словосочетания: *mydlany tasiemiec, mydlany serial, mydlana telenowela, «мыльный» жанр, «мыльные» сериалы, «мыльные пузыри», мыльная продукция*.

В заключение следует добавить, что выражение *мыльная опера* послужило базой для словообразовательных дериватов, в ряде случаев имеющих окказиональный характер. Приведем некоторые иллюстрации: *мыльная опера* → *мыл-и(ть)-ся* 'очень долго смотреть мыльные оперы', *мыло* разг. 'мыльная опера', *мыль-ниц(а)* 'мыльная опера', *мыло-драма* 'мыльная опера', *теле-мыл(о)* 'мыльная опера', *мыльн-опер-н(ый)*, *мыльник* разг. несл. 'создатель мыльной оперы', «*мыл-о-писатель*», «*мыл-о-вар*» ← *варить мыло* 'создавать телесериалы или книжные серии низкого качества'. На основе выражения *opera mydlana / мыльная опера* рождаются также фразеологические дериваты: *rola mydlana* 'rola w mydlanej operze', *mydlane scenopisarstwo* 'pisanie scenariuszy do oper mydlanych', *mydlany*

chłystek ‘*marny aktor występujący w operach mydlanych*’; **варить мыло** ‘создавать телесериалы или книжные серии низкого качества’, **сесть на мыло** ‘привыкнуть к низкопробной телепродукции’, «**мыльное**» **блюдо**, «**мыльная**» **красавица**, «**мыльный**» **праздник**.

Наряду с вышеприведенными примерами в польском языке появляются свободные словосочетания с прилагательным **mydlany**, который приобретает уже самостоятельный характер и начинает функционировать в значении ‘*kiczowaty, sentymentalny, marny*’: „Grażyna Szapolowska: Tak, uważam, że był (odcinek filmu – уточнение наше – Й.И.-С., Й.М.-Б.) **zbyt mydlany**” (*magdam.plejada.pl/943,news,1,1,czat_z_grazyna_szapolowska,aktualnosci_detal.htm*), „*dupa a nie aktor, mydlany taki i bezosobowy...*” (*www.egoisci.pl/3092/nierob-pasjonat/*).

Выражение **opera mydlana / мыльная опера** функционирует в польском и русском языках относительно короткое время, однако успело прочно войти в систему обоих языков. Оно подвергается не только формальной и семантической трансформации, но также становится базой для новых лексем, что подтверждают приведенные нами контексты. Ряд таких преобразований находим не только в публицистике, но также в текстах художественной литературы, что может свидетельствовать о постепенной стабилизации и укреплении новых значений выражения **opera mydlana / мыльная опера** в польском и русском языках.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BAŁA, S. (1989): *Innowacje frazeologiczne współczesnej polszczyzny*. Poznań.
- ISJP M. BAŃKO (eds.): *Inny słownik języka polskiego*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2000, t. I.
- LISOWSKA-MAGDZIARZ, M. (2008): *Media powszednie. Środki komunikowania masowego i szerokie paradygmaty medialne w życiu codziennym Polaków u progu XXI wieku*, Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, Kraków.
- MOSIOŁEK-KŁOSIŃSKA, K. (2002): Innowacje frazeologiczne jako źródło powstawania nowych jednostek leksykalnych. In: Lewicki, A.M.: *Problemy frazeologii europejskiej V*. „Norbertinum”, Lublin, s. 21–34.
- NSF-L – LEBDA, R. (2005): *Nowy słownik frazeologiczny*, Kraków.
- PSF-G – GŁOWIŃSKA, K. (2000): *Popularny słownik frazeologiczny*, Warszawa.
- SF-AN – A. NOWAKOWSKA (eds.): *Słownik frazeologiczny*, Wrocław 2003.
- SWJP-D – B. DUNAJ (eds.): *Słownik współczesnego języka polskiego*, Wilga, Warszawa 1999, t. I.
- T. SMÓŁKOWA (eds.): *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1985–1992*. Część I: A–O, Polska Akademia Nauk. Instytut Języka Polskiego, Kraków 1998.
- T. SMÓŁKOWA (eds.): *Nowe słownictwo polskie. Materiały z prasy lat 1993–2000*. Część II: I–O, Polska Akademia Nauk. Instytut Języka Polskiego, Kraków 2004.
- USJP – S. DUBISZ (eds.): *Uniwersalny słownik języka polskiego*, Wydawnictwo Naukowe PWN, Warszawa 2003, t. III.
- W. PISAREK (eds.): *Słownik terminologii medialnej*, Universitas, Kraków 2006.
- WSF PWN – *Wielki słownik frazeologiczny PWN z przysłówiami*.
- WSJP- DEREŃ, E., POLAŃSKI, E. (2008): *Wielki słownik języka polskiego*, Krakowskie Wydawnictwo Naukowe Spółka Jawna, Kraków.
- АЛЕКСЕЕНКО, М. А., БЕЛОУСОВА, Т. П., ЛИТВИННИКОВА, О. И. (2003): *Словарь отфразеологической лексики современного русского языка*, Изд. «Азбуковник», Москва.
- БЕРКОВ, В. П., МОКИЕНКО, В. М., ШУЛЕЖКОВА, С. Г. (2008): *Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка*, т.1, Ernest-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slavistik, Greifswald.
- МОКИЕНКО, В. М. (2003): *Новая русская фразеология*, Uniwersytet Opolski, Instytut Filologii Polskiej, Opole.
- ОЖЕГОВ, С. И., ШВЕДОВА, Н. Ю. (2002): *Толковый словарь русского языка*, Москва.
- Г. Н. СКЛЯРЕВСКАЯ (eds.): *Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика*, Изд. «Эксмо», Москва 2006.
- Г. Н. СКЛЯРЕВСКАЯ (eds.): *Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия*, Изд. «Астрель», Москва 2001.

АНГЕЛИНА ЮРЬЕВНА ПОНОМАРЕНКО

Украина, Киев

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ ФРАЗЕОГРАФИИ

ABSTRACT:

The article deals with identification of promising areas of research in the Ukrainian phraseography. The topicality of research of phraseological dictionary as a kind of integrative text, which has «creator», «recipient», structure, grammar, style, functions, is substantiated.

KEY WORDS:

Phraseology – phraseography – phraseological dictionary – text – phraseological unit – world picture.

«Язык является одним из тех явлений, которые стимулируют общечеловеческую духовную силу к постоянной деятельности» (В. Гумбольдт) и в этой связи – к возникновению новых направлений лингвистических исследований, одним из которых в 60-х годах XX века стала фразеография. И с того времени теоретические и практические основы словарной обработки фразеологического состава языка постоянно находятся в центре внимания ученых. Фразеологическая репрезентация мира отличается от лексической большей архаичностью, мифологизированностью. Фрагментарность фразеологической системы и представленной ею картины мира компенсирует высокий уровень дискретизации ее определенных участков, отличных от тех, которые категоризирует лексика. Переплетение лингвистического и экстралингвистического, диахронического и синхронического, концентрация этнокультурного опыта и текучесть семантики фразеологизмов – эти и многие другие факторы влияют на создание словарей в сфере современной фразеологии.

Словарное описание фразеологических единиц имеет древнюю традицию и известно еще с XVII в., хотя сам термин *фразеография* возник только во второй половине XX в. С 70-х годов XX в. возрастает интерес к проблеме лексикографической репрезентации фразеологизмов украинского и других языков (см. труды Л. Г. Скрипник, В. М. Билоноженко, А. М. Бабкина, В. П. Жукова, В. М. Мокиенко, А. И. Молоткова, Ю. Ф. Прадида, В. А. Чабаненко,

В. Д. Ужченко, Л. В. Самойлович и др.). Но вопросы фразеографии исследуются преимущественно при изучении других проблем фразеологии. Отдельные теоретические аспекты обработки фразеологического состава украинского языка рассмотрены в монографии Л. Г. Скрипник «Фразеология украинского языка» [Скрипник 1973], которая констатировала, что родилась новая область языкознания – фразеография. Основные модели толкования фразеологических единиц с учетом специфики фразеологического значения, структуры, синтаксических функций, а также парадигматики теоретически обосновала В. М. Билоноженко в работе «Функционирование и лексикографическая разработка украинских фразеологизмов». В начале XXI века в диссертации Л. В. Самойлович исследована история украинской фразеографии XIX – нач. XX в. на материале фольклорных сборников этого периода. Эти работы частично заполнили пробелы в сфере теоретического осмысления проблем фразеографии в украинской лингвистике.

Однако потребность исследования истории украинской фразеографии (начиная с первых попыток фиксации фразеологического материала и до сегодня, способов его расположения, принципов построения словарной статьи, интерпретации фразеологического значения, сравнительно-сопоставительной характеристики фразеологизмов и др.), моделирование этапов ее становления, обобщение концептуальных основ науки, ее терминологической базы, рассмотрение фразеологического словаря в качестве своеобразного текста, реконструирующего фразеологическую картину мира, определяет актуальность данной проблемы.

В нашем исследовании текст рассматриваем как «письменный языковой массив, составляющий линейную последовательность высказываний, объединенных в более близкой перспективе смысловыми и формально-грамматическими связями, а в общекомпозиционном, дистантном плане – совместной тематической и сюжетной заданностью» [Українська мова 2004: 679]. Т. В. Радзиевская в работе «Коммуникативно-прагматические аспекты текстообразования» [Радзівська 1999] определяет два уровня анализа текста, которые предлагает называть культурно-лингвистическим и социолингвистическим. На культурно-лингвистическом уровне текст рассматривается как носитель общесистемных свойств и относится к системе текстовых типов, конкретные манифестанты которой, будучи средствами коммуникации, образуют культурное пространство и отражают культурную память языкового сообщества. На социолингвистическом уровне анализа текст предстает как элемент конкретного социального пространства, характеризуется определенными пространственно-временными границами, конкретным социальным контекстом, определенными ценностными установками и языковой и коммуникативной компетенцией носителей языка – членов соответствующей социальной общины. Текст имеет интегративную природу, особенно справочно-информационная его разновидность. Любой словарь – это результат отбора языковых единиц из общих ресурсов языка. Он имеет свои микро- и макро-структуры. Поскольку реальные ресурсы языка во много раз превышают объем

крупнейших словарей, составление словаря заключается прежде всего в ограничении данных ресурсов путем отбора и абстрагирования. Учитывая указанное, относительно ресурсов языка словарь имеет метонимический характер: это не только часть означенных ресурсов, это такая часть, которая представляет целостное восприятие языковой картины мира. В языкознании, культурологии и философии языка общепризнанной является мысль о том, что фразеологический состав является наиболее прозрачным для воплощаемых лингвистическими средствами концептов «языка» этнокультуры, поскольку в образной основе фразеологизмов отражаются характерологические черты мировоззрения, поэтому является перспективной попытка обобщенного взгляда на фразеологический словарь как своеобразный текст, имеющий своего «творца», «реципиента», свою структуру, грамматику, стилистику, функции. В общем, фразеологическая единица представляет собой диалектически противоречивое единство семантики и структуры, «синхронического покоя» (В. Ужченко) и диахронических изменений, лингвистической абстракции и этнокультурной конкретики.

История словарной обработки фразеологического состава языка – это отражение языковых процессов различной временной глубины, затухания и обновления образности устойчивых выражений, культурно-этнического видения действительности, фиксируемого в элементах внутренней формы, в мотивации фразеологизмов. Одна из задач современной фразеологии состоит в реконструкции текстуальных моделей фразеологических работ, созданных в определенный период времени и характеризующихся общей тематической заданностью.

Требуют анализа как первоисточники фиксации фразеологических единиц в XVII–XVIII вв., так и отражение фразеологических единиц в сборниках пословиц и поговорок А. П. Павловского, В. Н. Смирницкого, Я. Ф. Головацкого, Г. С. Илькевича и др., фольклорных сборниках Н. В. Закревского, М. Номиса, П. П. Чубинского, М. Ф. Комарова, И. И. Манжуры, И. Я. Франко, А. Н. Малинки, И. В. Бессарабы и др., в «Словаре украинского языка» (1907–1909) Б. Гринченко, переводных российско-украинских словарях В. Дубровского (1917) В. Пидмогильного, Е. Плужника (1926–1927), Г. Млодзинского (1929) и др.

С учетом достижений лингвистической теории следует рассмотреть способы обработки фразеологического материала в различных типах современных словарей.

Любой фразеологизм – это микротекст, фиксатор национально-культурной информации. Воспринимая текст как специфическую языковую реальность, целесообразно рассматривать его как не менее специфический процесс, что протекает между сознанием того, кто создает, и сознанием того, кто воспринимает.

Фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он имеет культурную коннотацию, делает свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры. Фразеоло-

гический состав языка – это «зеркало, в котором лингвокультурное сообщество идентифицирует свое национальное самосознание» (В. Телия). Научная ценность – теоретическая и практическая – любого фразеологического словаря определяется категориальной однотипностью единиц, включенных в его состав, и соответствующей однотипностью их лексикографической обработки. Отображение фразеологической картины мира в различных типах макротекстов – фразеографических работ – приобретает особое значение ввиду антропоцентрической парадигмы современной науки. Поскольку текстовая реальность конституируется как самодостаточная для характеристики соответствующей картины мира, то и некоторые элементы такой системы (в нашем случае – словарные статьи) способствуют осмыслению образной информации на конкретном отрезке текста. Поэтому одним из перспективных аспектов исследования является изучение метаязыка фразеологических толкований в различных типах фразеологических словарей, что чрезвычайно важно не только для семасиологических исследований, но и для усовершенствования теории и практики фразеографического описания и, в частности, для освещения проблем типовых толкований отдельных разрядов фразеологизмов.

Поскольку в последнее десятилетие XX – начале XXI века исследования по диалектной фразеологии особо продуктивны, в частности, в аспекте культурологической «насыщенности» (Б. Ажнюк) ареальных устойчивых выражений, вышел ряд словарей диалектных фразеологизмов [Ужченко, Ужченко 2002; Чабаненко 2001; Івченко 1993], считаем актуальным рассмотрение проблемы фразеографической разработки ареальной идиоматики, акцентируя внимание на принципах представления и толкования фразеологических единиц, оптимально исчерпывающей локализации единицы, отражении системных связей диалектных устойчивых выражений, внутреннем единстве словарных статей.

Реконструкция фразеологической картины мира в переводных словарях осложняется тем, что фразеологизированные структуры того или иного языка отражают особенности национального менталитета, характера, осознание реального мира носителем именно этого языка. Сопоставительное описание фразеологических единиц в плоскости нескольких языков показывает, что даже родственные, близкие языки демонстрируют значительные различия в фрагментах языковой картины мира, а тем более языки разных групп. Итак, макротекст переводного фразеологического словаря является коммуникативно гетерогенным феноменом.

Особого внимания заслуживает компьютерная фразеография, в частности, принципы обработки фразеологического фонда с помощью современного программного обеспечения, подачи фразеологического материала с помощью мультимедийных технологий, создания различных типов фразеологических словарей в виде компьютерных программ. В Российской Федерации на протяжении последних двух десятилетий теория фразеографии и составление фразеологических словарей с помощью компьютерных технологий стали предметом результативных исследований. Опубликованы коллективные монографии [Фразеография 1990; Лексикографическая 1988], в которых разработаны те-

оретические принципы формирования Машинного фонда русской фразеологии и Автоматизированного словаря русской фразеологии. Основной формой размещения фразеологического материала в фразеологическом подфонде Машинного фонда русского языка являются пакеты – автономные объединения разнотипных фразеологических единиц, описание которых предполагает использование совокупности параметров (модулей), заданных как общими принципами упорядочения материала, так и спецификой фразеологического массива в каждом конкретном случае (Т. И. Бытёва).

Достижения в теории и практике фразеологии создали предпосылки для подготовки тематических фразеологических словарей, которые позволят наряду с алфавитным представлением статей, принятым в большинстве фразеологических работ, показать системный характер фразеологического состава языка на основании лексикографической обработки фразеологических микросистем языка, которые бы всесторонне характеризовали мировоззрение человека (Ю. Прадед). Среди перспективных, например, «Словарь индивидуально-авторских употреблений фразеологических единиц в современном украинском языке». Это фразеологический словарь нового типа, который должен охватывать полные функционально-семантические характеристики фразеологических единиц, детальное толкование системы их значений и употреблений, систематизированное описание основных типов и стилистических приемов преобразования фразеологизмов. Также актуально составление «Этимологического словаря украинской фразеологии», поэтому определение принципов оптимальной репрезентации фразеологического материала в фразеологических трудах такого типа также приобретает актуальность.

Отдельным перспективным направлением является разработка принципов составления учебных фразеологических словарей, реестр которых должен ограничиваться специальным отбором единиц и специально сконцентрированным вниманием только на отдельных, наиболее существенных характеристиках фразеологизмов.

Фразеологические словари – мощный источник украиноведческих исследований: и в аспекте реконструкции языковой картины мира украинцев определенной исторической эпохи, и касательно метаязыка фразеологических толкований как средства фиксации национально-культурной информации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БІЛОНОЖЕНКО, В. М., ГНАТЮК, І. С. (1989): *Функціонування та лексикографічна розробка українських фразеологізмів*. Київ.
- ГУМБОЛЬДТ В. (1960) О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (извлечения). In: В. А. Звегинцев: *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. Часть I. М., с. 85–105.
- ІВЧЕНКО, А. (1993): Матеріали до фразеологічного словника Харківщини. In: *Збірник Харківського історико-філологічного товариства*. Т. 1, с. 153–162.
- Лексикографическая (1988): *Лексикографическая разработка фразеологизмов для словарей различных типов и для Машинного фонда русского языка* (Материалы к методической школе-семинару). М.
- РАДЗІЄВСЬКА, Т. В. (1999): *Комунікативно-прагматичні аспекти текстотворення*. Київ.
- САМОЙЛОВИЧ, Л. В. (2000): *Українська фразеологія XIX – поч. XX ст.* Дніпропетровськ.
- СКРИПНИК, Л. Г. (1973): *Фразеологія української мови*. Київ.

УЖЧЕНКО, В. Д., УЖЧЕНКО, Д. В. (2002): *Фразеологічний словник східнословобожанських і степових говірок Донбасу*. Луганськ.

Українська мова: Енциклопедія (2004): Київ.

Фразеография (1990): *Фразеография в Машинном фонде русского языка*. М.

ЧАБАНЕНКО, В. А. (2001): *Фразеологічний словник говірок Нижньої Наддніпрянщини*. Запоріжжя.

НАТАЛИЯ СЕМЕНЕНКО

Россия, Старый Оскол

СОВРЕМЕННЫЙ ПАРЕМИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И НОВЫЕ ПРАГМАТИЧЕСКИЕ СМЫСЛЫ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

АБСТРАКТ:

The consideration of the problematic functioning of the preceding texts in the modern discourse as well as the description of the parables' pragmatic potential allows us to have a look at such traditional linguistic material as proverbs in the aspect of studying new tendencies in the development of publicistic and internet resources. The use of the proverbs as sources of the precedent in the internet forums and popular publications on one hand shows the widening spectrum of pun that is regularly used in the mass media discourse and on the other hand confirms irrefutable reputation of the proverbs as means of basic worldly moral and everyday philosophy.

KEY WORDS:

Preceding text – parables – discourse – concept.

Паремии как прецедентные тексты характеризуются рядом параметров, обуславливающих специфику их употребления в дискурсе и включения в другие тексты. В первую очередь, это лаконизм формы и смысловая емкость, которые нередко «привлекают» пословицы в публицистический дискурс в качестве заголовков или резюме по типу морали в басне. Так, одна из самых популярных в современном публицистическом дискурсе пословица *Без труда не вытащишь и рыбки из пруда* нередко используется в качестве заголовка статей, посвященных рыбалке, трудоустройству населения, подобным образом озаглавлена статья о работе рыбхоза и т.д. Высокая степень прозрачности внутренней формы пословицы позволяет ей включаться в дискурс рыболовной тематики, а социализованное обобщенное значение, основанное на актуальности для когнитивной структуры пословицы концепта «Труд», делает ее актуальной для обсуждения проблем трудоустройства и трудового вклада. Онтологический статус пословицы, обусловленный ее способностью выражать диалектическую закономерность, связанную с переходом количества

усилий в качестве результата позволяет ей оставаться в высшей степени актуальной для политического и экономического дискурсов, в особенности при обсуждении проблем соотношения затраченных усилий в процессе зарабатывания денег и полученной прибыли – в результате данная поговорка нередко встречается в качестве аргумента в высказываниях авторов блогов и участников Интернет-форумов.

При этом следует отметить, что даже предельно ясная внутренняя форма не является непреодолимым препятствием для частичного переосмысления значения поговорки в условиях конкретного дискурса. Так, в опубликованной в Интернете статье, посвященной экономической ситуации в современной Европе, отмечается, что «*пора бы Европе вспомнить, что Без труда не вытащишь и рыбки из пруда*». Контекст статьи не содержит утверждений о бездействии или лени руководителей Евросоюза, но приводимые аргументы создают впечатление постоянного отставания Европейского сообщества от собственных планов. Причины тому авторы видят в непропорциональности усилий, затраченных на подготовку Лиссабонского договора, и усилий, направленных на оценку реального состояния современной Европейской экономики. Статья заканчивается призывом «*сконцентрироваться на конкретном содержании, а не на концепциях и формах*». Таким образом, использование поговорки в качестве прецедентного источника происходит с заметным переосмыслением прагматического смысла высказывания – применительно к данной статье он выражен как призыв «заняться той работой, которая кажется менее интересной, более рутинной, но и более эффективной». Данный смысл никак не может быть выведен только из значения поговорки, без учета всех нюансов текста статьи и особенностей современного экономико-политического дискурса.

Аналогичная картина наблюдается при использовании поговорки в качестве заголовка для статьи, посвященной проблеме обмана потребителей, основная цель которой – объяснить потребителю, что «чудесных» товаров, позволяющих в миг избавиться от любой проблемы, нет и быть не может. В данном случае контекст статьи актуализирует концепт «Чудо/Случайность», антитетически связанный с концептом «Труд», – в результате прагматический смысл поговорки, выполняющей в тексте функцию заголовка, прочитывается как рекомендация «работать, а не надеяться на чудо».

Встречаются в современном дискурсе и трансформации данной поговорки, связанные, как правило, с заменой одного лексического компонента. Например, художественно-публицистический текст, посвященный технологии выполнения фокусов, озаглавлен следующим образом: *Без труда не вытащишь и чудо из пруда*; а итальянский художественный фильм с элементами эротики (режиссер Франко Мартинелли), посвященный сомнительным способам расследования частного детектива и его помощника, называется *Без греха не вытащишь и рыбку из пруда*. Подробные лексические замены создают эффект «раздвоения» внутренней формы, поскольку в высказываниях сохраняется исходная мотивация наряду с переосмыслением образной основы текста поговорки с учетом нового компонента. Если в первом случае замена лексического

компонента *рыбка* на компонент *чудо* существенно не влияет на обобщенное значение пословицы (компонент *рыбка* характеризуется сниженной денотативной референцией, что и способствует обобщению значения и стереотипизации образа), то во втором случае замене подвергается концептуально значимый компонент пословицы, что и ведет к перестройке когнитивной структуры высказывания. В центре когнитивной основы паремии оказывается концепт «Грех», а прагматическое прочтение значения выглядит как утверждение о том, что «Усилия по достижению результата могут быть и не праведны, главное – цель».

Следует отметить, что характер изменений, привносимых в смысловой план пословицы условиями конкретного дискурса зависит и от характера самого дискурса. Так, пословица *В чужом глазу сучок видим, а в своем <и> бревна не замечаем* в процессе прецедентного использования, как правило, сохраняет этимологический компонент значения. Библейское происхождение и тесная связь с религиозным дискурсом обуславливают ей применение прежде всего в ситуациях общения, связанных с обсуждением этических и духовно-нравственных проблем. Так, на сайте «Православие.ру» приводится беседа со старшим духовником Московской епархии, настоятелем Покровского храма в подмосковном селе Акулово, протоиереем Валерианом Кречетовым, в которой священнослужитель поясняет смысл исповеди. Отвечая на один из вопросов журналиста, он вспоминает библейский афоризм из евангелия от Матфея, который и стал основой для пословицы *В чужом глазу сучок видим, а в своем <и> бревна не замечаем*, и высказывает следующую мысль: «Когда мы видим в человеке недостаток, тот факт, что мы этот недостаток замечаем, значит, что этот грех есть и в нас. Вы помните про сучок в чужом глазу и бревно в своем? Что это такое, этот сучок? Сучок растет на бревне, а бревно – это страсть. Сучок – это грех, то есть конкретное проявление страсти. Но если вы не знаете, что это за дерево, что это за бревно, то вы никогда и не догадаетесь, что это именно за сучок! Как теперь принято говорить: каждый понимает в меру своей испорченности. Так вот мы именно тот грех замечаем в другом человеке, ту страсть понимаем, что есть и в нас самих». Таким образом, в контексте данной беседы, во-первых, актуализируется тот уровень значения пословицы (сакральный), который связан с ее этимоном, и, соответственно, реализуется прагматический смысл «Наши грехи могут быть больше чужих, так негоже обращать на них внимания больше, чем на свои». Во-вторых, высказанная священником мысль акцентирует внимание на том, что у других людей мы видим лишь грехи как следствие, а у себя не замечаем причины – самой порочной страсти, – соответственно, для осознания грехов нужно понимать, следствием какого порока они являются. Но следует признать, что подобное прочтение смысла, выраженного в пословице, довольно спорно для рядового носителя языка – с одной стороны, священнослужитель ссылается не на пословицу, а на евангелистский сюжет, с другой стороны, большинству читателей данные образы сучка и бревна из-

вестны именно благодаря пословице, воспринимаемой в качестве проводника народной мудрости.

Еще одним примером прецедентного использования данной пословицы в рамках религиозно-социального дискурса является обращение к теме евангелистского сюжета известного Интернет-автора Якова Крота: *«Всякое осуждение человека исходит не из ненависти к человеку, а прежде всего из нелюбви к Богу. Дерево жизни засохло, осталось бревно. Между прочим, сучка в своём глазу может и не быть. Бревно всё вытесняет. А ещё между прочим: вовсе не обязательно сук в чужом глазу – от того же бревна, которое у меня. Деревьев много. Человек может грешить или ошибаться вовсе не от недостатка любви к Богу, а по дурному воспитанию, по лени, от уныния и т.п.»* Данный автор, как и предыдущий, интерпретирует образ сучка как проявление отдельного греха, причем, настаивает на той мысли, что грехи у каждого свои. Следовательно, видеть чужие грехи и вовсе нет смысла, хотя бы потому, что мы не знаем их причин. В завершение рассуждений в данном эссе приводятся следующие строки: *«У миллиардиста в глазу кий, у деспота в глазу вертикаль власти, у художника в глазу кисть, у слепого глаз в кисти, у Буратино в глазу сучок, у стукача в глазу барабанные палочки, у палача в глазу топор, у дровосека щепки убитых деревьев»*. Таким образом, вынесенная в качестве заголовка пословица репрезентирует суждение, являющееся, по сути, дальнейшим логическим шагом от ее этимона: *«Каждому свои грехи, потому и видеть каждому только свои»*.

Использование данной пословицы в публицистическом дискурсе в ходе обсуждения социально значимых тем актуализирует не сакральные, а сугубо прагматические смыслы. Например, в комментариях к вывешенным на одном из форумов фотографиям замусоренных улиц города читаем следующее: *«В чужом глазу сучок видим, а в своем и бревна не замечаем», – гласит народная мудрость. И это, как говорится, не в бровь, а в глаз! Любим мы поворчать по поводу наших коммунальных и жилищных служб: мол, и лестницы не убирают, дворы плохо подметаются... Спору нет – все так. Но только сами-то мы каковы? Не мы ли создаем вокруг себя мерзость запустения? Посмотрите на стены домов, полюбуйте павильонами на автобусных остановках: это ведь наши “художества”! А чего, казалось бы, проще: приди в редакцию “Царкосельской газеты”, дай объявление на любую тему, причем бесплатно. Мы пошли здесь навстречу горожанам, чтобы таким образом помочь нашему городу избавиться от наляпанных повсюду объявлений, стать чище и уютнее. Ведь тогда жить в нем нам всем будет приятнее»*. В данном тексте актуализируется концептуальная антитеза «Свое – Чужое» и, соответственно, прагматический смысл высказывания прочитывается в условиях доминирования данного концепта в когнитивной структуре пословицы как рекомендация *«не искать чужой вины и помнить о своей ответственности»*.

Современный философский дискурс также активно использует прецедентные тексты, причем не столько в качестве аргумента, сколько в качестве исходной базы для философских построений. Пример тому находим на попу-

лярном Интернет-форуме «Философия и психология», на страницах которого в обсуждении проблемы восприятия чужой греховности возникает мысль о том, что часто мы считаем греховным то, что нам несвойственно, и, осуждая других, оправдываем себя в глазах окружающих – мол, мне этот грех не свойственен, так как я его осуждаю. В ходе обсуждения рождается фраза: «*Почему людям больше нравится ругать, чем хвалить? Чтобы заговорить зубы и не дать обратить внимание на собственное бревно...*». В данном случае мы наблюдаем прецедентное использование не текста пословицы, а образа бревна, известного благодаря пословице, – по сути, это образная ссылка на прецедентный текст, цель которой «намекнуть» на суть проблемы и продемонстрировать осведомленность автора речи в области прецедентных текстов культуры.

Также интересно используется пословица *В чужом глазу сучок видим, а в своем <и> бревна не замечаем* в контексте рецензии на фильм «Настройщик». Анализируя образы героев фильма автор рецензии пишет: «*этот фильм адресован идеалистам, которые смотрят на мир сквозь розовые очки... Да, конечно, мир полон аферистов, но со мной этого никогда не случится, просто потому, что я никому не доверяю. Сюда хорошо подходит поговорка «В чужом глазу сучок видим, а в своем бревна не замечаем».* Героиня фильма учит других остерегаться мошенников, но сам попадаетея на удочку афериста и, в конечном итоге, оправдывает его, обвиняя лишь себя саму в глупости. Таким образом, текст пословицы соотносится с ситуацией, отраженной в фильме дважды: во-первых, обвиняя другого человека в излишней доверчивости, героиня не замечает такой же доверчивости в себе. При этом прагматический смысл высказывания читается как предупреждение: «Необходимо сначала поискать в себе те черты, которые мы пытаемся искоренить в других». Во-вторых, значение пословицы переосмысливается по принципу «от обратного»: героиня оправдывает человека в настоящем грехе (бревне), а себя винит за мнимый – слабость (сучок) – отсюда рождается новый смысл, обусловленный уже не самим прецедентным текстом, а его сюжетно-контекстуальным окружением: «Умей различать истинные грехи и отделять их от мнимых». Подобное «прорастание» прагматического смысла пословицы в «ткань» дискурса – высшее свидетельство актуальности ее значения и стоящей за ней закономерности.

Следует отметить, что пословицы, подобные рассмотренной, относящиеся к афоризмам с книжной этимологией и глубокой философской основой, могут использоваться и в обыденном дискурсе, что свидетельствует об их истинно народной сущности и способности соединять высокое с низким и исключительное с обыденным. Как писал известный собиратель и исследователь русских пословиц И. М. Снегирев, пословицы «восходя от чувственного к нравственному, духовному от простого, от обиходного к высшему..., могут быть принимаемы то в тесном, то в обширном смысле» [Снегирев 1995: с. XVI]. Так, в Интернет-переписке администраторов и недовольных клиентов фирмы обнаружено следующее высказывание в адрес клиентов, которые в агрессивных высказываниях требуют у фирмы вернуть деньги: «*Слушайте, комментато-*

ры, ведите себя прилично и достойно, если вы хотите деньги!!! У нас есть трудности, как и у всех вас! Посмотрите на себя! В чужом глазу сучок видите, а в своем бревна не замечаете! Пока не вытрите эти ваши послания, денег не будет!!!!». В приведенном контексте внутренняя форма абстрагируется от этимона, образы сучка и бревна теряют свое символическое прочтение, а на первый план выходит семантика «своего – чужого». Значимы для выражения смысла паремии и агрессивный тон высказывания, и призыв «*посмотреть на себя*», и косвенное обвинение в недостойном поведении: «*ведите себя прилично и достойно*». Таким образом выражается следующий прагматический смысл: «Нужно понимать чужие трудности, так как они могут быть и у вас, иначе сами будете виноваты в своих убытках». Смысл, вне сомнения, слабо мотивированный и изначально противоречивый, но именно этот пример показывает, каким образом можно манипулировать общественным мнением и создавать ложную аргументацию в споре, прибегая к прецедентным текстам.

Таким образом, у пословицы как прецедентного текста, как правило, достаточно семантического потенциала для включения в самые различные дискурсы. Универсальность пословицы как источника цитирования и разного рода аллюзий, особенно часто встречающихся в современной публицистике, в последние годы сделали их неисчерпаемым источником языковой игры. Усиление тенденции использования трансформированных пословиц в речи – следствие своеобразной языковой игры, «очищающего катарсиса, карнавальная речевой маски уставшего от повседневной жизни Человека» [Бутько 2008: 197]. При этом, активно изучая способы и разновидности трансформаций пословиц, можно выпустить из вида менее очевидные, но оттого и более сложные процессы сдвига в семантике этих сложных знаков языка и культуры. Действительно, пословицы живут долгие века, приспособляются к синтаксическим и орфографическим новациям, допускают широкое варьирование структуры и компонентного состава, позволяют своей семантике приспособляться к требованиям различных дискурсов, служат источником прецедента и сами основываются на факте прецедента, так как являются изначально вторичными единицами языка – знаками отражения стереотипных ситуаций.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- БУТЬКО, Ю. В. (2008): Структурно-семантические трансформации в паремиях In: *Фразеологизм и слово в национально-культурном дискурсе (лингвистический и лингвометодический аспекты): Международная научно-практическая конференция, посвященная юбилею д.ф.н., проф. Мелерович. М.: ООО «Издательство “Элпис”».*
- СНЕГИРЕВ, И. М. (1995): Предисловие // *Русские народные пословицы и притчи.* М.: Русская книга.

ГАЛИНА МИРОСЛАВОВНА СЮТА

Украина, Киев

ЯЗЫКОТВОРЧЕСТВО НЬЮ-ЙОРКСКОЙ ГРУППЫ КАК ФРАГМЕНТ УКРАИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

АБСТРАКТ:

It was found that poetry of the New York group is the organic component of all-Ukrainian literary and creative process. Elucidated the parameters of its scientific studying as a form of being Ukrainian poetic speech outside of the language-and-cultural space of ethnic Ukraine. Among differential features are named: national content, modern shape, stylistic transformations of the traditional verbal material, intellectualism, the dominant of abstract figurative thinking, openness to the world's modernist stylistic tendencies.

It is proved that language creation of the New York group is a fact of history of the Ukrainian language, a fragment of national poetic discourse.

KEY WORDS:

National poetic discourse — poetry of the Ukrainian diaspora — poetic language of the New York group — language and poetic consciousness — speech creating.

Известно, что язык художественной литературы хоть и не отождествляется с литературным языком, однако активно влияет на становление последнего, а поэтическая норма, соответственно, сказывается на формировании нормы литературной. Этот тезис – заглавный в концепции определения уровня развития литературного языка, в частности, через наличие тематически и стилистически разнообразных текстов: «на всех временных срезах литературного языка художественные тексты признаются важнейшим критерием становления литературной нормы» [Ермоленко 2007: 3]. Кроме того, изучение лингвистических параметров конкретных текстов, интерпретированных в контексте социально-культурных факторов, дает возможность: а) понять временно-пространственный срез рассматриваемого индивидуального творчества; б) рассмотреть языковую личность писателя как носителя языка и культуры; в) установить связь языка писателя и национального языка в синхронно-диахронном аспекте; г) оценить значение языкотворческой практики писателя (литературной группы, течения и т. д.) для развития литератур-

ного языка; д) определить параметры идиостиля на фоне художественной или стилевой нормы.

Сегодня наследие авторов Нью-Йоркской группы (далее – НЙГ) признано неотъемлемой частью национальной словесности. Их творчество все чаще становится объектом научного рассмотрения как отражение духовной культуры украинского зарубежья, как форма выражения бытия украинской поэтической речи в иноязычной среде. Определения «чужая языковая среда» в данном случае избегаем сознательно, поскольку личностно-креативное становление большинства ньюйоркцев происходило за пределами Украины, вне естественного языкового и ментально-культурного пространства. Это подчеркивал, например, Б. Рубчак: «Украинскую культуру я выучил уже в Америке (даже, кстати, литературный язык) [...] Я приехал сюда в 14 лет и немедленно врос в американское общество [...]. Необходимо просто понять, что большинство диаспорников моего поколения – Янусы с двумя лицами. А это значит, что мы совершенно разные среди американцев неукраинского происхождения и в среде украинцев. И даже принимаем разные шкалы ценностей, в частности в вопросах культуры, искусства [...] И трудно сказать, что нам роднее» [Рубчак 2001: 183].

Ситуацию относительно младшего поколения НЙГ, родившегося в диаспоре, убедительно охарактеризовал Р. Бабовал: «Украина конкретно для меня никогда, условно говоря, «не существовала», разве что в воображении, как некая далекая, вожделенная страна, сказка, которую я самовыстроил из услышанного от родственников, из прочитанного, из представлений [...]. Украины я никогда не видел (всего восемь суток за всю жизнь), не провел на той земле своего детства, не выгнали меня оттуда на чужбину и т. д. Нет у меня даже той минимальной Рубчаковой «крупички, которую не удержать». Поэтому она на весах моей эмоциональной перцепции важна настолько, насколько важны «обещанная земля», [...], «потерянный рай» [Бабовал 1998: 122].

Морально-психологическое состояние поэта-эмигранта Джойс называл духовной эмиграцией. У большинства диаспорных авторов (особенно писателей Пражской школы) это состояние находило выражение в чувстве утраченной Родины и почти травматической тоске по ней: «Кто пережил страшную операцию разрыва с живым телом Родины, кто испытывал жгучую нехватку Родины, как вечно воспаленную рану, кто задыхался в чужом воздухе, под чужим небом [...], тот поймет психологическое состояние эмигранта» [Маланюк 1962: 25].

В отличие от писателей Пражской школы, а также многих западнодиаспорных авторов старшего поколения (Яр Славутич, Л. Полтава, Л. Храплива, О. Тарнавский, И. Качуровский и др.), психологический комплекс «утраченной родины» не стал креативным побуждением для поэтов НЙГ. Они позиционировали себя как новое поколение писателей, сознание которых уже освободилось от страха «изменить дедовским и отцовским заветам», но «оказалось перед смертельной опасностью потерять духовный контакт с современной духовностью западного мира» [Луцький 2002: 69]. В этом мире с его

ассимиляционными процессами они пытались сохранить свою личностно-креативную и национальную самодостаточность, перевести поэтический диалог из бинармы мировоззренческих координат «я – Украина» в триаду «я – Украина – мир». Так родилось их творчество – оригинальное, национальное по содержанию и модерное по форме, интеллектуальное, «с характерной для современной американской поэзии доминантой абстрактного образного мышления» [Жулинський 1991: 9].

Сохранив основной национально-идентификационный признак – *язык* – и радикально изменив мировоззренческие стереотипы и каноны образности и текстопорождения, поэты НЙГ «растянули территорию родины, как резину, до Эдмонтона и Сиднея» [Рубчак 1996: 95]. Они утверждали статус украинской литературы как национально специфической и в то же время динамично обновляемой в русле западных тенденций. И в этом смысле «это уже не поэты-эмигранты, а скорее украинские поэты, живущие за пределами Украины» [Фізер 1969: XXIV] и вписывающие украинскую словесность в вертикально-временной и пространственно-горизонтальный мировой литературно-культурный контекст.

Декларируя отказ от традиции и апробированных литературных форм, поэты НЙГ все же используют общеязыковой словарный фонд, на основе которого формируют собственный идиопоэтический словарь. Его полифонизм обеспечен видоизменениями и традиционностью, переплетением народнопоэтических, народноразговорных, книжных, литературных и др. источников. Разное восприятие, неодинаковая стилистическая трансформация языкового материала в индивидуальных авторских системах (например, В. Вовк осталась приверженной традиционализму, Э. Андиевская, Ю. Тарнавский – модернисты) способствовали семантической деривации, функциональному разнообразию традиционного языково-культурного материала. Поэтому естественно, что тексты ньюйоркцев отражают не только глубину народной словесной памяти, но и индивидуальные рефлексии над словом.

Первые отзывы об эстетической и литературной ценности творчества НЙГ были высказаны в диаспоре. С конца 1950-х в журнале «Сучасність» и других печатных изданиях систематически стали появляться статьи, посвященные эстетическим принципам и креативным установкам нового литературного объединения. Они утвердили и популяризировали тезис о том, что группа была создана главным образом на основе принадлежности авторов к единой украинской этнокультуре, а также на почве определенного интеллектуально-созвучия, ориентирования на европейский модернизм, отказа от политической заангажированности искусства, свободы творческого поиска. Собственно, как отмечает один из инициаторов и активных участников НЙГ Богдан Бойчук, «не была она организацией, поскольку не имела организационных структур. Мы не имели провода или управы, не имели устава [...], не имели четкой единой программы. Однако, парадоксально, имели членов [...] и общие модернистские установки» [Бойчук 2003 : 41]. По утверждению М. Ревакович, учредители руководствовались и таким соображением: «чтобы иметь какое-либо

влияние надо иметь силу, чтобы иметь силу, нужно соединить голоса и выступить в качестве группы» [Ревакович 2009].

Примечательно, что Ю. Шерех свое мнение о стилевых системах, образности, принципах версификации НЙГ высказал довольно поздно и в общем неодобрительно, не признав ее современного характера и эстетической ценности: «Шерех пытался подорвать заявления группы, что они настоящие репрезентанты самого современного течения в украинской литературе. [...] он делает следующие выводы: принципиальной разницы между поэзией, которая у нас считается современной, которая у нас называется нью-йоркской группой поэтов, [...] и той поэзией, которую называем романтической, собственно говоря, нет или она очень незначительна. Новая поэзия отличается только усилением второго, нереального, метафорического, символического, исключительно образного плана. Увеличилась роль недоговоренности. Но общий подход похожий или такой же» [Там же].

В Украине поэтическое творчество авторов НЙГ объектом анализа стало после того, как произошло «его качественное вживание в активное художественное сознание» [Моренец 2007: 44]. Пионерами в этой области стали литературоведы – Н. Жулинский, Н. Рябчук, А. Астафьев, Т. Гундорова, В. Моренец, В. Дончик, Н. Ильницький, П. Сорока и др. Главные вопросы, рассматриваемые в их работах, дифференцируются по нескольким направлениям:

- исследование эволюции стилевых и идиостилевых систем;
- констатация доминантных тем, мотивов и образов;
- выяснение уровня «вписанности» произведений авторов НЙГ в контекст национальной литературы, попытка определить типологические параллели, аналоги, корреляты в материковой поэзии, увидеть признаки наследственности, творческого диалога и т. д.

В частности, обобщая наблюдения относительно развития стилевых систем НЙГ с точки зрения скореллированности, взаимодействия традиции и новаторства, Н. Жулинский утверждает: «Творчество поэтов Нью-Йоркской группы выросло на почве традиций двух украинских культур – материковой и диаспорной, но имело одну очень важную особенность – впитало в себя и творчески обработало динамично обновляемую традицию новой – XX века – западной поэзии и прежде всего американской» [Жулинський 1991: 10].

Исследования тем, мотивов и образов, стилистических приемов, характерных для поэзии НЙГ в целом и творчества отдельных ее представителей, позволяют выделить, осмыслить дискурс ньюйоркцев и на широком фоне национальной литературы, и на более узком – украинской нематериковой литературы. По мнению В. Моренца, факт радикального отличия этого творчества от материковой поэзии второй половины XX в. – неопровержимый. И эта «дискурсивная разница связана не столько с мировоззренческими либо идеологическими позициями и представлениями тех или иных художников [...], сколько с самим генезисом украинского художественного слова: со сложной,

острой и до сих пор чрезвычайно актуальной проблематикой его традиции и новаторства» [Моренец 2007: 51].

Соблюдение или несоблюдение традиции в идиопоезике НЙГ, нахождение их типологических соответствий в материковой словесности – проблема многоплановая. Ведь несмотря на то, что сами авторы категорически отказываются от практики наследования поэтических канонов, в материковых исследователей (и языковедов, и литературоведов) украинская генетика их языково-поэтического сознания не вызывает сомнений: «их лирика глубинными миллионными связями тесно связана с украинской духовной традицией, в ней удивительно материализуется архетипный материал коллективной духовности нашей нации» [Астаф'єв 1995: 12].

В научной парадигме современного украинского языкознания тексты НЙГ, к сожалению, репрезентированы и осмыслены менее активно. Сегодня целый ряд проблем, связанных с их лингвистической интерпретацией, с выяснением интра- и экстралингвальных, социополитических, социокультурных факторов развития и функционирования, пока не изучены, а значит, до сих пор остаются актуальными. Концептуальная задача соответствующего системного исследования – показать, чем примечательна идиопоетика ньюйоркцев на фоне временных и пространственных срезов украинской поэтической речи, доказать, что языкотворчество НЙГ стало фактом истории украинского языка, продуктом ее развития и источником обновления одновременно, частью национальной словесной культуры, в которой засвидетельствована связь языка с интеллектуальными достижениями нации, создана основа «для моделирования языковой художественной картины мира, которая, видоизменяясь в соответствии с временными измерениями литературно-письменной практики, демонстрирует самые выразительные признаки национального речемышления» [Єрмоленко 2009: 4].

На современном этапе изучения творчества НЙГ объектом лингвопоэтического рассмотрения чаще всего определяются разноуровневые средства идиопоетики: фоносемантические механизмы, ключевые образы как экспликативные индивидуального речемышления, семантико-стилистическая динамика лексики, отдельные грамматические стилообразующие параметры (В. Русановский, М. Коцюбинская, А. Мойсиенко, Н. Гуйванюк, Г. Сюта, Е. Бирюкова). Индивидуальные стили как целостные языковые портреты проанализированы только фрагментарно и пока не дают возможности определить место того или иного писателя как языковой личности в истории литературного языка.

Показательно, что для многих лингвистических исследований характерно стремление провести параллели, установить типологические соответствия между творчеством того или иного автора НЙГ и украинских поэтов-шестидесятников. И хотя сами ньюйоркцы всякий раз подчеркивают свое хронологическое старшинство, креативное первенство, а также нетождественность своих образно-эстетических систем с идиопоестикой материковых шестидесятников, некорректно отрицать, что между ними была постоянная творческая связь. По мнению академика В. Русановского, эта связь «особенно замет-

на в использовании паронимов, а также в обращении к фольклорным символам» [Русанівський 2000: 374]. Среди наиболее выразительных типологических корреляций показательны также рефлексии над семантикой конкретного слова, расширение ассоциативного словаря украинского языка. Ценность таких наблюдений в том, что они убедительно иллюстрируют вневременные и внепространственные параметры функционирования поэтического слова как константы украинского речемышления, языково-эстетического знака, обеспечивающего непрерывность словесной традиции и целостность национального поэтического дискурса в его историческом и культурном развитии.

Диапазон семантико-эстетической трансформации слова в языкотворчестве НИГ чрезвычайно широк. Каждый лингвостилистический срез его исследования позволяет определить нетрадиционные аспекты смыслопорождения, новые пути развития и обогащения словаря. В комплексе они: а) свидетельствуют о таком уровне украинского литературного языка, в котором органически синтезированы интеллектуализм и национальное мироощущение; б) показывают изменчивость языковой картины мира в соответствии с временными и пространственными измерениями литературно-письменной практики.

Феномен поэтического языка авторов Нью-Йоркской группы как *качественно новой формы современного украинского языкового творчества* сегодня, уже с расстояния определенного хронологически-мировоззренческого и языково-эстетического ее осмысления, воспринимается как результат взаимодействия двух факторов: общезыкового словаря украинской традиционной культуры и творческого синтеза в авторском речемышлении. Именно благодаря этому общекультурный фонд образов, поэтических тем и высказываний приобрел новые смысловые измерения, слова – новую валентность, открылись новые перспективы звуко-смыслового и лексико-семантического развития текста. На этом основании констатируем существование отдельной разновидности поэтического дискурса в истории украинской поэтической речи, нового типа поэтического и культурного сознания.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- АСТАФ'ЄВ, О. (1995): *Поети Нью-Йоркської групи*. Ніжин.
- БОЙЧУК, Б. (2003): *Спомини в біографії*. Київ.
- ЕРМОЛЕНКО, С. (2007): Мовно-естетичні знаки культури в історії української мови. In: *Мовознавство*, №4–5, с. 3–12.
- ЕРМОЛЕНКО, С. (2009): *Мовно-естетичні знаки української культури*. Київ.
- ЖУЛИНСЬКИЙ, М. (1991): І в серце врізалося слово. In: *Богдан Бойчук. Третя осінь: Поезії*. Київ, с. 5–16.
- ЛУЦЬКИЙ, Ю. (2002): *З двох світів: Публіцистика. Естетика. Історіософія*. Київ.
- МАЛАНЮК, Є. (1962): *Книга спостережень*. Кн.1. Торонто.
- МОРЕНЕЦЬ, В. (2007): Нью-Йоркська група: інтродукція до нових полемік на давні теми (уризок з авторської монографії). In: *Магістеріум*. Вип. 19: Літературознавчі студії. с. 43–53.
- РЕВАКОВИЧ, М. (2009): «Непоетичні дискурси Нью-Йоркської групи»: Доповідь в НТШ. Нью-Йорк.
- РУБЧАК, Б. (2001): XXI століття прийшло разом із постмодерністами, або Про літературу, право вибору, дух імпровізації, міт України і не тільки про це. In: *Тарнашинська Л. Закон піраміди*. Київ, с. 182–191.
- РУБЧАК, Б. (1996): Кам'яні баби чи Світовид? In: *Світо-вид*. №II(23), с. 95.
- РУСАНІВСЬКИЙ, В. (2000): *Історія української літературної мови*. Київ.
- СОРОКА, П. (1998): *Роман Бабовал, або однокрилий янгол*. Тернопіль.
- ФІЗЕР, І. (1969): Вступна стаття. In *Координати. Антологія сучасної української поезії на Заході*. — Сучасність.

ВОЙЦЕХ ХЛЕБДА

Польша, Ополе

МЕТАОПЕРАТОРЫ В ФУНКЦИИ ПОИСКОВОЙ СИСТЕМЫ В ОБРАБОТКЕ РЕСУРСОВ РУНЕТА ДЛЯ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ

АБСТРАКТ:

Creating dictionaries of new Russian phraseology requires setting up methods of efficient search of multiword units of language. The author proposes browsing the Internet resources using characteristic ‘filtres’, to which temporal metaoperators, e.g. *how you say it today*, *how you describe it today*, etc. could be included. Textual formulae of this sort are multifunctional, the author shows therefore, when they perform metalanguage functions. A list of 105 new phraseologisms of the Russian language selected according to this method, have been included at the end of the article.

KEY WORDS:

Metaoperators – multiword units – neophrasems – browsing the Internet – dictionaries.

Динамическое развитие славянских языков особенно последних 20–25-и лет, т.е. в период коренных преобразований в жизни как отдельных народов и обществ, так и европейского континента в целом, ставит новые задачи как перед лингвистами отдельных стран, так и перед творческими лингвистическими коллективами межнационального характера. Примером такого коллективного труда 45 языковедов из 11 стран может послужить том «Фразеология», 3-ий в опольской серии «Компарация систем и функционирования современных славянских языков», целью которого было проследить доминантные тенденции в развитии фразеологических систем наших языков, происходящие в них инновационные процессы, фразеологическую неологику в точном смысле слова, отражающую то новое, которое было создано большой и малой, повседневной историей последней четверти века [Mokijenko, Walter, eds., 2008]. В нашем коммуникативном пространстве каждый день появляются массы текстов, содержащих многолексемные и устойчивые для данного места и времени названия новых объектов и явлений из всевозможных областей нашей жизни.

Фразеологическая неологика может, однако, пониматься и в духе известного речения, что новое – это хорошо забытое старое. В ресурсах языка скрыто огромное количество таких многолексемных устойчивых и воспроизводимых названий, которыми мы пользуемся десятилетиями и к которым мы так привыкли, что перестали их замечать, которые, однако, до сих пор не были зафиксированы словарями. Их извлечение из недр языка и словарная кодификация делает их тоже неологизмами. Можно их назвать «относительными» или «вторичными», но тем не менее они неологичны в смысле первого вынесения на страницы словарей.

Деление фразеологических неологизмов на «первичные» и «вторичные» возможно; в Польше быстрыми темпами развивается даже особое лингвистическое направление, позволяющее при помощи сложной компьютерной технологии и так наз. фотодокументации устанавливать точную датировку первого печатного употребления данного словосочетания, что именуется лингвохронологизацией [Wierchoń 2008]. Как ни интересны и важны эти попытки, еще важнее выделение из текстов многолексемных единиц языка вообще, независимо от момента их возникновения и возраста. Эту задачу как важнейшую в лингвистике поставил перед нами Анджей Богуславский, делая упор именно на единицах многолексемных [Bogusławski 1976, 1989]. Однолексемные, т.е. слова, выделяются ведь в абсолютном большинстве случаев сами, а их границы легко определяются при помощи зрения. Определить, однако, где в некоторой последовательности слов начало, а где конец сверхлексемной единицы языка – дело непростое и требующее иногда сложной формальной и семантической проверки. Основная цель этих усилий – поставить по одну сторону те сверхлексемные образования, которые носят устойчивый номинативный характер и воспроизводятся в качестве номинативных единиц, по другую сторону – сверхлексемные образования, которые являются эффектом продукции, т.е. сложения единиц языка – как однолексемных, так и многолексемных (в другой терминологии это задача отделить языковые репродукты от продуктов)¹. Конечная цель этого труда – определить реальные границы системы языка, ее объем и состав. Вопреки распространенному мнению, в ресурсах языка преобладают не слова, а именно сверхсловные репродукты: по мнению Богуславского, слов в языке (однолексемных единиц языка) – несколько сот тысяч, единиц сверхлексемных – миллионы [Bogusławski 1989: 19].

Выдвинутая Богуславским гипотеза и поставленные им задачи (к которым, нельзя скрывать, часть языковедов относится весьма осторожно) требуют раз-

¹ В польской лингвистике сверхлексемные единицы языка носят весьма разные определения (*frazeologizm*, *frazem*, *kolokacja*, *wielowyrzowa jednostka języka*, *wielowyrzowiec odtwarzalny*, *nieciągła jednostka leksykalna*), что связано, естественно, и с различиями в понимании их природы и сути. История этой терминологической микросистемы описывается мной в двух статьях: [Chlebda 2009: 11–26; Хлебда 2007] ; см. также [Kosek 2008: 13–37]. Чтобы не ввязываться в терминологические споры, с 2005 г. я стал пользоваться термином «многолексемный репродукт» – нейтральным, не отягощенным традицией и прямо указывающим на важнейший признак таких единиц: воспроизводимость (воспроизводимость); см. [Chlebda 2005: 160–163; Chlebda 2009: 24–26]. Техника выделения многолексемных репродуктов (мануальным и компьютерным) посвящен специальный сборник [Chlebda, ed., 2010].

работки специальных методов и техник анализа. В Польше образовались три центра, которые на этой задаче специализируются: варшавский, познанский и опольский. Представители варшавского центра сосредоточиваются, скорее всего, на семантической верификации многолексемных единиц языка и разработке предельно точного метаязыка их словарного описания, скрывая самое технику их выделения [Bogusławski, Danielewiczowa 2005]. Профессор Познанского университета Петр Вежхонь извлекает многолексемные единицы языка при помощи компьютерной обработки больших текстовых массивов объемом примерно в 100 тысяч газетных страниц. Сводя сложнейшую технологию познанского исследователя к самому простому объяснению, можем сказать, что на входе компьютерной программы устанавливаются так наз. «фильтры регулярных выражений», некоторое селективное устройство, выделяющее в сотнях (и даже тысячах) текстов регулярные, повторяющиеся цепочки слов. Селекторами могут быть графические знаки (кавычки, многоточие, запятая ...), а также метаоператоры типа *как говорят, как говорится, так называемый* и им подобные. Каждый из таких «фильтров» способен выделить – в зависимости от объема заданного текстового образца – серии по несколько тысяч многолексемных образований для дальнейшей – что следует подчеркнуть – обработки и проверки (в чем помогает показатель частотности каждого образования в данном образце; см. [Wierzchoń 2002, 2006]). В неопубликованном материале Вежхонь, пропустив сквозь графические фильтры русские диалоги двух тысяч фильмов, получил для точки, многоточия, вопросительного и восклицательного знаков список около трех тысяч минимальных готовых фраз русского языка (типа: *Мне пора., Не волнуйся об этом., Теперь твоя очередь., Это уж точно., Сейчас вернусь., Нам нужно поговорить., Простите за беспокойство., Где это мы?, Не правда ли?, Прямо сейчас?, Что смешного?, Что-нибудь еще?, Как самочувствие?, Какие-то проблемы?, Мы знакомы?, Ты что, издеваешься?, Что ты наделал!*), которые, выстроенные в алфавитном порядке, образуют базу для дальнейшей обработки (в том числе и лексикографической)². Кавычкам как «фильтру регулярных выражений» Вежхонь посвятил отдельную книгу [Wierzchoń 2003].

Кавычками и метаоператорами в функции выделителей фразем, или многолексемных репродуктов, я предложил воспользоваться в самом начале 90-х годов, когда компьютерная обработка больших текстовых массивов в языкознании еще не применялась [Chlebda 1991: 151–152]. Оставив в этой статье выделительную функцию кавычек в стороне, остановлюсь на метаоператорах, более подробно описанных мной в отдельной работе [Хлебда 2000]. Следующий ниже анализ характерен для опольского центра поисков сверхлексемных единиц языка.

Под словом «метаоператор» понимаются устойчивые выражения типа *как говорят, как говорится, так называемый, как это принято называть, по*

² Стоит, кстати, напомнить, что 40 лет тому назад аналогичный корпус готовых фраз английского языка составили – однако при помощи трудоемкой ручной выборки (из текстов английских театральных пьес) – Л. А. Леонова и Э. П. Шубин [1970]; см. также [Szubin 1974: 92–93].

нынешнему определению, как это называет молодежь и им подобные (их список далеко не исчерпан, и его стоит составить), которые сопутствуют в текстах словам и выражениям с повышенной номинативной частотностью, ср.:

«Вероятно, вот эти дружественные попойки и переродились в конечном итоге в **то, что сегодня называют корпоративными вечеринками.**» (из Интернета)

то, что сегодня называют – оператор
корпоративная вечеринка – оперант

Информация, несомая вышеприведенным предложением, читается следующим образом: ‘многие и часто для названия данного явления прибегают сегодня к словосочетанию *корпоративная вечеринка*’. Если «многие и часто», то оператор говорит, по сути дела, о системно-языковом статусе операнта *корпоративная вечеринка*, поэтому слова *то, что сегодня называют* мы вправе отнести к операторам метаязыкового характера, а выделенный оперант *корпоративная вечеринка* – к сегодняшним ресурсам русского языка как одну из его многолексемных единиц (сверхлексемных репродуктов).

Метаязыковые операторы делятся мной на безотносительные и относительные. Безотносительные не относят данного словосочетания ни к месту, ни ко времени, ни к каким бы то ни было другим обстоятельствам: операторы *как говорят, как говорится, так называемый, как это принято называть* информируют только: многие часто говорят именно так, многие данные слова часто повторяют (следовательно, воспроизводят). Операторы относительные сочетают данное выражение с каким-то местом (страной, регионом, кварталом, местом работы), с каким-то временем (эпохой, периодом, промежутком времени, с настоящим или прошедшим), с таким или иным ракурсом: *как говорят в России, как это называют поляки, по любимому выражению журналистов, говоря словами наших политиков, как это называлось раньше, как говаривали наши предки* и т. д. Все такие операторы – сигналы ограниченной повторяемости соответствующих выражений, повторяемости, ограниченной по времени, по месту, по обстоятельствам. Тем не менее, по отношению к данному времени, данному месту и к данным обстоятельствам выделяемые выражения воспроизводимы. Поэтому для поиска типичных средств выражения (а репродукты и есть «типичные средства выражения»), такие метаоператоры представляют несомненный интерес. А если мы следим за динамикой развития языка, за языковыми новинками, инновациями, логично, что нас в первую очередь должно заинтересовать все то, что из современных текстов выделяют временные операторы типа *как сегодня говорят, как принято сегодня говорить* и т. п.

Еще в 90-е годы такие операторы с относящимися к ним оперантами собирались мной из газет и журналов вручную, что требует больших затрат времени. Во времена современных технологий, автоматической обработки больших масс текстов, в поиске нового языкового материала для лексикографической обработки в учебных целях я решил посмотреть, что относительные (вре-

менные) операторы выделяют из больших собраний текстов, т. е. открытых и закрытых корпусов. Я обратился к газетной части Национального Корпуса Русского Языка (закрытый корпус) и к открытому пространству Рунета, обыскиваемому двумя браузерами: Google.ru и Yandex.ru. Предварительный просмотр сайтов производился для четырех временных операторов с их вариантами (выделенных ниже жирным шрифтом), а также для операторов места (*как говорят в России, как говорят у нас*). Попытка сочетать операторы места и времени (*как говорят сегодня в России, как говорят сегодня у нас*) дала нулевые результаты. Другие результаты приводятся в таблице:

Метаоператор	Google.ru	Yandex.ru	НКРЯ
<i>как это сегодня в России называют</i>	0	0	0
<i>как это сегодня в России называется</i>	0	0	0
<i>как это сегодня у нас называют</i>	0	0	0
<i>как это сегодня у нас называется</i>	0	0	0
как сегодня говорят	249 000	7 700	10
как сегодня говорятся	10 500	220	0
то, что сегодня называют	32 000	7 000	5
то, что сегодня называется	44 000	11 000	2
<i>как это в России называют</i>	1 300	300	0
<i>как это в России называется</i>	9 800	30	0
<i>как это у нас называют</i>	16 300	280	0
<i>как это у нас называется</i>	13 700	2 200	1
<i>как это принято в России называть</i>	2	5	0
<i>как это принято у нас называть</i>	800	90	0
по принятому сегодня определению	0	0	0
<i>по принятому у нас определению</i>	4	40	0
<i>как у нас говорят</i>	320 000	70 000	49
<i>как у нас говорятся</i>	150 000	7 000	1

Отбор материала проходил в трех турах. В первом для предварительного анализа я решил отобрать 200 текстовых образцов, выделенных операторами с компонентом *сегодня*. Так как во всем НКРЯ их оказалось всего лишь 7, остальных 193 пришлось почерпнуть из Рунета. Пользуясь двумя названными браузерами (Google.ru и Yandex.ru), я собрал в одном файле контексты, выделенные четырьмя операторами: *как сегодня говорят, как сегодня говорятся, то, что сегодня называют, то, что сегодня называется*, пропуская лишь повторяющиеся тексты и те примеры, скупой контекст которых не позволял определить, какую функцию выполняет в них цепочка слов *как сегодня говорят*. Так образовалась подборка объемом в 200 примеров-цитат, содержащих названные формулировки. Слово «формулировка» употребляется здесь не зря, так как появление в тексте цепочки слов *как сегодня говорят* далеко не всегда означает, что мы имеем дело с метаязыковым оператором (т.е. может значить, что мы имеем дело с мнимым оператором).

Во втором туре поиска многолексемных единиц языка из подборки были исключены те случаи, в которых названные операторы выделили единицы однолексемные, т.е. слова, напр.:

- И самое главное — оба сумели создать то, **что сегодня называют** космополитичным словом *стайл*.
- Подобная, как сегодня говорят, упертость, конечно, достойна уважения.

Таких случаев оказалось 40. Отметим, что метаоператорами снабжались два вида слов: новые заимствования (напр., *постмодернизм, бренд, имидж, виртуальность, ньюсмейкер, метросексуал, месседж, спонсор, слоган, импульс*) и слова жаргонного происхождения: *раскрутка, упертость, продвинутый* (о молодежи), *команда* (о политической группировке), *засветиться* (в смысле 'отличиться').

В третьем туре из оставшихся 160 примеров были исключены те случаи, когда компоненты высказывания совпадали с оператором только формально (т.е. когда они относились к разным сегментам предложения):

- «...мы живём под мирным небом, учимся, трудимся, радуемся и отмечаем такие праздники, **как сегодня**», — **говорится** в письме.
- С момента окончания «холодной войны» жизни людей по всей планете никогда ещё не подвергались такой опасности, **как сегодня, говорится** далее в тексте.

Затем были исключены примеры, в которых в цепочках слов *как сегодня говорят, как сегодня говорится* слово *как* выделялось ударением, указывая на способ говорения, произношения, владения языком – без какого бы то ни было отношения к повышенной частотности и распространенности операнта; ср.:

- Американские фильмы и телевизионная индустрия сильно повлияли на то, **как сегодня говорят** на английском языке
- Я не знаю, **как сегодня говорят** дети. Пришлось все переписывать заново и не один раз.
- Так уж сложилось, что в опубликованном мною здесь, содержится немножко много ненормативной лексики (хотя... послушайте, **КАК сегодня говорят!**).
- Заведующая кафедрой сценической речи Екатеринбургского государственного театрального института Азалия Блинова специально для программы «ТАСС-прогноз» рассказала о том, **как сегодня говорят** россияне.
- Есть еще одна проблема, о которой необходимо говорить сегодня. Вы послушайте, **как сегодня говорят**, в смысле культуры слова, ведь это чудовищно.

Очередной шаг этого тура состоял в исключении для отдельного рассмотрения тех примеров, в которых не известно, к какой части высказывания на самом деле относится оператор, или, иными словами, где границы выделяемого репродукта (о чем речь шла раньше); ср.:

- Валерий Леонтьев, народный артист России: «Неформатное, **как сегодня говорят**, поведение – стой, пой, чего дергается. Это их убивало.

- Фото, где пьют из горла, явно, **как сегодня говорят**, – постановочные, было дело и мы так позировали. Как и фото с бутылками на столе.
- У правительства России две, **как сегодня говорят**, опции: или договориться с активным участником, чтобы Россию вписали отдельной строкой...

Возникают вопросы, что выделяет оператор: *неформатное поведение* или *стой, пой, чего дергается?* Выражение *постановочное фото* или само прилагательное *постановочный* со свободной сочетаемостью? Репродукт *две опции* или репродукт *у кого опция?* Носитель русского языка справится с такой задачей скорее всего интуитивно, иностранец вынужден каждый такой случай выносить на дополнительную проверку.

Наконец, приходится сделать еще один шаг: установить, что на самом деле скрывается за словами *как сегодня говорят*, *как сегодня говорится*. В одних случаях функция этого выражения – дать свидетельство факту, что «многие привыкли так сегодня говорить». Таковую функцию можно назвать «свидетельствующей», или, по определению Анджея Левицкого, «тестимониальной» [Lewicki 2003: 31]; она и есть метаязыковая функция и именно она меня здесь интересует. Но выражение *как сегодня говорят* может нести и другую информацию: ‘кто-то сказал, и я это повторяю’, ‘определенные круги утверждают, и я об этом сообщаю’, ‘ходят слухи, и я об этом расскажу’. Эту функцию можно бы назвать «отчетной», и ее следует строго отличать от метаязыковой; ср.:

- И хотя, **как сегодня говорят**, советские военные четко отслеживали со своей спутниковой группировки все этапы той забытой Фолклендской войны (...).
- В Южной Осетии, **как сегодня говорят**, был тоже терроризм, но возведенный уже в чью-то государственную политику.
- **Как сегодня говорят** о погибшем в разборках земляке, «Леша одних кормил, а других травил». Говорят и понимают, что за счет наркотрафика сегодня строить свое будущее.
- Я думаю такого эффекта, **как сегодня говорится** широким массам – не получится, – говорит Виктор Александров, генеральный директор ПАТП.
- Формально консультации с «Единой Россией» прошли, но, **как сегодня говорят** сами единороссы, им просто объявили о решении президента.

Такое постепенное сужение круга искомых объектов привело меня к списку нижеследующих 105 словосочетаний – чуть более половины исходного списка. Читая его, нужно помнить, что каждое содержащееся в нем выражение было в своем тексте снабжено оператором в метаязыковой функции, поэтому их совокупность образует поле кандидатов в класс единиц русского языка как системы. Выделенные операторами единицы приводятся здесь в алфавитном порядке:

авторская песня
авторское кино
адекватность выбранных средств
активный спонсор
арт-хаусное кино
архитектурное решение
асимметрия обороны
бесплатный хостинг
биологически активные добавки
бренд нейм
буферная позиция
в одном флаконе
вести *кого* в состояние депрессии
вероисповедная политика государства
вертикаль власти
вертикальный маркетинг
верующий в душе
виртуальная система
воплоть сезона
воспользоваться телефоном доверия
выводить *кого* в звезды
выделяться из серой толпы
высокие технологии
высшие эшелоны власти
государствообразующий этнос
грязные технологии
дать информированное согласие
двойной стандарт
дочерняя компания
жертва репрессии
Жизнь предъявляет все новые вызовы.
занять свою нишу
Заплати – и паши свою пашенку спокойно.
затрата на производство продукции
знаковый фильм
инвестиционная сделка
информационное продвижения
канализировать *что* на благие дела
качать права
качество жизни населения
корпоративная газета
креативный человек
кто упакован до гробовой доски
культовый фильм
лица кавказской национальности
малоэтажная застройка
ментовский беспредел
мировой стандарт
мировой экономический кризис
модель взаимодействия экономики и культуры
модельный бизнес
музыкальная грамотность

музыкальный формат
наладить социальное партнерство
научный менеджмент
ненормативная лексика
Нет здоровых, есть необследованные.
Нет человека – нет проблемы.
новый мировой порядок
номенклатурно-бюрократический капитализм
обладать особенной энергетикой
обладать силой притяжения
оборонно-наступательные технологии
обязательное социальное стравование
опуститься ниже плинтуса
отмывание денег
отбить вложенные средства
оцифровать величину полезности
память о войне
паранормальные способности
патент на изобретения
по идеологическим причинам
подмена понятий
пойти на непопулярные меры
полный отстой
портфолио на кастинг
постановочное фото
приоритетное направление
прорывной прием
противозаконное бандообразование
развитый социальный интеллект
разводить лохов
режим реального времени
рецепт радости
русскоязычное население
рыночное мышление
сделать самого себя
синтетический актер
социальная незащищенность
спланированная операция спецслужб
стиль жизни
сферы рынка
тянуть одеяло на себя
утечка мозгов
фильтровать базар
фишка в том, что
форсмажорные обстоятельства
ходить между каплями дождя
христианский рок
черный пиар
чувствительный регион
экологически чистая зона
экономический мейнстрим
электронное правительство
этническое сознание

Полученный список можно оценивать по-разному и использовать по-разному. Но три тура и несколько шагов отбора, о которых шла речь, показывают весьма важную вещь: как ни существенны автоматические фильтры, как они ни облегчают ручную выборку, они приносят в эфekte всего лишь сырьевой материал для дальнейшей обработки. Не компьютер, даже с самой изощренной программой, а человек является той инстанцией, которая определяет статус выделенного автоматом языкового материала, возведя его в ранг единиц системы данного языка или отказывая ему в таком статусе. Не иначе дело обстоит и с полученным списком 105 словосочетаний, названных всего лишь «кандидатами в класс единиц языка».

По всей вероятности, исследователю не избежать здесь вопроса о принадлежности выделенных словосочетаний к фразеологии. В ответ хочется привести слова авторитетнейшего польского фразеолога Анджея М. Левицкого: «Нет одной фразеологии, или, иными словами, фразеология – наука многоаспектная. Каждая разновидность фразеологии предполагает свой ракурс видения языка и ставит свои цели» [Lewicki 1976: 24; перевод мой. – В.Х.]. Относительность фразеологии как науки проявляется, между прочим, в сосуществовании нескольких фразеологических парадигм: стандартной фразеологии С. Скорупки, синтаксической А. Левицкого, прагматической В. Хлебды, зарождающейся когнитивной. Относительно и понятие фразеологичности: в прагматической фразеологии (фразематике; [Chlebda 1991]), в центре которой – человек, обращающийся с какой-то целью к другому человеку, фразеологичность словосочетаний рассматривается относительно места, времени и обстановки общения. С этой точки зрения все образующие вышеприведенный список словосочетания, несомненно, фразеологичны. Можно сказать еще иначе: все эти словосочетания репродуцируемы относительно тех условий, в которых совершался акт общения (т.е. все они – сверхлексемные репродукты своего места и времени). Одно, во всяком случае, не подлежит, пожалуй, сомнению: русские действительно так сегодня говорят: в своих домах, на местах работы, на полосах газет, в своих нишах и на всероссийском форуме телевидения. Русское коммуникативное пространство не монолитично: оно слагается из сотен перекрещивающихся сфер, для которых перечисленные выражения – устойчивые, типичные единицы их языков. Как этот вывод, так и полученный список единиц представляются интересными и для лингвистов-теоретиков, и для практиков лексикографии. Особый интерес они представляют, однако, для изучающих русский язык иностранцев (в частности, для студентов-филологов). Для них предложенный здесь метод поиска многолексемных репродуктов – поучительный путь к новой России, к современным россиянам и их сегодняшнему языку.

А что из полученного языкового сырья переплавить в словарь, зависит от ответа на вопрос, какого типа, какого объема и для кого предназначенный. Но это уже тема для отдельного рассмотрения.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BOGUSŁAWSKI, A. (1976): O zasadach rejestracji jednostek języka. In: *Poradnik Językowy*, N 8, s. 356–364.
- BOGUSŁAWSKI, A. (1989): Uwagi o pracy nad frazeologią. In: Z. Saloni (ed.): *Studia z polskiej leksykografii współczesnej III*. Białystok, s. 13–30.
- BOGUSŁAWSKI, A., DANIELEWICZ, M. (2005): *Verba Polona Abscondita. Sonda słownikowa III*. Warszawa.
- CHLEBDA, W. (1991): *Elementy frazematyki. Wprowadzenie do frazeologii nadawcy*. Opole.
- CHLEBDA, W. (2005): *Szkice o skrzydlatych słowach. Interpretacje lingwistyczne*. Opole.
- CHLEBDA, W. (2009): Idiomatykon 4.: gdzie jesteśmy, dokąd zmierzamy (i parę zdań o tym, skąd przychodzimy). In: W. Chlebda (ed.): *Podręczny idiomatykon polsko-rosyjski*. Zeszyt 4. Opole, s. 9–38.
- CHLEBDA, W. (ed.) (2010): *Na tropach reproduktów. W poszukiwaniu wielowyzrazowych jednostek języka*. Opole.
- KOSEK, I. (2008): *Fleksja i składnia nieciągłych imiennych jednostek leksykalnych*. Olsztyn.
- LEWICKI, A.M. (1976): *Wprowadzenie do frazeologii syntaktycznej. Teoria zurotu frazeologicznego*, Katowice.
- LEWICKI, A.M. (2003): *Studia z teorii frazeologii*. Łask.
- MOKIJENKO, W., WALTER, H. (eds.) (2008): *Komparacja systemów i funkcjonowania współczesnych języków słowiańskich*. T. 3: *Frazeologia*. Opole.
- SZUBIN, E.P. (1974): *Komunikacja językowa a nauczanie języków obcych*. Warszawa.
- WIERZCHOŃ, P. (2002): Automatyzacja ekscerpcji definiowanych połączeń wyrazowych. Filtry wyrażen regularnych. In: W. Krzemińska – P. Nowak (eds.): *Przestrzenie informacji*. Poznań, s. 119–184.
- WIERZCHOŃ, P. (2003): *Z cudzysłowów do poczekalni leksykograficznej*. Warszawa.
- WIERZCHOŃ, P. (2006): *Problem informacji frekwencyjnej w słowniku przekładowym*. Łódź.
- WIERZCHOŃ, P. (2008): *Fotodokumentacja. Chronologizacja. Emendacja. Teoria i praktyka weryfikacji materiału leksykalnego w badaniach lingwistycznych*. Poznań.
- ЛЕОНОВА, Л.А., ШУБИН, Э.П. (1970): Готовые предложения в современном английском бытовом диалоге. In: *Иностранные языки в школе*, N 5, s. 11–22.
- ХЛЕБДА, В. (2000): Метаоператоры в тексте и их основные функции. In: *Слово во времени и пространстве. К 60-летию проф. В.М. Мокиенко*. Санкт-Петербург, s. 415–429.
- ХЛЕБДА, В. (2007): Фразема. К истории одного термина. In: D. Baláková, P. Ďurčo (eds.): *Frazeologické štúdie V. Princípy lingvistickej analýzy vo frazeológii*. Ružomberok, s. 105–109.

СЕРГЕЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ЧЕМЕРКИН

Украина, Киев

СТИЛИСТИКА ГИПЕРТЕКСТА КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ЛИНГВОСТИЛИСТИКИ

ABSTRACT:

This article deals with the analysis of main processes in the hypertext created in the sphere of Internet. The technical means of visuallization made possible to distinct some transitive centers between different textual levels. By virtue of using of these technical means language unites, which forms such transitive centres, acquired great signification, their communicative and stylistic importance grows too. Thus attention is drawn to the question on the new trend in linguistics – hypertext stylistics.

KEY WORDS:

Hypertext – hyperlink – rhizome text organisation – stylistics – culture of language – hypertext stylistics.

Научное осмысление такого явления, как нелинейный текст, прошло этапы от осознания его в общенаучной картине [Engelbart, English 1968; Субботин 1994] до разработки подходов к описанию [Conklin 1987]. Идея использования нелинейной организации текста не нова. Тексты с местами-переходами на другие текстовые уровни характерны, например, для Библии с ее уникальной перекрестной системой «параллельных мест» — аналогов ссылок [Визель 1999: 174]. В середине XX в. инженерная мысль предполагала использование устройств, с помощью которых можно было бы организовать текст с узлами перехода на вербальную и невербальную информацию [Bush 1945: 174]. Но наибольшее распространение эта разновидность текста получила с внедрением интернет-технологий. В современных цифровых технологиях нелинейная организация текста органически реализовалась в гипертексте.

Симплифицированная модель гипертекста в Интернете — это текст с маркированными словами или большими языковыми единицами, активизация которых обеспечивает переход на другой текст или другую разновидность информации. Такой текст, не теряя реальных пространственных очертаний, приобретает специфические признаки, известные в современном научном дискурсе под понятием ризомы [Гречко 1995: 98–102; Грицанов, Абушенко 2002].

Ризома – термин, заимствованный из философского течения постмодернизма [Делез, Гваттари 1996], куда пришел из биологии, где обозначает определенное строение корневой системы, характеризующееся отсутствием центрального стержневого корня и состоящее из многих хаотически переплетенных побегов – отмирающих, регенерирующих, непредсказуемых в своем развитии. В широком понимании с помощью понятия *ризомы* можно раскрыть сущность обустройства и функционирование всемирной сети Интернет. Вместе с тем ризома объединяет сформулированные в философии постмодернизма представления об аструктурном способе вербальной организации текста, который дает основания использовать название этого метапаттерна для номинирования децентрализованного текста.

Ризоморфная структура гипертекста в Интернете обнаруживает определенные особенности, нехарактерные для других типов гипертекстовых организаций: принципиальная возможность существования только в компьютерном виде, множественность виртуальных структур, виртуализация информации [Хартунг 1996].

Структура ризоморфной текстовой организации отличается от линейной. Модель ризоморфной структуры — это объединение большого количества линейных текстов, связанных друг с другом узлами перехода. Для неэлектронного гипертекста в качестве узла перехода на другой текстовый уровень служат языковые средства, предоставляющие возможность читателю определить этот уровень. Такая конструкция зачастую имеет определенную структуру (знак, слово, предложение, текст), содержание которой указывает на существование иного текстового уровня. То есть в основу формирования узла перехода в гипертексте заложен семантический принцип.

Электронный гипертекст формируется по такому же принципу, однако технический прогресс сделал возможной формализацию логико-семантических связей между частями структуры гипертекста. Благодаря визуальной маркировке (например, другим цветом) в контексте определенной языковой единицы (являющейся узлом перехода на другой уровень) отпала необходимость описания, используемая для индикации другого текстового уровня. В электронном гипертексте выделяется языковая единица, ассоциативно связанная с текстом на другом уровне, а внешний вид данной языковой единицы свидетельствует о существовании перехода на этот уровень. Такая формализованная структура электронного гипертекста иногда в определенных условиях не визуализируется во время общего обзора информации, как это подмечено, например, в заголовках, лидах, анонсах и т. п. Это объясняется тем, что сама структура подобных разновидностей контекста визуально иная. Вместе с тем механическая активизация соответствующих текстовых единиц дает возможность перехода на другой уровень.

Логико-семантические связи в электронном гипертексте как коммуникативной среде обнаруживают особую природу, связанную с принципами актуального членения предложения.

Современная коммуникативная практика в сети Интернет демонстрирует повсеместное распространение гипертекста во всех стилистических разновидностях языка [Чемеркин 2009]. Особое место в структуре гипертекста на уровне любой функционально-стилистической разновидности занимают узлы перехода на другой уровень текста, в языковой практике номинированный как *гиперссылка*. Единица текста, исполняя роль гипертекстового узла, логически связана с текстовым уровнем, на который осуществляется переход. Именно гипертекст через узлы перехода дает возможность расширить семантику слова, ведь ссылка в электронной коммуникации – это внешние структурные показатели, обеспечивающие глобальную связанность гипертекста, его содержательное единство [Кушнерук 2007].

Правильная маркировка узла перехода делает оптимальным гипертекст, не ломающая логико-семантические связи, и наоборот – неадекватная визуализация узла перехода на другой текстовый уровень разрушает или искажает связи ризоморфной структуры текста. Данная ситуация связана с проблемами лингвостилистики и культуры речи, непосредственно – со стилистикой гипертекста – направлением лингвостилистики, предполагающим изучение такого типа текстов. С этой точки зрения стилистика гипертекста, во-первых, должна предусматривать выбор языковых средств во время формирования узлов перехода с одного текстового уровня на другой согласно контексту, который кроется под гиперссылкой, а во-вторых, регулировать логико-семантические связи между структурными единицами гипертекста с помощью узлов перехода между текстовыми уровнями. Именно узел перехода с одного уровня текста на другой – основная единица стилистики гипертекста.

Проблема применения стилистического инструментария, а также инструментария культуры речи к анализу гипертекста актуализировалась в условиях функционирования Интернета. Во Всемирной сети узел перехода на другой текстовый уровень четко эксплицировался с помощью технических средств. Гиперссылка стала выразительным компонентом гипертекстовой структуры, увеличившим стилистический и культурно-речевой вес единиц, принадлежащих этому узлу перехода. В связи с этим четко обозначился еще один предмет исследования современной стилистики и культуры речи – единица гипертекстовой структуры. Функционально значимой единицей оказывается узел перехода на другой текстовый уровень, поскольку визуализация соответствующей языковой единицы – узла перехода – формирует другой стилистический и культурно-речевой контекст. Узел перехода в электронном гипертексте (как, собственно, и в неэлектронном) в функциональном аспекте исполняет роль метафоры, главная задача которой перенести с одного объекта обозначение на другой на основе определенного сходства. Соответственно такая модель нуждается и в стилистическом инструментарии для ее описания.

Изучение семантических свойств высказываний естественного языка состоит в установлении связи между средствами языка, с одной стороны, и логической интерпретацией таких высказываний – с другой [Демьянков 1981: 115]. Семантическая функция узла гипертекста в электронном ресурсе дополняет-

ся техническими средствами выделения гиперссылки, соответственно исчезает потребность подробного описания указания на другой текстовый ресурс. Тем не менее не всегда указание на другой текстовый ресурс и собственно гиперссылка совпадают. По большей части языковые единицы вне узла перехода выполняют дополнительную семантическую нагрузку. Что касается собственно узлов перехода, то в электронном тексте отчетливо выделяются языковые единицы, содержащие прямое и косвенное указание на другой текстовый уровень. Соответственно в современном языке под семантическими признаками гипертекста в Интернете сформировались две группы языковых единиц, формирующих узлы перехода на другой текстовый уровень: 1) языковые единицы, содержащие прямое указание на другой текстовый уровень и формирующие узел перехода на него с помощью как гиперссылки, так и собственно текстовой структуры, или же с помощью лишь гиперссылки; 2) языковые единицы, содержащие косвенное указание на другой текстовый уровень.

Языковые единицы, содержащие прямое указание на другой текстовый уровень и формирующие узел перехода на него с помощью как гиперссылки, так и собственно текстовой структуры, могут быть представлены описательно: *Ознайомитися з проектом статуту територіальної громади Львова можна за таким гіперпосиланням <http://www.gromada.lviv.ua>*. Здесь узел перехода на другой текстовый уровень формирует гиперссылка, маркированная в контексте, а также рематический элемент *за таким гіперпосиланням*. В качестве гиперссылки может быть использован электронный адрес (как элемент другой семиотической системы) или вербальная языковая единица: *Взято звідси: <http://upu.org.ua>; Зі словником можна ознайомитися тут*.

Прямое указание в узле перехода на другой текстовый уровень может быть выражено языковой единицей, семантика которой связана с указанием (по большей части таковой является единица, поддавшаяся прономинализации, адвербиализации, иногда вербализированная форма): *Хороша стаття Андрія Левуса, взято тут; Якщо ви забули свій пароль, ми можемо нагадати*, однако нередко узел перехода формируют, используя структурно более сложную единицу – предложение: *Матеріали про події 2004 року збереглися у архіві «Майдану». Подивіться цю замітку*.

Значительно шире представлены электронные гипертексты с косвенным указанием на существование другого текстового уровня (следует отметить, что понятие «косвенное указание» условно, поскольку правильно выделенные в контексте языковые единицы в определенной степени всегда указывают реципиенту на информацию, содержащуюся на другом текстовом уровне, однако прямое указание на существование перехода на другой текстовый уровень языковыми средствами не выражено): *Лідер рок-гурту «Воплі Відоплясова» Олег Скрипка увійшов до робочої групи, мета якої – представити вітчизняне мистецтво зарубіжному глядачеві*. Косвенным указанием может быть не только вербальная, но и другая, например, невербальная субстантивированная, единица: *Приєднатися до нашої команди на сайті www.i.ua можна за наявності інформації про себе*. В последнем примере субстантивируется невербальный компонент (интернет-адрес).

В гипертексте с использованием гиперссылок часто изменяется стилистическое построение, нарушается синтаксическая структура. Одна из особенностей гипертекста в Интернете – нивелирование системы пунктуации при узлах перехода на другой уровень текста. Частично функции пунктуации принимает на себя гиперссылка, поскольку узел перехода на другой текстовый уровень в электронном виде визуально отличается от всего текста. Поэтому в тексте нарушается пунктуационная норма в приузловых текстовых частях, в частности, когда узлом выступает электронный адрес сайта: *Початок <http://blog.i.ua/community/1025/206933>*.

В электронных текстах гиперссылка приобретает иные синтаксические признаки: *Ми тут з'ясували, що любителі слов'янської міфології серед слов'ян – рідкість; Перші в цьому році гуляння киян на Масницю відбудуться 22 лютого на Печерську – в парку будівництва кафедрального собору Воскресіння Христового. **Схема проїзду***. В первом примере на уровне актуального членения предложения адвербиальный компонент *тут* в линейном текстовом построении нуждается в более широком контексте, который дал бы возможность полностью раскрыть тему сообщения. Потребность в более широком контексте может исчезнуть во время устного общения, когда тему сообщения можно полностью раскрыть с помощью невербальных средств коммуникации (например жеста). В ризоморфной текстовой структуре широкий контекст также выглядит лишним, поскольку адвербиальный компонент *тут* через его визуальную маркировку заполняет информационную лауну в теме сообщения. То же касается и второго примера, в котором предложение *Схема проїзду* в ризоморфной структуре полностью раскрывает тему сообщения. То есть признаки предложения в разных текстовых структурах разные: для линейного текста они одни, для нелинейного (особенно в узлах перехода на другой уровень) – другие. Следует также отметить, что на уровне актуального членения предложения в электронном гипертекстовом построении каждая гиперссылка будет темой для другого текстового уровня, а это свидетельствует о том, что коммуникативная функция таких единиц возрастает.

Эксплицитность узла перехода на другой текстовый уровень, как свидетельствует языковая практика в Интернете, часто несовершенна. С одной стороны, существует техническая визуализация узла перехода, которая выразительно репрезентативна, с другой – используемые языковые средства, с помощью которых создан узел, не всегда адекватны тексту, на который осуществляется переход.

Неправильное техническое маркирование узла перехода искажает логико-семантическую связь между частями гипертекста: *Звертаюся до Вас з надією, що зможете мені допомогти* (выделенный элемент – гиперссылка на главную страницу новостного ресурса, на одном из сайтов которого и опубликован вышеуказанный материал); *«Нехай твоє дитя ходить до нормальної української школи...» – адже, колеги, – це просто крик у пустелі* (гиперссылка направляет читателя на материал, цитата из которого использована в примере). Даже широкий линейный контекст в приведенных примерах не дает возможности понять, на что указывает гиперссылка. Это касается и ги-

перссылки, состоящей из предикативного центра, поскольку с помощью лишь предикативного центра тяжело определить семантическую связь с другим текстовым уровнем: ***Пряму відповідальність за відставку Голови Верховної Ради несе Президент України.***

Такие примеры в современном электронном гипертексте не единичны, соответственно вопрос культуры формирования узла перехода электронного гипертекста остается открытым.

Проблема маркировки узла перехода на другой текстовый уровень актуальна в современной интернет-коммуникации. Сегодня нельзя говорить о норме в маркировке узлов перехода, поскольку подмечено лишь логико-семантическое соответствие между элементами гипертекста. Однако существуют некоторые тенденции в создании электронной гиперссылки. Так, в одинаковых позициях может быть маркированным как субъект вместе с группой субъекта, так и сам субъект, как объект с атрибутом, так и отдельно объект, как предикативный центр подчиненного предложения, так и все подчиненное предложение, и т. п. Такая специфика маркировки узла перехода обусловлена экстралингвистическими факторами, главным из которых является то, что гипертекст формируют специалисты-компьютерщики, а не лингвисты.

Итак, с появлением электронного гипертекста актуализировались процессы, ранее не характерные для языка. В частности, благодаря техническим средствам визуализации четко обозначился узел перехода из одного текстового уровня на другой. Соответственно возросла роль языковых единиц, формирующих узел перехода, – их коммуникативная, стилистическая значимость. Это убеждает, что диффузный характер текста в Интернете невозможно изучить без применения инструментария определенных языковедческих дисциплин, в частности, стилистики гипертекста, а также других сфер лингвистических и нелингвистических знаний.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА:

- BUSH, V. (1945): As We May Think. In: *The Atlantic Monthly*. Vol. 176, №1, p. 101–108.
- CONKLIN, J. (1987): Hypertext: an introduction and survey. In: *Computer*. Vol. 20, №9, p. 17–41.
- ENGELBART, D. C., ENGLISH, W. K. (1968): A research center for augmenting human intellect. In: *AFIPS Conference Proceedings (Fall Joint Conference)*. Montvale, p. 395–410. ВИЗЕЛЬ, М. (1999): По ту и эту стороны экрана. In: *Иностранная литература*. №10.
- ГРЕЧКО, П. К. (1995): *Концептуальные модели истории*. М.
- ГРИЦАНОВ, А. А., АБУШЕНКО, В. Л. (2002): Ризома. In: *История философии. Энциклопедия*. Минск, с. 883–887.
- ДЕЛЕЗ, Ж., ГВАТТАРИ, Ф. (1996): Ризома. In: *Философия эпохи постмодерна. Сб. переводов и рефератов*. — Минск, с. 7–31.
- ДЕМЬЯНКОВ, В. З. (1981): Логические аспекты семантического исследования предложения. In: *Проблемы лингвистической семантики*. М.
- КУШНЕРУК, С. Л. (2007): Расширение коммуникативного пространства: специфика текстов электронных СМИ в сравнении с печатными. In: *Политическая лингвистика*. Вып. 3(23). Екатеринбург, с. 140–143.
- СУББОТИН, М. М. (1994): Гипертекст: Новая форма письменной коммуникации. In: *Итоги науки и техники*. Сер. Информатика. Т. 18. М., с. 1–158.
- ХАРТУНГ, Ю. (1996): Гипертекст как объект лингвистического анализа. In: *Вестник Московского университета*. Сер. 9, Филология. №3, с. 61–77.
- ЧЕМЕРКИН, С. Г. (2009): *Українська мова в Інтернеті: позамовні та внутрішньоструктурні процеси*. Київ.

TEREZA JAVORNICKÁ

Česká republika, Olomouc

ŽIDOVSTVÍ JAKO INSPIRAČNÍ ZDROJ RUSKÝCH ŽIDOVSKÝCH AUTORŮ 20. STOLETÍ (OSIP MANDELŠTAM, JOSIF BRODSKIJ)

ABSTRACT:

The thesis is focused on influence of factual jewish origin on writings of the Russian poets O. Mandelstam and J. Brodsky. The thesis defines notion of jewishness as a source of artistic inspiration and describes status of a Jew in Russian society in the 20th century. The focal point of the thesis is analysis of jewish themes and motives in writings of both authors. We may say that in their prosaic writings both the authors do express the relation to their own jewish roots, in poetry they do it with the aid of jewish motives visualize actual or dateless questions.

KEY WORDS:

Russian literature – 20th century – poetry – prose – jewishness – artistic inspiration – motive – theme – Osip Mandelstam – Joseph Brodsky.

V jedné z podkapitol úvodu k Lexikonu ruských avantgard 20. století se její autor Tomáš Glanc zabývá otázkou, jaká fakta z osobního života toho kterého umělce jsou relevantní pro jeho tvorbu a jak bychom tato fakta, pokud se je rozhodneme v souvislosti s umělcovým jménem uvést, měli s jeho tvorbou usouvztažnit. Naráží tak na odedávný zvyk autorů historických a faktografických prací uvádět ona sporná data vedle umělcova jména bez vysvětlujícího komentáře.

V souvislosti se jmény Osipa Mandelštama a Josifa Brodského je takto lakonicky uváděnou informací jejich židovský původ, přiřazený k jejich jménům bez ohledu (či důkladnějšího pohledu) na to, nakolik jejich literární tvorbu skutečně ovlivnil. Naším cílem je právě tento důkladnější pohled na otázku, zda vůbec, či do jaké míry židovství sehrálo roli v uměleckém projevu obou básníků, zda a jakým způsobem se projevilo.

Židovství můžeme chápat zaprvé jako pojem náboženský (je však velmi obtížné stanovit, zda je člověk opravdu věřící žid), zadruhé jako pojem národnostní (avšak v případě Židů jako národnosti je vpravdě nemožné určit dva základní národnosti

znaky, a to společné území a společný jazyk; jak na to upozorňuje např. text Martina Bubera *Der Jude und sein Judentum*). Proto chápeme fenomén židovství jako (s náboženskou tradicí spojené) kulturní dědictví, jež obohacuje místní kulturu země, v níž ti kteří židé žijí.

Život **židovského obyvatelstva** v carském a sovětském Rusku a později v Sovětském svazu nebyl jednoduchý. V ruské společnosti odedávna převládaly antisemitské nálady, a to dokonce v oblastech, jejichž obyvatelé s židy prakticky nebyli v kontaktu.

Na počátku 20. století došlo v Rusku k velkým politickým a společenským změnám, ve kterých často nemalou roli hráli právě židé bojující za rozpad antisemitského carského režimu. Na jeho konci se situace židovského národa uprostřed toho ruského sice nakrátko a pouze částečně, avšak přece zlepšila. Po Velké říjnové revoluci však došlo v souvislosti s upevňováním sovětského režimu znovu k jejímu zhoršení; nastala doba vyšetřování, věznění, lágrů, vyhnanství a poprav.

Ke všem těmto politickým, a s nimi souvisejícím společenským, změnám došlo za života básníka Osipa Mandelštama. Ačkoli se v politickém a společenském životě odehrálo mnohé, v soukromém životě se v této době ještě uchovávaly tradiční hodnoty, mezi nimi pak také hodnoty náboženského vyznání a víry.

Josif Brodskij se narodil za druhé světové války, jeho život se tedy odvíjel v poválečné společnosti Sovětského svazu. Oficiální vztah k židovství se změnil v otázku výlučně národnostní, v otázku rodinného původu. Nehledě na to však všudypřítomné antisemitské nálady ze společnosti nezmizely. V 70. letech se Sovětský svaz zavázal k dodržování lidských práv, což vedlo mimo jiné k možnosti občanů židovské národnosti opustit Sovětský svaz a odjet do Izraele. V případě Josifa Brodského se tato možnost stala povinností, byl donucen Sovětský svaz opustit; odjel do Spojených států, kde učil na univerzitě a nadále psal.

Za života Josifa Brodského se náboženství stalo z hlediska oficiálních instancí nepotřebným a nežádoucím, společnost byla vychovávána přísně v duchu sovětské ideologie – na rozdíl od doby Osipa Mandelštama, kdy tento stav teprve vznikal.

Autobiografickou prózu, s níž se setkáváme především v cyklu «Шум времени», píše **Osip Mandelštam** ve 20. letech. Text se skládá z 15 textů, z nichž jsou vzhledem k tématu pro nás zajímavé prózy «Ребяческий империализм», «Бунты и французженки», «Книжный шкаф», «Финляндия», «Хаос иудейский», «Юлий Матвейич», «Эрфуртская программа», «Семья Синани» a «В не по чину барственной шубе». Všechny uvedené texty se týkají Mandelštamova dětství v jeho osudovém městě, Petrohradu. Texty zobrazují jeho krásu a bohatství, jež stojí v protikladu k Mandelštamově rodnému domu, a především k prostoru spojenému s básníkovým otcem. Právě on je zosobněním židovství takového, jak ho chápal či spíše pociťoval Osip Mandelštam – jako chaosu (jak dokonce otevřeně říká v názvu prózy «Хаос иудейский») nepochopitelných, matoucích, někdy až děsivých rituálů, kultury a náboženství. Židovství představuje v očích Mandelštama-chlapce (podtrhněme zde dvojakost tohoto vnímání, neboť skutečným původcem textu je dospělý umělec) fenomén, který narušuje pevnou a srozumitelnou ruskou kulturu.

«Весь стройный мираж Петербурга был только сон, блистательный покров, накинутый над бездной, а кругом простирался хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал. Иудейский хаос пробивался во все щели каменной петербургской квартиры, угрозой разрушения, шапкой в комнате провинциального гостя, крючками шрифта нечитаемых книг «бытия», заброшенных в пыль на книжную полку шкафа, ниже Гете и Шиллера, и ключками черно-желтого ритуала. Крепкий румяный русский год катился по календарю, с крашенными яйцами, елками, стальными финляндскими коньками, декабрем, вейками и дачей. А тут же путался призрак призрака – новый год в сентябре и невесты старинные странные праздники, терзавшие слух диким именем: Рош-Гошана и Иом-кипур.» [Мандельштам 1995: 31]

V cyklu «Шум времени» je zajímavý ještě jeden moment, a to zklamání se v židovství. Ve dvou prózách («Книжный шкаф», «Хаос иудейский») židovská kultura Mandelštama-chlapce nejprve okouzlí, toto okouzlení její vnitřní silou a krásou je však vzápětí přerušeno rozčarováním, když se židovský element střetává s ruským a automaticky (v chlapcových očích dokonce dobrovolně) se mu poddává. Svým ponížením se židovství jako náboženství a kultura v očích Mandelštama-chlapce diskredituje.

Kromě cyklu «Шум времени» nalézáme v Mandelštamově prozaické tvorbě ještě jeden text, který sice je spojený s tématem židovství, toto téma však uchopuje zcela jinak. Pamflet «Четвертая проза» vyjadřuje pohoršení svého autora nad současným stavem literatury a kvalitou jejích tvůrců. Autor se nijak nevyjadřuje k podstatě židovství, avšak otevřeně sám sebe, tváří v tvář antisemitismu sovětských úřadů a lidu, označuje za žida.

«На таком-то году моей жизни взрослые мужчины из того племени, которое я ненавижу всеми своими душевными силами и к которому не хочу и никогда не буду принадлежать, возмели намеренье совершить надо мной коллективно безобразный и гнусный ритуал. [...] Я настаиваю на том, что писательство в том виде, как оно сложилось в Европе и в особенности в России, несовместимо с почетным званием иудея, которым я горжусь. Моя кровь, отягощенная наследством овцеводов, патриархов и царей, бунтует против вороватой цыганщины писательского отродья.» [Мандельштам 1995: 110]

Co se židovství jako motivu a materiálu týče, jsou básně Osipa Mandelštama zcela jiného druhu než jeho prozaické texty. V sedmi básních s židovskou tematikou pracuje básník s otázkami podstatnými pro sebe samého i celou svou dobu.

Poprvé se s těmito básněmi setkáváme v 10. letech («Неумолимые слова», «Эта ночь непоправима», «Среди священников левитом молодым», «Вернись в смесительное лоно»). Básně se odehrávají v Jeruzalémě, figurují v nich židé, často se setkáváme s odkazy na Starý zákon. Básně však metaforicky zobrazují aktuální události 10. a 20. let, velké změny v ruské společnosti, jež jsou intenzivně spojeny s pocitem nejistoty. Velmi výmluvný je obraz zničeného jeruzalémského chrámu,

který odkazuje k postupnému potlačování svobod (a kultury), mezi nimi i svobody (a kulturní kvality) spisovatelů, ze strany sovětského režimu.

«Среди священников левитом молодым / На страже утренней он долго оставался. / Ночь иудейская сгущалась над ним, / И храм разрушенный угрюмо созидался. // Он говорил: небес тревожна желтизна! / Уж над Евфратом ночь: бегите, иереи! / А старцы думали: не наша в том вина - / Се черно-желтый свет, се радость Иудеи! // Он с нами был, когда на берегу ручья / Мы в драгоценный лен Субботу пеленали / И семисвещником тяжельм освещали / Ерусалима ночь и чад небытия.» [Мандельштам 1990: 117]

Události, jež popisují básně z let 30., «Жил Александр Герцевич», «Мякнул конь и кот заржал» a «Что делать нам с убитостью равнин», se odehrávají v Rusku; věnují se postavení židů v sovětském režimu, jejich pronásledování, omezeném přístupu úřadů vůči literatuře či touze po lepším světě. Tyto texty již nejsou spojené se Starým zákonem, přesně a zřetelně popisují současnost.

«Жил Александр Герцевич, / Еврейский музыкант,- / Он Шуберта наверхивал, / Как чистый бриллиант. [...] Что, Александр Герцевич, / На улице темно? / Брось, Александр Сердцевич,- / Чего там? Все равно! [...] Нам с музыкой-голубою / Не страшно умереть, / Там хоть вороньей шубою / На вешалке висеть... / Все, Александр Герцевич, / Заверчено давно. / Брось, Александр Скерцевич. / Чего там! Все равно!» [Мандельштам 1990: 172]

Próza Osipa Mandelštama umožňuje čtenáři pochopit, jakou roli v básnickově životě sehrál jeho židovský původ. Ukazuje, že pro něj židovství bylo fenoménem zcela cizím a nechtěným, vnuceným. Oproti tomu ve své poezii pracuje Osip Mandelštam s tématem židovství zcela jinak, s jeho pomocí zobrazuje ty nejdůležitější, palčivé otázky své doby.

Josif Brodskij začal psát prózu po svém vynuceném odjezdu ze Sovětského svazu, v Americe; do té doby psal pouze verše. Židovského tématu se dotýkají dva z jeho esejů, jež napsal anglicky – «Меньше единицы» (Less than One) a «Полторы комнаты» (In a Room and a Half). Oba texty zachycují básnickovy vzpomínky na dětství či spíše mládí v poválečném Petrohradu. Text «Полторы комнаты» se více věnuje Brodského rodině, matce a otci, bytu, ve kterém společně žili. Z Brodského esejů (a také z rozhovorů s básníkem vedených především Solomonem Volkovem a Adamem Michnikem; viz například Volkovovy «Диалоги с Иосифом Бродским») je patrné, že Josif Brodskij k židovství, jeho kultuře a náboženství, neměl v podstatě žádný vztah. Sovětské úřady jej oficiálně prohlásily za žida – tak Josif Brodskij vnímal své židovství. Ve svých esejích autor hovoří o všudypřítomném antisemitismu a potlačování práv, dokonce o pronásledování lidí židovské národnosti.

„Удѣлалъ jsem всеchny zkoušky, але kvůli bodu číslo пѣт – национальности – jsem neбылъ přijатъ а má iracionální lásка к námořnickým плащѣмъ se двѣма řadami zлатýchъ knoflíků, připomínajících proudy vzdalujících se světел на ноční ulici, зůstала neopѣтована.“ [Brodskij 1998: 27]

Pokud srovnáme Brodského prózy s prózami Osipa Mandelštama, je patrné, nakolik se město i jeho obyvatelé v poválečné době změnili. Petrohrad ztratil svou „mandelštamovskou“ krásu a bohatství a stal se válkou zničeným městem. Lidé, kteří

v něm žili, přišli o veškerou osobní svobodu, byli již zcela vychováni (či zastrašeni) sovětským režimem. Josif Brodskij je vůči židovství indiferentní, na rozdíl od Osipa Mandelštama, který sice k židovství kladný vztah neměl, přece jen však můžeme o vztahu hovořit.

Básní, jež se týkají židovského tématu, nalézáme v Brodského tvorbě ještě méně než v tvorbě Osipa Mandelštama. Ty, které přece jen najdeme, vznikly v 50. a 60. letech. První báseň, «Еврейское кладбище около Ленинграда», se zabývá dvojakostí židovského života. Brodskij vypráví o materiálním světě, v němž se židé přizpůsobují oficiálním pravidlům země, ve které žijí, a o duchovním světě, bohatství židovské tradice, která svému lidu dokonce i v nejtěžších letech dává naději, klid a sílu.

«Для себя пели. / Для себя копчили. / Для других умирали. / Но сначала платили налоги, уважали пристава, / и в этом мире, безвыходно материальном, / толковали Талмуд, оставаясь идеалистами» [Бродский 1997: 20].

Další báseň, text «Бессмертия у смерти не прошу», je monologem ke smrti. Nalézáme v ní jediný moment, který se vztahuje k tématu židovství (a čtenáři připomíná Brodského eseje) – básník konstatuje svůj židovský původ, čtenáři předkládá obraz židovského hrobu.

Posledním básnickým dílem s židovským tématem je poéma «Исаак и Авраам». Její děj vychází ze starozákonního příběhu Abraháma, který měl Bohu obětovat svého syna Izáka a tímto činem prokázat svou víru a poslušnost. Brodskij v průběhu putování Izáka a Abraháma na místo obětování pokládá otázky o podstatě života a smrti, o roli člověka ve hře osudu. Autor si – a s tímto postupem se v jeho díle často setkáváme – hraje se smyslem slov, hledá jejich doslovný význam, rozebírá je písmeno po písmenu a na základě součtu významů jednotlivých písmen sestavuje význam celého slova. Klíčové slovo celé poémy Izák tak vykládá *И Снова жертва на огне Кричит*. Velmi expresivní je zobrazení země, po níž Izák s Abrahámem kráčí – je to jedna velká poušť, jediný život v ní představuje keř (obraz, který vyvolává představu o keři ve Starém zákonu).

Co se týká způsobu zpracování židovského tématu, Brodského verše se od autorovy prozaické tvorby a jeho vlastních výroků v rozhovorech různí. Báseň o židovském hřbitovu je naplněna téměř až obdivem k síle židovské kultury. Text «Бессмертия у смерти не прошу» svou nezaujatostí vůči danému tématu spíše odpovídá prosté konstataci židovského původu v esejích. Poéma «Исаак и Авраам» se opět vrací k zobrazení hlubokých otázek a témat lidské existence právě s pomocí židovského materiálu.

Právě ve způsobu práce s židovským tématem můžeme nalézt jistou shodu v tvorbě Josifa Brodského a Osipa Mandelštama. V próze oba autoři nevyjadřují valný zájem o židovskou tradici. Pro Osipa Mandelštama tato tradice představuje nepochopitelný fenomén, který jej nadto odcizuje od jemu pochopitelné (či pochopitelnější) ruské kultury. V tvorbě Josifa Brodského je židovství v podstatě zbaveno své kultury, tradice a náboženství a stává se jen otázkou oficiálně stanovené národnosti konkrétního člověka.

V básnické tvorbě však hraje židovské téma nemalou roli. S jeho pomocí, na pozadí židovského materiálu se oba autoři (s výjimkou Brodského «Бессмертия у смерти не прошу») vyslovují k velkým, hlubokým tématům a otázkám aktuálních událostí či obecně lidských otázek o životě a smrti.

Závěrem bychom rádi zmínili jeden moment ne zcela literárního charakteru, který přesto dle našeho mínění tvorbu obou autorů ovlivnil a který přímo vychází z otázky jejich židovského původu. Téměř bez výjimek totiž v Rusku, ať již carském či později sovětském, převládaly nálady antisemitské, což dokládá i fakt, že ani Osip Mandelštam, ani Josif Brodskij nebyli oficiálními instancemi do ruské kultury přijati. Ostatně jejich tvorba hranice ruské literatury sama přesahuje. Dovolujeme si skutečnost, že oba básníci inspiraci a své místo hledali ve světové literatuře a neomezili se na kulturní zázemí ruské, částečně zdůvodnit právě židovským původem – do ruské nebyli plně přijati a židovská kultura, k níž byli oba ruským prostředím zařazeni, ani jednomu z nich dostatečné útočiště neposkytovala. Postavení „mezi kulturami“ dle našeho názoru umožnilo jak Osipu Mandelštamovi, tak Josifu Brodskému vymanit se ze sebestřednosti jedině, v jejich případě ruské, kultury a překročit její hranice směrem ke kultuře světové.

POUŽITÁ LITERATURA:

BRODSKIJ, J. (1998): *Jeden a půl pokoje*. Praha: Nakladatelství Lidové Noviny.

BUBER, M. (1963): *Der Jude und sein Judentum. Gesammelte Aufsätze und Reden*. Köln: Joseph Metzler Verlag.

GLANC, T., KLEŇHOVÁ, J. (2005): *Lexikon ruských avantgard 20. století*. Praha: Nakladatelství Libri.

БРОДСКИЙ, И. (1997): *Сочинения Иосифа Бродского*. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд.

ВОЛКОВ, С. (2000): *Диалоги с Иосифом Бродским*. Москва: Издательство Независимая Газета.

МАНДЕЛЬШТАМ, О. Э. (1995): *Об искусстве*. Москва: Искусство.

МАНДЕЛЬШТАМ, О. (1990): *Сочинения*. Москва: Художественная литература.

Božena Bednaříková: Slovo a jeho konverze. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2009. 253 s. ISBN 978-80-224-2220-6

Monografie *Slovo a jeho konverze* olomoucké bohemistky Boženy Bednaříkové umožňuje čtenáři pohled na slovo jednak z hlediska morfologie a jednak z hlediska slovotvorby. Při analýze jazykového materiálu spojuje tzv. tvarotvorné a slovotvorné principy a tím umožňuje komplexnější poznání vnitřní struktury slova.

Obsah knihy je rozčleněn do 10 kapitol, přičemž v první kapitole autorka přesně vyjmenovává, o čem její kniha je a o čem naopak není. Tím získá čtenář obecný přehled o tom, co může v knize hledat a co nikoliv. V další kapitole se autorka věnuje slovu jako ústřední jednotce (české) morfologie, píše o renesanci morfologie v 70. letech 20. století a stručně také charakterizuje z hlediska, které je pro její práci relevantní, mluvnice češtiny 80. a 90. let. Jako členka terminologické komise v projektu „Sjednocení školské jazykovědné terminologie“, v němž zpracovávala část tvaroslovnou i související část slovotvornou, Božena Bednaříková umožňuje vhléd do školské praxe, když popisuje postavení morfologie vedle ostatních jazykovědných disciplín v osnovách ZŠ, a také když uvádí množství příkladů ilustrujících nesprávné, nevhodné nebo zavádějící užití jazykovědných termínů v hodinách češtiny. Třetí kapitola podává odpovědi na otázku, co slovo vlastně znamená. Autorka píše o tendenci (převážně v anglofonní morfologii) považovat za minimální jazykovou jednotku právě slovo. O zevrubnou znalost cizojazyčného lingvistického kontextu se opírá i v kapitole *Slovo jako slovní druh*, na niž pak navazuje kapitolami o morfologických procesech a vnitřní struktuře slova. Uvádí typy morfů a nabízí postup pro komplexní analýzu slovního tvaru. V další části se podrobně věnuje vztahu transfer – transpozice – konverze. Výstupem je potom dílčí závěr, že „konverze je morfologický onomaziologický proces, který je povolán sloužit dokončené slovnědruhové transpozici (ve smyslu transpozice slovotvorné). Ač volí prostředky flexe (změny flexe), tkví tajemství její onomaziologické kompetence v tzv. přidané hodnotě (onomaziologické), jež je obsažena pouze implicitně.“ (s. 221) Hlavní typy slovotvorné transpozice realizované konverzí a typy transflexe v češtině včetně analýzy vnitřní struktury konvertovaných, resp. transflekovaných slov, představuje autorka v následujících kapitolách. Příkladová slova nejsou uváděna izolovaně, jsou dokládána v kontextu celých vět, které jsou čerpány z Českého národního korpusu.

V závěru autorka píše: „Fenomén KONVERZE je i v „konverzi příznivých“ jazycích, jako je angličtina, často považován za proces/jev problematický, kontroverzní, obskurní, až mysteriózní ... Je pak předkládaná práce pokusem (po)odhalit její „mysterióznost“ v popisu jazyka, v němž, z hlediska skaličkovské teorie typologických konstruktů (deduktivní typologie), by měla být nejvlastnějším morfologickým onomaziologickým procesem.“ (s. 222)

Orientaci v knize usnadňuje přehledný obsah, ale i jasný jmenný a věcný rejstřík. Co se týče uváděných zkratk a symbolů, oceňuji jednak jejich objasnění při prvním výskytu a jednak jejich dílčí přehled na s. 120. Komplexní seznam zkratk a symbolů se nachází také na konci knihy.

Při práci na textu knihy využila autorka rozsáhlé bibliografie, jež obsahuje více než 140 českých i cizojazyčných titulů, včetně materiálů elektronických a českého národního korpusu. Při vyjasňování jednotlivých termínů postupuje autorka od jejich definic uváděných jinými autory, hledá konsenzus nebo na jejich základu v souladu s osobním náhledem problematiky vytváří vlastní dílčí závěry, na nichž pak staví další teorii a posléze i praktickou analýzu slovních tvarů.

Z textu i výše uvedené citace je zřejmé, že kniha není určena pouze odborníkům lingvistům. Přínosem (nejenom terminologickým) bude i pro širší odbornou veřejnost, včetně např. učitelů češtiny a cizích jazyků. Její využitelnost v pedagogické práci v hodinách jazyka je jednoznačná. Lze tedy říci, že „pokus“ spojit tzv. slovotvornou a tvarotvornou analýzu za účelem celostního pojetí morfologie se autorce vydařil.

Monika Vokurková, Česká republika, Olomouc

Ján Gallo: Vyjadrovanie kategórie neurčitosti v ruštine a slovenčine. Nitra, Univerzita Konštantína Filozofa 2008, 184 s. ISBN 978-80-8094-320-2

Recenzovaná publikace se zabývá aktuálním tématem kategorie neurčitosti, která v současné době přitahuje pozornost mnoha lingvistů (z nejnovějších například O. Vomáčková ve srovnávacím pohledu němčina – čeština, Z. Nedomová na materiálu ruštiny a další). Konkrétně se věnuje čtyřem z pěti způsobů vyjadřování kategorie neurčitosti: lexikálnímu, lexikálně-sémantickému, syntaktickému a kontextově-syntaktickému. Jak uvádí sám autor, jedná se o jednu ze složitých otázek při studiu cizího jazyka (s. 11). Dalším důvodem pro výběr tohoto tématu bylo pro autora to, že vyjadřování neurčitosti je oblast, ve které cizinci, kteří se učí ruštinu, podle jeho názoru často dělají chyby (s. 23).

Práce sestává z pěti kapitol, v první je podrobně popsána historie zkoumání kategorie neurčitosti, a to nejen ve zkoumaných jazycích – v ruštině a slovenštině: autor se odvolává také na práce, které se týkají dalších světových jazyků, a uvádí také některé skutečnosti charakteristické pro tyto jiné jazyky (podrobně je rozebrána například otázka funkce a užití členů v některých jazycích a sporné otázky, které se členů týkají). Kromě historie zkoumání zde autor uvádí způsob, jakým fungují prostředky vyjadřující neurčitost v ruském jazyce.

V dalších kapitolách autor analyzuje již zmiňované konkrétní způsoby vyjadřování kategorie neurčitosti. Výchozím jazykem pro jeho analýzu je ve většině případů ruský jazyk, slovenské ekvivalenty jsou uvedeny pouze jako materiál pro srovnání, příklady jsou také uváděny v ruském jazyce, s následným překladem do slovenštiny. V některých částech autor ale připojuje samostatnou analýzu výrazových prostředků dané kategorie ve slovenštině. Kromě srovnání ruštiny a slovenštiny autor v některých případech porovnává také s češtinou. V úvodu dělí jazyky na dva typy: 1) ty, které vyžadují formální vyjádření významů kategorie určitosti / neurčitosti a 2) ty, které tyto jasné ukazatele kategorie ve svém systému nemají a kategorii vyjadřují pomocí jiných prostředků různých úrovní (s. 11–12).

Pokud jde o první, lexikální způsob vyjadřování kategorie neurčitosti, soustřeďuje se autor na neurčitá zájmena a příslovce. Při analýze vychází z ruského jazyka, krátce analyzuje stupně neurčitosti, dále podrobněji rozebírá kategorii neurčitosti z pozice mluvčího. Tady na velkém množství příkladů ilustruje tři typy neurčitosti z pozice mluvčího: a) mluvčí nekonkretizuje osobu, protože to není podstatné nebo důležité, b) mluvčí úmyslně nekonkretizuje předmět rozhovoru, aby udělal svoji výpověď tajemnou nebo emocionálně zabarvenou, c) mluvčí nekonkretizuje osobu z morálně-etických nebo emocionálních důvodů.

Ve druhé části autor analyzuje neurčitost podmíněnou buď úplnou neinformovaností mluvčího, nebo jeho nepřesnou znalostí předmětu rozhovoru. Pro každou oblast jsou tady vyčleněny výrazové prostředky v ruském jazyce, ke kterým jsou uvedeny možné ekvivalenty pro překlad do slovenštiny. Poslední část kapitoly je věnována největšímu stupni neurčitosti, která je podmíněna nemožností konkretizovat předmět rozhovoru.

Následující kapitola je věnována lexikálně-sémantickému způsobu vyjadřování kategorie neurčitosti, autor se věnuje slovům s významem neurčitého množství. Tato kapitola je ukončena velice přínosným závěrem, ve kterém autor shrnuje závěry jiných autorů, kteří se věnovali této oblasti, kriticky je hodnotí, polemizuje s nimi a správnost svých závěrů demonstruje na velkém množství příkladů (např. s. 68). V této kapitole je třeba vyzvednout velké množství analyzovaných prostředků, a to od hovorových až po knižní. Autor tady rozlišuje prostředky, které jsou používány ve svém přímém významu, a ty, které jsou používány ve významu přeneseném; rozděluje je také z hlediska frekvence (str. 60), což je podle našeho názoru v tak značném množství analyzovaných jednotek velmi důležité.

Následuje kapitola věnovaná syntaktickému vyjadřování kategorie neurčitosti. Tady autor rozsáhle analyzuje vztah kategorie neurčitosti k aktuálnímu členění věty. V této kapitole si autor klade za cíl zjistit, zda intonace a slovosled slouží jako stále prostředky vyjadřování určitosti nebo neurčitosti subjektu (str. 91). Na základě rozsáhlé materiálové analýzy autor dochází k závěru, že tomu tak není (str. 93).

Na recenzované publikaci oceňujeme zejména velké množství příkladů, na jejichž základě autor svou analýzu uskutečňuje. Ve většině případů se jedná o příklady z krásné literatury (Dostojevskij, Gorkij, Gogol, Bulgakov, Čechov), méně se setkáme s příklady z publicistiky. Pro úvodní nastínění fungování dané jednotky autor užívá jednoduchých vlastních příkladů, některé jevy jsou demonstrovány na příkladech

z jiných publikací na dané téma nebo z gramatik. Pro srovnání autor uvádí překlad daných ukázek do slovenštiny, někdy využívá také překlady do češtiny (např. překlady A. Morávkové, J. Huláka, V. Pickové). V částech, kde se autor zabývá pouze jevy ve slovenském jazyce, jsou tyto jevy demonstrovány na příkladech z děl významných slovenských autorů (P. Dobšinský, M. Figuli a další). V případech, kde jsou příklady z děl staršího vydání, bychom uvítali paralelní zapojení příkladů ze současné publicistiky: v některých případech vzniká pochybnost, zda se uvedená jednotka používá i v současném slovenském jazyce.

Dalším nesporným kladem publikace je přehledné shrnutí výsledků bádání v tabulkách. Tyto tabulky určitě ocení zejména studenti, pro které je tato publikace, jak autor píše, primárně určena. J. Gallovi se podařilo vytvořit cennou a přínosnou publikaci nejen pro studenty, ale také pro širší okruh zájemců.

Petra Fojtů, Česká republika, Olomouc

Bezekvivalentní lexikum jako prostředek komparativního pohledu na slovenské překlady klasiků ruské literatury a významné slovenské překladatele:

Dušan Tellinger: *Klasiци ruskej literatúry v slovenských prekladoch a významné prekladateľské osobnosti. Typopress, Košice 2008.*

V roce 2008 vyšla významnému slovenskému teoretikovi překladu a překladateli zajímavá publikace s názvem, který v čtenáři může vyvolat představu rozsáhlé práce. Daná kniha nicméně neanalyzuje všechna díla ruské klasiky, zaměřuje se především na komparativní analýzu různých překladů vybraných děl, která, podle autora, byla pro vývoj ruské literatury významná a která taktéž měla v neposlední řadě kulturně-sociální vliv na společnost v Čechách i na Slovensku. Jedná se o dvě Puškinova díla – *Kapitánskou dcerku* a *Evžena Oněgina*, dále o Gogolovu hru *Ženitba*, o rozsáhlý román Saltykova-Ščedrína *Pošechonské staré časy* a Gribojedovovu hru *Hoře z rozumu* (názvy děl uvádíme v jejich české podobě, u slovenských překladů jsou jiné, a to jak z důvodů jazykové diference, tak, jak se dočteme v publikaci, díky různým překladatelským přístupům).

V úvodu ke zkoumané problematice je v knize pojednáno o překladatelích, kteří se danému dílu věnovali, následuje srovnání jejich počínů na základě atraktivních příkladů.

Stěžejním studovaným materiálem, na jehož základě jsme prováděli komparativní analýzu překladů, je bezekvivalentní lexikum, jež je ve všech knihách zastoupeno v relativně hojném množství. Jde o reálie různého stupně srozumitelnosti, které se v románech 19. století často opakovaly (uvádíme pro názornost názvy klubů a specifických dobových organizací či povolání majících speciální sociální prestiž: *Благородное собрание, англійский клуб, колежаский асессор*, tradiční ruské reálie – jídlo, pití, svátek nebo oblečení: *блины, масленица, щи, квас, рубашка*, dále

sem patří názvy místní a vlastní jména mající taktéž specifický význam a odstín: *Кузнецкий мост, кузнечиха, Белогорская крепость, Лизавета Харлова, Симеон, Харитон, Фонтанка, Загорецкий, Скалозуб, Репетилов, Петрушка, Зизи, Мими, Катюш* a jiné, společensko-historické reálie jako: *тройка, извозчик, ба-тюшка, пуд, месячина, каторга, ухват, вершок, ланкастерское обучение, вист, красная шапка, дача*. Kromě konkrétních výrazů z oblasti bezekvivalentní lexiky se práce zaměřuje na způsob zachování, resp. překládání autorských poznámek či komentářů.

Právě schopnost vypořádat se s překládáním této lexiky a aluzí je podle autora jednou ze stěžejních možností hodnocení adekvátnosti překladu a měřítkem překladatelova mistrovství. Z tohoto titulu si lze vážit především překladů J. Ferenčíka, J. Jesenského a dále J. Štrassera, jenž za svůj překlad *Evžena Oněgina* dostal v roce 2002 vysoké ruské státní vyznamenání, bez povšimnutí ale nelze nechat ani takové překladatele (leckdy průkopníky), jako byl Maro, Kupec, Hrončo, Bodický či Leškov. S rozbořením jejich překladatelských postupů se v publikaci taktéž setkáváme.

Z našeho hlediska je pro teoretiky překladu i překladatele velice přínosné Tellingerovo srovnávání překladů, resp. vyčleněných celků, a originálů tak, aby čtenář sám mohl na předkládaném materiálu posoudit zkoumanou problematiku. Za obzvlášť přínosné lze považovat uvádění českých variant a zejména anglického překladu *Evžena Oněgina* vytvořeného V. Nabokovem (1963), který tento román ve verších převedl do angličtiny vůbec jako první, a to dokonale. Kromě skvělého překladu po sobě zanechal i obšírný poznámkový aparát a komentář týkající se základních překladatelských kroků, který je bezpochyby i dnes velmi cenný a přínosný. Kromě Nabokovova komentáře bude jistě zajímavé i „překladatelské vyznání“ J. Štrassera *Můj Onegin*.

Druhé měřítko hodnocení úrovně kvality překladu popisuje autor publikace následujícími slovy: „... úroveň ich (překladateľov) prekladovej tvorby je daná nielen stupňom znalosti pracovných jazykov a ich odbornou pripravenosťou, (...), no v prvom rade ich majstrovstvom slova – umeleckými vlohami.“ (s. 235). Z tohoto titulu si váží především významné, pro ruskou literaturu ve slovenských překladech velmi důležité, básničky a spisovatelky Marie Rázusové-Martákové. O jejím přínosu pro slovenské překladatelství pojednává v samostatné kapitole *Mária Rázusová-Martáková – významná prekladateľka ruských klasikov*, ale i dále. Na obšírném materiálu taktéž předkládá přesvědčivé důkazy o její výjimečnosti. Především zdůrazňuje, jak jsme již zmínili, její vysokou znalost historicko-kulturního a sociálního kontextu doby, ve které se překládaná díla, zejména *Pošehonské staré časy*, odehrávají, a její citlivost vůči zachování tohoto kontextu ve slovenském překladu. Kromě toho klade Dušan Tellingier důraz také na překladatelčinu vysokou jazykovou úroveň, kterou dokázala správně předat nejen srozumitelné, ale i komplikované satirické aluze, které již v době vzniku překladu nemusely být pochopitelné ani pro ruského čtenáře.

Rozdíly mezi jednotlivými překlady jsou podle Tellingera dané jednak dobou, ve které vznikaly, a mírou vývoje překladatelství jako takového, jednak stupněm kulturně-historické informovanosti překladatelů.

Téměř na závěr bychom si dovolili citovat zajímavý postřeh o působivosti jednotlivých překladů, konkrétně překladu Gribojedovovy hry *Hoře z rozumu* M. Rázusové-Martákové, který ale může mít podle našeho názoru rozhodně generalizující charakter: „Práve aktualizujúce a modernizujúce preklady starnú rýchlejšie než verné, ktoré dodržia stavbu, ideu diela a národný, resp. historický kolorit pôvodniny – materializovaný v reáliách.“ (s. 234).

Publikace Dušana Tellingerera je tedy zajímavá nejen z pohledu metodologie překládání. Dozvídáme se leccos nového i z oblasti historie translatologie, nicméně je velmi přínosná i z hlediska kulturně-historického. Na základě rozboru uváděných reálií se jistě mnohým milovníkům ruské literatury otevrou nové dimenze při čtení děl klasiků ruské literatury.

Kristýna Bělecká, Česká republika, Olomouc

Mezinárodní vědecká konference ke 150. výročí narození A. P. Čechova

Významná jubilea známých spisovatelů bývají zpravidla impulzem k novým návratům k jejich uměleckým odkazům i ke hledání interpretačních a recepčních přístupů k jejich dílům v novém historickém, společenském a kulturním (ve vztahu k překladům těchto děl i „jinokulturním“) kontextu. Ruský prozaik a dramatik **Anton Pavlovič Čechov** (29.1. 1860 – 15.6. 1904) patří dnes bezpochyby k nejvýznamnějším a nejpopulárnějším spisovatelům ve světové literatuře; je proto přirozené, že 150. výročí jeho narození byla (a ještě bude) nejen v Ruské federaci, ale i na mnoha místech ve světě, věnována zvýšená pozornost ze strany literárněvědných badatelů, překladatelů, interpretů (v neposlední řadě i ze strany dnes nejpopulárnější formy prezentace spisovatelova odkazu – tj. divadelních režisérů i herců).¹

Vstupním (a zřejmě i nejdůležitějším) setkáním se nepochybně stala mezinárodní vědecká konference «*А.П. Чехов и мировая культура: взгляд из XXI века*», která proběhla v Moskvě na katedře dějin ruské literatury Filologické fakulty MGU, nicméně jejími spolupořadateli byly ještě dvě další instituce spojené s čechovovským literárním odkazem: Čechovovská komise při Radě dějin světové literatury RAN a Státní literární muzeum A. P. Čechova v osadě Melichovo (tj. Музей-заповедник А. П. Чехова Мелихово).² Příhlášky na konferenci zaslalo 140 zájemců z 19 zemí a na samotném setkání odeznělo 124 referátů jednak v plenárním zasedání, jednak v osmi tematicky diferencovaných sekcích. Zvláštní pozornost tak byla například věnována problematice spisovatelovy biografie a jeho názorové orientace, poetice jeho próz i dramát, kulminačním dílům jeho tvorby, vztahům jeho děl s ruským i světovým literárním kontextem, tradicím Čechovova díla v ruské a světové literatuře, speciálním otázkám autorových dramát – zejména v souvislosti s jejich

¹ V samotném Rusku byla tomuto výročí věnována velká pozornost i ze strany současných politiků. Např. vzpomínkového aktu v den výročí Čechovova narození u jeho rodného domu v jihoruském Taganrogu (přístav na břehu Azovského moře v Rostovské oblasti) se zúčastnil i prezident D. A. Medveděv v doprovodu mnoha významných osobností, mj. i rektora Moskevské státní univerzity (V. A. Sadovničij). Čechov byl absolventem tehdejší lékařské fakulty této univerzity, a proto byl už i v prostorách největší a nejprestižnější ruské vysoké školy položen základní kámen k památníku, který by měl danou skutečnost připomínat současným studentům.

² Nejde samozřejmě o nahodilost: vedoucí hostitelské katedry prof. V. B. Katajev, DrSc., přední ruský «чеховед», známý svými pracemi v řadě zemí světa, českou rusistiku nevyjímaje, je totiž současně i předsedou spolupořádající Čechovovské komise RAN. Organizační „duší“ celého setkání byl pracovník téže katedry doc. R. B. Achmetšin, CSc., vystupující v roli vědeckého tajemníka a praktického organizátora celého mezinárodního setkání.

soudobou popularitou, Čechovově tvorbě v relaci s jejími překlady a recepcí nebo trvalým snahám analyzovat specifika jazyka v dílech tohoto autora. V této souvislosti nás nepřekvapí, že byl organizován i speciální „kulatý stůl“ pod názvem «*Чехов в школе*», který vyvolal velký zájem (včetně zanícené diskuse) zejména mezi početnými delegáty z Ruské federace.³ Součástí celého pětidenního rokování byla i jednodenní exkurze do osady Melichovo, spojená (kromě přednesu několika referátů) i s prohlídkou celého památníku (Čechov tady v letech 1892–1899 provozoval praxi venkovského lékaře) a s malým kulturním programem (v podání mladých herců moskevských divadel, v němž účastníci zhlédli ukázkou nezapomenutelné atmosféry spisovatelovy tvorby).

Stručná informace nedovolí referovat o všech vystoupeních.⁴ Připomeňme si alespoň některé (podle mého názoru „zásadní“) referáty, které odezněly v plenárních částech konference (úvodní i závěrečné). Mám na mysli vstupní referát V. B. Katajeva⁵ «*Чехов в XX веке: покорение планеты*», který mj. upozornil na distinktivní znaky Čechovovy tvorby, podněcující zájem o dílo tohoto ruského autora v historickém a kulturním celosvětovém kontextu na počátku 21. století, nebo odpolední referát O. A. Klinga⁶ «*Один день Антона Павловича (изображение времени у Чехова)*», věnující se mj. i zajímavým otázkám „zobrazení času“ v Čechovově díle. Velký ohlas rovněž vyvolal obsáhlý referát A. M. Smeljanského⁷, zabývající se problémy aktuální kontroverzní diskuse mezi zastánci tradičního pojetí čechovovských dramát s rigorózním respektováním výchozího autorova textu a propagátory experimentálních scén „na čechovovská témata“, tj. diskuse, která ani v české literární kritice není neznámou. Doslova záplavu komparativních vystoupení velmi iniciativně (nicméně s objektivně kritickým nadhledem) předznamenal vedoucí redaktor petrohradského literárního časopisu «Нева» I. N. Suchich, který promluvil na téma «*Чехов как Толстой: опыт практической жизни*» a provokoval tak (na rozdíl od některých jiných komparativně orientovaných vystoupení) aktuálně empatické pohledy na Čechovovskou – téměř limitní – stručnost vyjadřování, provokující zainteresovanou spoluúčast recipienta, tj. na ony symptomatické

³ Jednání a velmi živá diskuse u „kulatého stolu“ naplnila prioritně problematika tvorby učebnic a literárních chrestomatí v současných ruských školách. Nepřekvapily mne samozřejmě spontánní „nářky na úpadek literární výchovy“ (ten je nám totiž známý i z české, třebaže poněkud odlišné, skutečnosti). Z diskuse mj. vyplývala nutnost nazírat aktuálně diskutovaný Čechovův umělecký odkaz především v rovině jeho potenciálního dialogu se současným dobovým kontextem a zabránit tomu, aby mechanicky a stále tradičně akcentovaná „čítankovost“ («хрестоматийность») nezastínila ty skutečné sémantické a umělecké hodnoty, které právě dílo tohoto autora trvale začleňují mezi největší představitel světové literatury.

⁴ Při atomizovaném programu nebyla ani možnost sledovat jednání všech sekcí. Podrobnější informaci tak poskytnete konferenční sborník, který pořadatelé chystají k vydání péčí Čechovovské komise při Radě dějin ruské literatury RAN.

⁵ Prof. V. B. Katajev, DrSc., je jednak vedoucím hostitelské katedry Filologické fakulty MGU, jednak i předsedou výše zmíněné Čechovovské komise při RAN.

⁶ Prof. O. A. Kling, DrSc., t.č. proděkan hostující Filologické fakulty MGU, je současně vedoucím její katedry teorie literatury.

⁷ Jde o zástupce ředitele známého moskevského divadla MCHAT.

atributy vnímání uměleckého textu, které korespondují přirozeně s recepčními přístupy soudobých vyspělých čtenářů i diváků.⁸

V doslovné záplavě dalších referátů bych (aniž bych chtěl snižovat úroveň těch ostatních, které jsem nestihl sledovat) rád připomenul alespoň některá témata, která mne osobně zaujala. Mám na mysli například zpřesňující návraty k nejrůznějším epizodám autorovy biografie⁹, pokusy o nové interpretační analýzy jeho jednotlivých děl i jejich distinktivních stylistických znaků (někdy částečně i bez respektování přirozených posunů interpretačních východisek v nových časových, společensko-kulturních, případně jinonárodních kontextech)¹⁰.

Zaujaly mne rovněž referáty, zabývající se pohledem na Čechovovu tvorbu z pozice vzdálenějších kultur (Japonsko, Korea, Čína, Nový Zéland, Kanada, USA aj.). Nezřídka výrazně odlišné recepční i interpretační tradice totiž apriorně provokují u čtenářů i literárních badatelů představy o potenciálně možném diametrálně odlišném chápání Čechovova uměleckého odkazu. Poněkud překvapivě pak přijímají informace o tom, že obecně „lidské“ atributy tvorby tohoto ruského autora jsou schopny vyvolávat svou lapidárně prostou formou vyjadřování, ale současně i svou vícevrstevnatou ambivalentní sémantikou téměř identické recepční postoje v soudobém globalizovaném světě.¹¹ V této souvislosti je nutno i zmínit „nadhledový“ referát pracovnice Gorkého institutu světové literatury RAN (rovněž členky spoluorganizační Čechovovské komise RAN) I. J. Gitovič (přednesený na závěrečném plénu) s tématem «Слова о биографии Чехова, биографе и читателе», zamýšlející se nad otázkami skutečné současné nadnárodní, světové popularity odkazu autorova díla. Podařilo se jí totiž mj. nejen zbavit naznačenou problematiku úzkého utilitárního přístupu, ale i upozornit na nutnost nazírat literárně historické otázky v širších souvislostech. Zajímavým pendantem celého literárně orientovaného jednání bylo vystoupení proděkana Fakulty fundamentální medicíny MGU V. A. Loginova, který se věnoval vztahům diagnostických schopností Čechova lékaře a Čechova spisovatele. V obsáhlém referátu se mu mj. podařilo nejen nastínit zajímavý vztah mezi spisovatelovou „zákonitou ženou“ medicínou a „milenkou“ literaturou¹², ale i dokázat, že i ve své původní profesi lékaře nebyl A. P. Čechov

⁸ Pro ilustraci bych uvedl alespoň některé komparace, které byly na konferenci prezentovány: mám na mysli témata jako hledání společných pohledů na svět či podobných narativních postupů – eventuálně východisek nebo sémantických gest – mezi jubilujícím Čechovem a takovými autory ruské i světové literatury jako F. M. Dostojevskij, A. S. Puškin, M. J. Lermontov, A. I. Kuprin, G. B. Shaw, I. Bunin, W. Shakespeare, nebo komparace orientované třeba na vztahy a souvislosti Čechova a anglické, americké aj. prózy atd.

⁹ Jde mj. o tradiční symptomatický zájem ruské odborné komunity o vysoce detailní postižení všech faktů spisovatelovy biografie. V této souvislosti byla např. vzpomenuť návštěva čechovovské osady Melichovo bezesporu zajímavá a přínosná nejen svými literárně-historickými, ale i obecně kulturními artefakty; nepřekvapí proto, že zanechala ve všech účastnících – ty zahraniční nevyjímaje – hluboký dojem.

¹⁰ Je možno připomenout referát s tématy čechovovské metafory nebo obecně jazyka v jeho prózách i dramatech, čechovovského prožívání času, sémantické charakteristiky vlastních jmen ve spisovatelových prózách i dramatech aj.

¹¹ Příznačné v tomto směru bylo například vystoupení japonského profesora (a rovněž překladatele Čechovových dramát do japonštiny) Nakamoto Nobujuki, osvětlujícího proces japonské inscenace Čechovova dramatu «Платонов».

¹² Jde o známý aforistický výrok samotného spisovatele, kterým s oblibou charakterizoval vztah mezi svými dvěma profesemi – medicínou a literaturou.

podprůměrným odborníkem. Poslední referát na téma «*Вечное движение*» v závěrečném plénu přednesla známá čechovovská teatroložka T. K. Šach-Azizová, která se pokusila shrnout diskusi o trvalém zájmu o čechovovský odkaz v kontextu přirozeně vznikajících vývojových posunů v literární vědě, kritice i recepci.

Celkově moskevskou konferenci hodnotím velmi pozitivně. Poskytovala totiž mj. i adekvátní prostor ke kolegiální, ale i věcné diskusi, kterou považuji za zpravidla nejcennější přínos podobných setkání. Ta moskevská diskuse mj. potvrdila neslábnoucí schopnost Čechovových próz i dramát nejen provokovat samotný zájem čtenářů, diváků, překladatelů i literárních badatelů, ale současně i potvrdila vysoce nadnárodní rozměry tohoto zájmu. Za možnost účastnit se tohoto jednání je třeba organizátorům poděkovat.

Oldřich Richterek, Česká republika, Hradec Králové

Jubilejní sympozium ukrajinistů střední a východní Evropy

Ve dnech 26.–28. srpna 2010 se na Filozofické fakultě Univerzity Palackého v Olomouci uskutečnilo jubilejní V. Olomoucké sympozium ukrajinistů střední a východní Evropy s názvem *Současná ukrajinistika: problémy jazyka, literatury a kultury*, zorganizované ukrajinistickou sekcí katedry slavistiky FF UP. Mezinárodní konference se zúčastnilo více než 80 vědců z vysokoškolských a akademických pracovišť v České republice, Ukrajině, Rakousku, Itálii a Rusku. Jubilejní sympozium se konalo pod patronátem České a Mezinárodní asociace ukrajinistů a bylo věnované 10. výročí vzniku sekce ukrajinistiky na Univerzitě Palackého.

Zahájení konference se uskutečnilo v aule FF UP za účasti rektora UP prof. RNDr. Miroslava Mašláňe, CSc., a vedoucího brněnského Konzulátu Ukrajiny Jaroslava Asmana. K účastníkům krátce promluvil také dr. A. Kalous, proděkan FF UP, doc. Z. Pechal, vedoucí katedry slavistiky FF UP, a prof. M. Moser (Ústav slavistiky Vídeňské univerzity).

Úkolem vědců bylo zhodnotit výsledky své badatelské práce za dva roky, které uplynuly od doby konání 4. Olomouckého sympozia ukrajinistů (2008), a prodiskutovat aktuální jazykové, literárněvědné a kulturologické problémy dnešní ukrajinské postoranžové společnosti.

Jednání probíhala v plenárních zasedáních a ve třech sekcích – jazykovědné, literárněvědné a kulturologické. Náplň programu a aktuálnost problematiky je možno nastínit v následujících bodech. V úvodním plenárním zasedání sympozia byl přednesen referát J. Anderše (Olomouc) věnovaný desetiletí existence ukrajinistiky na Univerzitě Palackého (v red. zkrácené verzi uvádíme za textem zprávy). Ve svém vystoupení hovořil o problémech vzniku a vývoje oboru ukrajinské filologie, o pomoci kolegů rusistů a polonistů při zajištění výuky a také o perspektivě dalšího vývoje ukrajinistiky na UP. Na tento referát navázal příspěvek M. Mozera (Vídeň) věnovaný vídeňskému období v historii Ukrajinského Vilmého Univerzitetu. Zajímavým byl

referát L. Tarnašynské (Kyjiv) *Antropocentrismus ukrajinského šedesátництва: personalistický rozměr.*

Jazykovědná sekce se zabývala problematikou spojenou se strukturou, vývojem a fungováním spisovné ukrajinštiny v současné ukrajinské společnosti. Byly jí věnovány referáty S. Del Gaudia (Kyjiv) *Srovnání italského vokalizmu s ukrajinským*, M. Mykytyn-Družyncové (Oděsa) *Ortoepie ukrajinských samohlásek: historie a realie*, R. Tryfonova (Charkiv) *Expresivnost a metajazykový fenomén omluv za patos v blozích*, K. Korotyčové (Charkov) *Komunikativní strategie a taktika ekologického diskurzu*, L. Zabolotne (Charkiv) *Latinské lékařské termíny jako složité lingvistické útvary*, N. Nazarenkové, L. Bardinové (Kyjiv) *Některé aspekty výpůjček do ukrajinštiny sportovních termínů neologismů*; dále referát H. Najenkové (Kyjiv) *Model epistemické situace a analýza struktury staroukrajinského odborného textu*, N. Kobčenkové (Moskva) *Sféra fungování volného spojení*, M. Melnikové (Oděsa) *Specifičnost onomastiky ve sbírce Výbor Liny Kostenko*, S. Lavrynenkové (Izmažil) *Lidový právnícký rozměr folklorního textu* aj. Lingvistická analýza ukrajinských frazeologizmů byla předmětem zájmu H. Hubarevové (Charkiv), J. Kalašnykové (Charkiv), S. Rudenkové (Charkiv) a T. Sukalenkové (Kyjiv). Přednášející N. Darčuková (Kyjiv) a N. Čejlitková (Kyjiv) hovořily o problémech zpracování elektronického slovníku ukrajinské lingvistické terminologie tezaurusovského typu a vytvoření lexikálně tematického modelu diskurzu na základě syntaktických kritérií.

V literárněvědné sekci se probíraly teoretické aspekty ukrajinské literatury různých vývojových období (referáty M. Vaskiva (Kamjanec-Podilskij) *Experimentální charakter ukrajinského románu a románových forem 20.-30. let 20. stol.*, N. Vydašenkové (Charkiv) *Existenciální motivy v Deníku O. P. Dovženka*, S. Kryvoručenkové (Chryst) *Modalita myšlení a citění jako relevantní faktor zjištění konceptuálních pohledů spisovatele*), tvorba jak známých, tak i méně známých spisovatelů (referáty J. Chodakivské (Kyjiv) *Vasyl Stus proti romantizmu: stylistická hledání básníka v 60. letech 20. stol.*, H. Kolodkevyčové (Kyjiv) *Obrazy kostela a věznice jako výrazy toposu lyrického hrdiny ve variantech textu V. Stuse*, K. Usačovové (Kyjiv) *Františkánský klášter v ukrajinské literatuře (na materiále povídky Nataleny Korolevy)*), folkloristická problematika (referáty V. Fedasové (Kyjiv) *Mychajlo Maksymovyč a jeho tradice: ústní slovesnost jako sociální fakt*, V. Badenkovové, J. Badenkovové (Kyjiv) *Koncept „studně“ v ukrajinských a německých pohádkách*, O. Šalakové (Kyjiv) *Folklor Podolí v záznamech Oleny Pčilky: metodika zapisovací praxe*, L. Jefremovové (Kyjiv) *První katalog ukrajinského písňového folkloru*). Srovnávací česko-ukrajinský plán byl zastoupen v referátech R. Merzové (Olomouc) *Karel Hynek Mácha a Viktor Zabíla jako romantici přírody*, A. Kohútikové (Olomouc) *Realistické zobrazení ženy v dílech Marka Vovčka a Boženy Němcové* a I. Zabijakové (Kyjiv) *Česká literární avantgarda na Ukrajině*.

V kulturologické sekci se jednalo o problémech překladu ukrajinské literatury do češtiny (referáty U. Cholodové (Olomouc) *Dva hlavní přístupy k překladatelskému procesu*, E. Opletalové (Olomouc) *Překlady ukrajinské literatury do češtiny konce 20. stol.*, O. Gazdošové (Brno) *Gramatické, stylistické a terminologické chyby při překládání právních textů*), formování jazykové kultury (referáty S. Harmaše

(Charkov) *Formování projektové kultury studentů jako předpoklad efektivní profesní činnosti*, L. Šejinové (Charkov) *Realizace kulturní a kros-kulturní socializace na vysokých školách současné Ukrajiny*, I. Plotnycké (Kyjiv) *Znalost ukrajinštiny jako součást profesní činnosti státního úředníka*, L. Malesové (Kyjiv) *Politici paměti a polykulturnost v sociokulturní analýze ukrajinské společnosti*, ukrajinské lingvodidaktiky, pedagogiky a etnopedagogiky (referáty L. Ševcovové (Žytomyr) *Lingvodidaktická studia infinitivních vět*, J. Berezjukové (Žytomyr) *Dědictví Ivana Franka v kontextu ukrajinské pedagogiky*, O. Berezjukové (Žytomyr) *Problém profesně pedagogického vzdělání Ukrajiny*, Veretenkové, N. Zaverykové (Zaporoží) *Zvláštnosti jazykové komunikativní přípravy sociálního pedagoga*, O. Kučerukové (Žytomyr) *Rodný jazyk v ukrajinské lingvodidaktice: moderní tendence a perspektivy*, L. Udovyčenkové (Kyjiv) *Moderní metodiky studia obrazů-postav v přednáškách o literárním vzdělání žáků*). Pozoruhodnými byly referáty S. Vichljajevové, N. Vichljajevové, A. Minosjana, L. Sapožnykovové (Charkiv), O. Mysečkové, M. Matysové (Žytomyr) věnované kulturně vzdělávací politice na Ukrajině v historické perspektivě, vlivu kreativního ekonomického vzdělání na kulturní vývoj osobnosti a dialogu kultur v lexikální zásobě ukrajinského jazyka.

Pro účastníky konference byla organizována prohlídka památek města a vystoupení kapely Lidová muzika FRGÁL, která představila lidovou hudbu některých regionů od Hané na východ, kdy se dostala až na Ukrajinu.

Závěrem můžeme konstatovat, že jubilejní V. Olomoucké sympozium ukrajinistů střední a východní Evropy se vyznačovalo bohatým tematickým rozsahem programu, aktuálností projednávané problematiky a vysokou teoretickou úrovní proslovených referátů, jež vyvolaly živou diskusi. Velkou mírou taktéž přispěla publikace ke konferenci sborníku referátů UCRAINICA IV. Současná ukrajinistika. Problémy jazyka, literatury a kultury. AUPO. Facultas Philosophica. Philologica 100 – 2010. Univerzita Palackého v Olomouci. Editor J. Anderš, DrSc., Olomouc 2010, 374 s. ISBN 0231-634X; ISBN 978-80244-2500-9.

VI. Olomoucké sympozium ukrajinistů střední a východní Evropy se uskuteční 23. – 25. srpna 2012 (viz <http://www.ukrajinistika.upol.cz>).

Josef Anderš, Česká republika, Olomouc

Международная научная конференция «Фразеология, познание и культура»

С седьмого по девятое сентября 2010 в Белгородском Государственном Университете состоялась вторая Международная научная конференция под названием «Фразеология, познание и культура», организаторами которой были Комиссия по славянской фразеологии Международного комитета славистов, Министерство образования и науки РФ, Национальный исследовательский университет «БелГУ» и НОЦ «Когнитивная лингвокультурология» БелГУ.

В конференции приняли участие ученые из самых разных стран. Из славянского ареала кроме русских докладчиков выступили фразеологи из Белоруси, Украины, Хорватии, Болгарии, Польши, Словакии и Чехии. Неславянский ареал представляли ученые из Германии, Австрии и других европейских стран. В работе конференции, однако, принимали участие не только европейские ученые: сопредседателем одной из секций был японский ученый С. Мурата.

На пленарном заседании конференции выступили четыре докладчика. Первым докладчиком был профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. М. Мокиенко с докладом о познании и культуре в зеркале когнитивной и исторической фразеологии. Следующим докладом был доклад С. Георгиевой, профессора из Болгарии, о способах выражения ментальности народа в его идиоматике, после которой выступил Х. Вальтер, который в своем докладе описывал культурнопознавательную ценность фразеологических ани-мализмов. Последним на пленарном заседании выступил представитель местного фразеологического направления с докладом с названием Фразеология и культура: поиск категориально-понятийных оснований.

Сама работа конференции была разделена на шесть секций, которые соответствовали основным направлениям когнитивной фразеологии. Обсуждались методологические проблемы когнитивной фразеологии, образ мира и его репрезентация в семантике фразеологических единиц, образ мира и его репрезентация в семантике фразеологических единиц, культурно-познавательное пространство славянской фразеологии и паремиологии, культурно-семантическая эволюция славянской фраземики в пространстве, фраземы в дискурсивно-когнитивном пространстве и фразеология как объект и средство познания (в линводидактическом аспекте). Богатую программу отдельных секций, насчитывающую почти 200 докладов, дополняла презентация самых важных фразеологических школ. В качестве примера можно привести Санкт-Петербургскую школу В. М. Мокиенко, хорватскую (загребскую) школу Ж. Финк. Грайфсвальдскую школу субстандартной фразеологии презентовал проф. Х. Вальтер. Состоялась также презентация Белгородской школы дискурсивно-когнитивной фразеологии. Кроме презентации фразеологических школ, участников ожидали два мастер-класса: мастер-класс Л. К. Байрамовой и мастер-класс А. М. Эмировой. Официальная часть конференции закончилась итоговым пленарным заседанием, где одним из докладчиков была

доцент Университета имени Палацкого Л. И. Степанова, выступившая с докладом на тему семантических архаизмов и фразеологической картины мира.

Работу конференции дополняла подготовленная для участников богатая культурная программа. Культурная программа началась с дружеского ужина с представлением всех заграничных делегаций, затем выступили с народными песнями и танцами студенты Белгородского государственного университета. Кроме дружеского ужина, участники конференции имели возможность осмотреть курортный центр Университета, в котором состоялось пленарное заседание. Последний день конференции был посвящен экскурсии в Холковские пещеры.

Благодаря широкой концепции, затрагивающей все важные проблемы когнитивной фразеологии, а также представленности фразеологов мира можно считать Белгородскую конференцию важным шагом пути развития когнитивной фразеологии.

Petra Fojtů, Česká republika, Olomouc

Dynamické tendencie v slovanskej frazeológii. Filozofická fakulta Katolickej univerzity v Ružomberoku, 27.–29. 8. 2010

V posledním srpnovém týdnu tohoto roku se Filozofická fakulta Katolíckej univerzity v Ružomberku stala dějištěm mezinárodní konference Dynamické tendence ve slovanskej frazeológii, na jejímž uspořádání se kromě hostitelské fakulty podílelo i město Ružomberok.

Konference proběhla pod záštitou Mezinárodního komitétu slavistů, Komise pro slovanskou frazeologii při Mezinárodním komitétu slavistů a Komise pro slovenskou frazeologii při Slovenském komitétu slavistů a byla věnována životnímu jubileu členky Komise pro slovanskou frazeologii při Mezinárodním komitétu slavistů, významné frazeoložky a v neposlední řadě naší milé kolegyně doc. Ludmily Ivanovny Stěpanové, CSc.

Na konferenci se sešel reprezentativní kolektiv evropských frazeologů v čele s V. M. Mokienkem, jehož žačkou a neúnavnou spolupracovnicí je také jubilující L. Stěpanova. Kromě účastníků ze Slovenské republiky, Ruské federace a České republiky to byli též frazeologové z Běloruska, Bulharska, Chorvatska, Maďarska, Německa, Polska, Slovinska, Španělska a Ukrajiny.

Konferenci zahájili děkanka FF KU v Ružomberku D. Baláková, předseda Komise pro slovanskou frazeologii při Mezinárodním komitétu slavistů V.M. Mokienko a předseda Komise pro slovenskou frazeologii Slovenského komitétu slavistů J. Mlacek. Na plenárním zasedání pak zazněla vystoupení V. M. Mokienka (z historie evropské somatické frazeologie – frazémy s komponentem «nohy»), J. Mlacka (zamyšlení nad obsahem a rozsahem frazeologie) a H. Waltera (frazémy s komponentem «petruška»).

Další jednání již probíhala ve dvou paralelních sekcích v tematických blocích. Zastřešující témata měla charakter obecného náhledu na zkoumanou problematiku (sekce Obecné problémy slovanské frazeologie), popisovaly se vztahy strukturně-sémantické (Frazeologická struktura a frazeologická sémantika), zkoumaly se otázky kompetencí v dané oblasti (Frazeologický úzus a jazyková kompetence); mnohé příspěvky akcentovaly aspekt kulturologický (Frazeologické koncepty v zrcadle slovanských kultur 1 a 2), badatelskému zájmu se tradičně těšily také tendence v současné frazeologii (Nová frazeologie v nové slovanskojazyčné Evropě). Rokování probíhala v multilingvální atmosféře, v níž se uplatnily všechny slovanské mateřské jazyky přednášejících.

U příležitosti konference proběhlo také zasedání Komise pro slovanskou frazeologii Mezinárodního komitétu slavistů.

Velké poděkování patří organizátorům za vysokou úroveň organizace a všestrannou péči o účastníky konference, která probíhala v příslušném příjemném a družném ovzduší slovanské vzájemnosti. Milým překvapením ze strany organizátorů bylo uspořádání kulturně-poznávací exkurze v okolí města.

Účastníci konference uvítali, že si mohli přímo z místa jednání odvézt sborník přednesených příspěvků, vydaný Mezinárodním komitétem slavistů v německém Greifswaldu péčí H. Waltera (*Dynamische Tendenzen in der slawischen Phraseologie*. Redaktion Dana Baláková a Harry Walter, *Phraseologische Studien*, Greifswald 2010, 356 s.). Sborník obsahuje kromě frazeologických studií také soupis bohaté bibliografie jubilantky, čítající úctyhodných 165 položek.

Také redakce časopisu *Rossica Olomucensia* a kolegové z katedry slavistiky Filozofické fakulty olomoucké univerzity se připojují k řadě gratulantů a přejí své milé spolupracovnici docentce L. Stěpanové k jejímu životnímu jubileu ještě hodně badatelských úspěchů na poli slovanské frazeologie!

Zdeňka Vychodilová, Česká republika, Olomouc

Desetiletí ukrajinistiky na Univerzitě Palackého v Olomouci

Slavistické tradice Olomouce jsou spojené se jménem zakladatele slavistiky jako vědy Josefem Dobrovským, který v letech 1787–1790 působil na Hradisku u Olomouce nejdříve jako vicerektor a později jako rektor Generálního duchovního semináře. Studium slavistiky na Univerzitě Palackého je spojeno především s rusistikou a polonistikou, které tvořily základ obnovené katedry slavistiky (1994). Studium ukrajinistiky má počátek v polovině 90. let minulého století, kdy se na katedře slavistiky začala vyučovat ukrajinština jako druhý slovanský jazyk. Zájem studentů rusistů o studium ukrajinštiny se zvýšil, když byl na katedře akreditován obor Ruština s orientací na hospodářsko-právní a turistickou oblast.

Vznik samostatného ukrajinského státu, oživení česko-ukrajinských hospodářských, politických a kulturních vztahů, zvýšení role ukrajinštiny jako prostředku mezistátního dorozumění stimulovaly otevření oboru ukrajinská filologie na velkých českých univerzitách (např. v roce 1993 na Masarykově univerzitě v Brně). Na Univerzitě Palackého byl tento obor akreditován v roce 1997. Tak vedle rusistiky a polonistiky na katedře slavistiky Filozofické fakulty UP vznikl nový slavistický obor, který bylo možno studovat v kombinaci s jiným oborem na fakultě. Slavnostní otevření sekce ukrajinistiky proběhlo 28. září 1999 za účasti tehdejšího děkana FF UP doc. PhDr. V. Řehana.

Během desetiletí ukrajinskou filologii jako obor na katedře zajišťovali mj.: J. Anderš (Úvod do studia jazyka, Základy slavistiky a staroslověnštiny, Syntax a Vývoj ukrajinského jazyka, Staroslověnský jazyk, Typologie slovanské věty, Jazyková etiketa, Práce s tiskem a TV), N. Malinevská, později U. Kholod a R. Merzová (Fonetika, Morfologie, Lexikologie a Stylistika ukrajinského jazyka, fonetická, gramatická, konverzační a překladová cvičení, Přehled kultury a Ukrajinské reálie), Z. Vychodilová (Úvod do teorie překladu), B. Zilynskyj (Dějiny Ukrajiny), J. Komendová (Dějiny východoslovanských zemí), E. Opletalová, P. Rudinská a R. Kindlerová, později R. Merzová (Ukrajinská literatura 19. a 20. stol.), R. Strojvůs (Ukrajinské církevní reálie).

Celkem za 10 let existence oboru ukrajinská filologie bylo přijato do studia 80 studentů. Dnes v Olomouci studuje ukrajinskou filologii 40 studentů.

Budování ukrajinistiky bylo možné díky grantům získaným z Fondu rozvoje vysokých škol MŠMT a FF UP Olomouc na inovaci magisterského studijního programu Ukrajinská filologie.

Kromě toho má sekce ukrajinistiky podepsáno několik mezinárodních smluv o spolupráci a výměně studentů a pedagogů, např. s Kyjevskou národní univerzitou Tarase Ševčenka a Lvovskou národní univerzitou Ivana Franka, od r. 2009 i s Černiveckou národní univerzitou Jurije Feďkovyče.

Na přednáškový pobyt do Olomouce byla pozvána řada ukrajinských a českých vědců, mj. prof. M. Najenko (KNU T. Ševčenka, říjen 2001, referát *Ženy v životě Tarase Ševčenka*), dr. R. Omeljaško (Historicko-kulturní expedice pro Černobyl, říjen 2002, referáty *Černobylská katastrofa a její následky, Zachování kulturního dědictví v zóně Černobylské katastrofy*), dr. B. Zilynskij (PF UK, listopad 2002, referát *Ukrajinské tradice Olomouce a Moravy*), prof. V. Žajvoronok (JÚ O. Potebni NAV Ukrajiny, říjen 2004, referáty *Ukrajinská etnolingvistika, Jazyk jako etnografický pramen, Typy slovníků a dvojjazyčná překladová lexikografie*).

Otevření nového ukrajinistického oboru si vyžádalo vytvoření vlastních studijních učebnic a příruček s přihlédnutím k ukrajinsko-českému srovnávacímu plánu. Za deset let existence oboru ukrajinská filologie jsou připraveny a publikovány následující práce:

Anderš, J., Danylenko, L.: *Praktický česko-ukrajinský slovník. Ekonomika. Finance. Obchod.* Olomouc 2000; Anderš, J., Danylenko, L.: *Ukrajinsko-český slovník. Ekonomika. Finance. Obchod.* Olomouc 2004. Tyto slovníky tvoří organický celek, obsahují obecnou a odbornou slovní zásobu ukrajinského a českého jazyka týkající se ekonomické, finanční a komerční sféry, zachycují velké množství neologizmů pro pojmenování nových společenských jevů a pojmů, které nejsou popsány v dřívějších vydáních.

Anderš, J.: *Ukrajiniština vážně i vesele.* 2. vydání přepracované. Olomouc 2002, 3. vydání doplněné. Olomouc 2006.

Malinevska, N.: *Ukrajinské reálie 1.* Olomouc 2003.

Маліневська, Н.: *Фонетична система української мови XVII ст. -- початок XVIII ст. і латинська графіка.* Olomouc 2005.

Ševcova, L.: *Infinitivní věty v ukrajinštině (ve srovnání s ruštinou).* Olomouc 2007.

Anderš, J.: *Ukrajinsko-česká a česko-ukrajinská konverzace. Jazyková etiketa. Vzory dokumentů.* Olomouc 2007.

Холод, У., Немець, Р.: *Вибрані теми з мовознавства. Частина перша. Практичний курс для студентів-україністів.* Olomouc 2009.

Холод, У.: *Транспозиція модального рівня та модальної інтенсивності тексту в перекладах художньої літератури.* Оломоуць 2009.

Spolu s pedagogickou činností organizuje sekce ukrajinistiky i pravidelná sympozia ukrajinistů střední a východní Evropy. Tyto mezinárodní konference se konají pod patronátem České a Mezinárodní asociace ukrajinistů, účastní se jich více než 100 vědců z Ukrajiny, Polska, Rakouska, Itálie, Ruska, Slovenska, Česka aj. Už se uskutečnilo pět takových konferencí. 1. olomoucké sympozium ukrajinistů (I. OSU)

se konalo 15.–17. listopadu 2001 a mělo téma Ukrajinistika na prahu nového století a tisíciletí: problémy jazyka, literatury a kultury. Další symposia se konala ve dnech 26.–28. srpna 2004 (II. OSU), 24.–26. srpna 2006 (III. OSU), 28.–30. srpna 2008 (IV. OSU), 26.–28. srpna 2010 (V. OSU) a byla věnována jednomu globálnímu tématu - současná ukrajinistika: problémy jazyka, literatury a kultury. Z každé konference vznikl sborník z řady *Ukrainica*, který se daří vždy připravit k začátku zahájení symposia.

Sekce ukrajinistiky dbá i na přípravu vlastních odborníků: v současné době v doktorském studiu v oboru srovnávací slovanská filologie (ukrajinská filologie) studuje 8 doktorandů.

Od akademického roku 2010–2011 se na katedře slavistiky otevírá nový ukrajinistický bakalářský tříletý studijní obor – Ukrajinština se zaměřením na hospodářsko-právní a turistickou oblast. A právě v tom lze spatřovat úspěšný vývoj vysokoškolské ukrajinistiky v Olomouci pro nadcházející desetiletí.

Josef Anderš, Česká republika, Olomouc

XXI ОЛОМОУЦКИЕ ДНИ РУСИСТОВ,

состоятся под эгидой МАПРЯЛ и ЧАР

7 – 9 сентября 2011 г.

После пленарного заседания предполагается работа в секциях по следующим темам (подтемам):

Секция:	Тема (подтема):
лингвистическая	Русский язык в процессе коммуникации.
литературоведческая	Диалогическая структура русской литературы.
переводческая	Научные традиции и новые направления в теории перевода.
фразеологическая	Фразеология и интернет.

Торжественное открытие конференции состоится **7 сентября 2011 г. в 10 часов** в актовом зале Философского факультета, ул. Кржижковского 10. Рабочий язык – русский. Регламент доклада или сообщения в секциях **15** мин. Предоставляется возможность выступления и на английском языке (в таком случае регламент 10 мин.; большая просьба подготовить подробный хэнд-аут на русском языке).

Все расходы, связанные с участием в конференции, оплачиваются участниками. Оргвзнос покрывает расходы на публикацию сборника, почтовые сборы, банкет, культурную программу.

Проживание в общежитии оплачивается при заезде у администратора общежития в чешских кронах.

Электронная заявка на участие в конференции будет размещена в течение февраля месяца 2011 г. на нашем сайте: **www.odr.upol.cz**

Тексты выступлений участников будут опубликованы в сборнике *Rossica Olomucensia* или журнале *Rossica Olomucensia. Časopis pro ruskou a slovanskou filologii*. Текст необходимо оформить по опубликованным на сайте «Требованиям к компьютерному оформлению статей». Тексты докладов и сообщений тех, кто перевел оргвзнос, но не смог принять личное участие в конференции, будут публиковаться по решению редколлегии.

До встречи в Оломоуце!

doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.
завкафедрой славистики

PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.
президент конференции

Rossica Olomucensia - Časopis pro ruskou a slovanskou filologii je pokračováním ročenky *Rossica Olomucensia* vydávané olomouckými rusisty od r. 1968. Časopis je recenzovaným periodikem. Vychází dvakrát ročně. Od r. 2009 má i svoji elektronickou verzi (http://www.rusistika.upol.cz/RU_rossica_ce.html).

Uveřejňuje původní vědecké a odborné studie s filologickou problematikou. V tomto smyslu jsou přijímány pouze příspěvky, které nebyly dosud publikovány a nejsou přijaty k publikaci v jiném časopise, což dokládají autoři svým prohlášením.

Obsah časopisu má následující strukturu: vědecké a odborné stati, recenze, zprávy a kronika.

Poskytnuté příspěvky musí respektovat níže uvedené formální pokyny. V případě jejich nedodržení se příspěvky vrací autorům k úpravám a doplněním.

Všechny příspěvky procházejí nezávislým, objektivním, anonymním recenzním řízením.

Příspěvky je možno zasílat během celého roku. Uzávěrka je vždy k poslednímu dni měsíce května a října příslušného roku.

Texty příspěvků zasílejte na adresu:

Rossica Olomucensia, katedra slavistiky, Filozofická fakulta Univerzity Palackého v Olomouci, Křížkovského 10, CZ-771 85.

E-mail: l.voboril@centrum.cz

Soubor v elektronické podobě musí být uložen pod příjmením autora (bez diakritiky, latinkou) s koncovkou .doc nebo rtf (např. novak.rtf, vychodil.doc).

Struktura a úprava příspěvku:

Jméno autora bez titulů v pořadí – jméno, (jméno po otci), příjmení.

Stát a město, v němž autor příspěvku působí.

Název příspěvku.

Abstrakt v angličtině v rozsahu cca 400 až 600 znaků s mezerami. Uvádí se za slovem Abstract:

Klíčová slova v angličtině – cca 10 – 15 slov, oddělují se pomlčkami. Uvádí se za slovy Key Words:

Text příspěvku – základní text font Times New Roman, vel. 12 pt, řádkování 1,5, zarovnání vlevo, okraje 2,5 (nahore, dole, vlevo i vpravo). Neformátovat – formátování se v převodu do sázecího editoru ruší. Entrem oddělovat pouze odstavce, od-

stavce neodrážet ani neoddělovat mezerami. Nestránkovat (stránky vyznačit případně pouze na tištěný text ručně). Mezititulky neoddělovat mezerami.

Celý text a všechny další součásti se píše fontem Times New Roman, vel. 12 pt.

Maximální rozsah **18 000 znaků** včetně mezer (včetně jména, názvu, abstraktu, klíčových slov, vlastního textu, poznámek, seznamu použité a excerpované literatury).

Klíčová slova v textu (bez uvozovek) a příklady (bez uvozovek) se uvádějí kurzívou. Pro zvýraznění používejte tučné písmo. Podtrhávání není přípustné. Citace se uvádějí uvozovkami („Cituji“, «Цитирую», “Citation”), specifickými pro každý jazyk. Odkazy na citovanou či použitou literaturu se uvádějí v hranatých závorkách s uvedením příjmení autora, roku a čísla strany: [Novák 1997: 65]. Poznámky pod čarou používejte pouze pro doplňující informace, nikoli jako odkaz na literaturu.

Použitá literatura. Příklady uvádění jednotlivých titulů (základní formy) v seznamu literatury:

Kniha, monografie, učebnice:

CRYSTAL, D. (2001): *Language and the Internet*. Cambridge: Cambridge University Press.

Článek v časopise:

GREGOR, J. (2006): Verbonominální spojení MÍT + abstraktum a jejich ekvivalenty v ruštině (z hlediska lingvodidaktického). *Opera slavica XVI*, 2006, č. 4, s. 11–26.

Příspěvek ve sborníku:

JANČÁK, P. (1989): Mluva v severozápadočeském pohraničí. In: F. Daneš – J. Bachmannová – S. Čmejrková – M. Krčmová (eds.): *Český jazyk na přelomu tisíciletí*. Praha: Academia, s. 239–249.

Autoři odpovídají za jazykovou a gramatickou správnost textu. Příspěvky v rozporu s uvedenými pravidly, neschválené recenzním řízením či neodpovídající zásadám etiky nebudou k publikování přijaty.

Text „Pokynů pro autory“ v ruském jazyce je uveřejněn na internetové stránce katedry slavistiky: www.rusistika.upol.cz v oddíle Rossica Olomucensia.

Těšíme se na Vaši spolupráci!